

кР
3-81

Л.М.Золотарев

ПРОМЕТЕЯ

**Трилогия,
трагедии**

МОИ ПЕСНОПЕНИЯ

Лирика

Леонард Золотарев

ПРОМЕТЕЯ
(героическая трилогия)

**г.Орел,
2005 г.**

SBN 5-89991-003-X

ББК 83.3

(2 = РУС)

6

3 80

«Прометея (героическая трилогия).

Мои песнопения (лирика)».

Автор: Леонард Михайлович Золотарев.

Рецензенты: Курляндская Галина Борисовна – доктор филологических наук, профессор.

Осмоловский Олег Николаевич – доктор филологических наук, профессор.

Узилевский Геннадий Яковлевич – доктор филологических наук, профессор.

В эту книгу большого русского мастера, писателя Леонарда Михайловича Золотарева входят «Прометея (героическая трилогия)», состоящая из трагедий «Прометей-огнеоносец» (Л.Золотарева), «Прикованный Прометей» Эсхила (в переводе Нилендера и С.Соловьева, в литературной редакции Л.Золотарева), «Свободнорожденный Прометей» (Л.Золотарева). Трилогию заключает послесловие автора «Алхимия человечества», в которой раскрывается сложный мир фантастики и архетипов бессознательного, сама эстетика современных произведений на эсхилевские сюжеты, глубочайший пафос античной литературы, создавшей основы всей европейской и мировой цивилизации. Книга продолжает историко-художественную, просветительско-публицистическую тенденцию такого рода литературы, начатую Л.М.Золотаревым еще с «Трояновой тропы», трилогии «Одиссея» Гомера и ее продолжения «Белая Скифия» Леонарда Золотарева.

Широкое полотно реально-инобытийной жизни, изыскано-напевный поэтический слог, лапидарно-бронзовокованный стих. История врывается в современность, уходит в прошлое, чтобы осмыслить пространство в машине времени. Все живо, трепещет и благоухает. Подвижны, философски осмыслены образы и характеры. Четкие, емкие фразы могут быть расхвачены устно и уйти в культуру, народ.

В данное издание включены еще и «Мои песнопения (лирика)» Леонарда Золотарева, в которых, придавая духовность историко-современному поэтическому мышлению автора, блистают его песни, спетые им и записанные в виде концертов – шоу на аудиокассеты. Выделяется цикл стихов и песен об Орле, гимн этому литературному городу в срединной Руси.

Книга рассчитана на преподавателей вузов, студентов и школьников, специализирующихся в области литературы, истории, психологии человека, интересна и доступна широкому кругу читателей.

© Л.М.Золотарев,
г.Орел, 2005 г.

ПРОМЕТЕЙ - ОГНЕНОСЕЦ

Слышишь ли ты это,
Амфиарей, скрытый под землей?

Действующие лица

Крон, он же Кронион – царь богов – титанов, отец Зевса.

Прометей – бог – титан, герой, давший людям Огонь.

Гермес – бог, расковавший Крониона, тайный сторонник Прометея.

Гефест – бог кузнечного ремесла, подземного Огня, явный исполнитель
Зевесовой воли.

Гесиона – она же Пандора – богиня, жена Прометея.

Амфиарей – двойник Прометея в Аиде.

Гейя – богиня олицетворения Земли.

Океан – из богов – титанов, брат Крониона.

Хор Океанид, в их числе Иона и Пантея.

Танцующие Хариты, в их числе

Евфросинья (Радость),

Талия (Цвет),

Аглая (Блеск) – жена Гефеста.

Орел, прилетающий к Прометею.

Никто.

Стража.

Дух Солнца, дух Луны. Отзвуки эха, Ветер с небес.

Скала Ниобы – супруги царя Амфиона, дочери Тантала. Ниоба считала себя красивее богини Латоны и, окруженная многочисленными детьми, более счастливой, чем та, имевшая только двух, зато каких – Аполлона и Артемиду. Те двое перебили всех детей Ниобы, и она с горя превратилась в Скалу, с которой полились ручьи ее слез.

Кронион на Скале, прикованный железной цепью. Небо низко над ним, низнут гроздя молний. Появляется Прометей, опускается на колено перед Кронионом.

Прометей

О Кронион! Царь титанов, старых богов!

Ты тут, на Скале остроликой, обвитой печалью.

Мне больно видеть тебя в жалком отребье таком,

Лишенным не только царской власти и силы,

Но даже тоги белой, длиннополой, свободной.

Я слезы свои по тебе соединяю со слезами Ниобы
И лью их отсюда, с небесных высот,
С высокой Скалы, туда – в подземный Тартар,
В кипящие сонмы, горячие воды Аида.

К р о н и о н

Не верю тебе, Прометей прозорливый!
Скажи, в чем твоя прозорливость?
Чтобы одно говорить, а делать другое?
Ты предал меня; царский сан вместе с Зевесом,
Моим отступником – сыном,
И ты вырывал у меня, царя титанов - старых богов.
И вот я тут, на этой Скале, перед Солнцем,
А ты приходишь ко мне и льешь прямо в раны мои
Смолу раскаленную, огненнодышащую.
Вероломный! Когда-нибудь силы небесные
Покарают и тебя вместе с Зевсом.

П р о м е т е й

Послушай, о царь.

К р о н и о н

И слушать тебя не желаю! Уйди!
Дай мыслям предаться моим и страданиям.

П р о м е т е й

Послушай, послушай, о царь!
Ты видишь, царем я тебя называю,
А Зевса ни разу ведь так не назвал.

К р о н и о н

На этой Скале я, притянут к вершине железною цепью.

П р о м е т е й

Я спас тебя, жизнь сохранил, убить ведь хотели тебя,
Спящим зарезать
В твоей же опочивальне.

К р о н и о н

И вижу я, будто кровь моя хлещет
С цепей под Скалу,
Сливаясь с дождями и падая в нижекипящие воды Аида.

Прометей

Увел я тебя из дворца, и ты жив.
Под Солнцем ты, тебе посылающем негу.

Кронион

Унижен я и оскорблен!
И кем – собственным сыном, тобой –
Моим сотоварищем, другом! Конечно,
В борьбе за власть нет родства и друзей,
Одна только голая жажда ее сжигает всего изнутри,
Ту жажду уймет только власть!
Которую силы небесные,
В конце концов, мне возвратят.

Прометей

О царь мой, о царь справедливый!
Сказал ты, что я прозорлив,
И истинно это, мы, боги – титаны,
Бессмертны и потому прозорливы.

Глядим далеко в сумрак прошлого,
В измаки дна. Твой дед Уран взял Власть у смертных,
У женщин и, укрепляя ее вместе с нами, титанами,
Не заметил, как постарел вместе со временем.

Кронион

Боги бессмертны, тем боле цари богов,
Что старость богоносящим?

Прометей

Конечно, забота не наша, а смертных
С извечным их страхом
О конечности жизни; они хитроумны,
Изобретая великое множество планов,
Чтобы, хотя бы на каплю,
Продлить свою ничтожную жизнь.
Таковы и новые олимпийские боги –
Я пришел к тебе с мыслью.

Кронион

Не надо, не верю, уйди!

Орел – пролетая мимо и присаживаясь к другому краю Скалы. Сидит, прислушиваясь. Из шума волн возникает старик Океан – прародитель всех богов и титанов, брат Крониона.

О к е а н

Скала имеет уши, рев слышит тут она, не только Океан.
Однако все может передать слуге Аида.

К р о н и о н

Вон Посейдон с трезубцем, бог-олимпиец!

Из-за твоей спины видать.

Океан (делая взмах рукой, как бы играя волной).

Появляется Хор Океанид, в их числе Иона, Пантея.

Старые боги – вечные боги,

Вечно ворчит Океан.

Пьют из ковша, хмельны чертоги,

Падает каждый титан.

Каждое утро Солнце – ярило

Сколько раз падало, столько всходило.

Только с другой стороны –

Из-за спины, из-за спины.

Становится темно, быстро заходит Солнце.

Танцующие Хариты (извиваются, светясь фосфорически).

Слава тебе, Океан!

Слава тебе, Кронион!

Слава тебе, наш герой Прометей!

Сколько еще ты подаришь идей

Смертному миру людей!

Хор Океанид (Пантея – выступая вперед).

Огонь носи людям!

От Солнца Огонь!

Прометей, Зевсом проклятый!

Будешь прославлен людьми на все времена,

Будем мы, будем!

Скачи же, крылатый наш Конь!

Неси в живые миры свои пламена!

Раздается грохот. Скалу шатает, Огонь вырывается из-под нее. Орел вздымает и улетает, теряя перо,

Прометей

Слышишь ли ты это. Амфиарей,
Сокрытый в таинственных недрах,
В подземной стихии Огня?

День первый

*Площадка у Скалы. Кронион на краю. И недра пока не утихли.
Прометей сидит на камне, задумчив, подперев голову кулаком.*

Прометей

Судьба играет и богами.
Ведь, кажется, еще вчера
Был Кронион на троне – царь богов,
Титаны перед ним ломали шапку.
Простые смертные за честь считали
Края хитона целовать. А ныне?
Лежит в железах на Скале,
Прикован за ногу. Не хочет говорить.
Кому хоть мне поведать, как все было?
Не так уж часто сыновья отцов свергают,
А тут низвергнут царь! Чуть не убит!
И кем – своим же сыном Зевсом!
Ветер. Шорох деревьев. Грохот сорвавшегося со Скалы камня.

Прометей

Кто там? Кто ты?

Никто

Никто и все, что тут, в яйце,
На обе половинки, в сферах
Земного и небесного. Там Кронион,
Тут я, пониже. Не хочет слушать?
Услышит, коли стану говорить.
Никто и будет слушать.

Никто

Будет, будет – слушать-слушать.

Прометей

Зевс на ночь нас собрал – своих богов,
Сынов Олимпа молодых, с кем вроде в шутку

Уже сидел полгода на Олимпе.
Но из богов – титанов я был лишь один.
И, как там оказался, сам не знаю.

Н и к т о

Не знаю сам, не знаю.

К р о н и о н

Все врешь и лицемеришь! Давно был
В заговоре с ними.
Эх вы! Пролить хотели кровь царя богов!

П р о м е т е й

Так я же руку их отвел
С кинжалом вместе. Давайте, говорю,
Не на ночь глядя мы явимся к нему,
В опочивальню царскую,
Чтоб там его прикончить,
А утром, в тронный зал,
Где он сидит при власти.
Тогда смещение его наследным сыном
Закона примет силу.

Н и к т о

Закона силу, закона силу.

К р о н и о н

И что вы делали всю ночь?

П р о м е т е й

Вином все упивались
И предстоящей властью.
Распределяли, кто кем станет,
Когда все совершим всерьез.

Н и к т о

Колосс – всерьез? Всерьез – колосс?

П р о м е т е й

Давай изображу в словах, но как картинку.
Вот Зевс сидит отдельно, он уж царь.
Напротив мы – я, Прометей с Гермесом,
А тут Гефест, Пандора.

Н и к т о

Пандора? Какая там Пандора?
То Гесиона – жена твоя, но в облике Пандоры.

П р о м е т е й

Да, вспомнил! Не я свою жену
Привел туда, она меня туда к ним заманила.
Она и предложила Зевсу
Одних титанов тоже заманить,
Других убить, иным почистить перья.
Уже как царь богов
Зевс Геру назначил покровительницей
Браков и семьи. А ведь Пандора
Втайне местечко это прочила себе.
И потому, потупя взор,
Уж ничего не говорила, сидела молча.
Гермес призвал сместить Ареса буйного
И на руку нечестного. Сместили.
Назначили над войнами вместо него
Афины Палладу. А вместо дикой Гестии
Дочь Зевса Афродиту –
Богиней Любви и Красоты.
А Аполлону приписали мудрость
И тоже Красоту, и все искусства.

Н и к т о

Чтоб ему пусто!
А что тебе?

П р о м е т е й

Вот тут по сути все и началось.
Гермес с Гефестом потребовали у Зевса одного –
Огня, ремесел,
Быть покровителями врозь двух этих сфер.
Так распалились, закипели оба.
Еще не боги, а уж как при Власти.
Добро делить взялись, друзей сбивать в когорты.
Вино пить безудержно,
Три амфоры до дна распили.
А две о головы разбили,

За бороды схватились,
Так Зевс едва разнял их.
Пандора – Гесиона не пила,
На время отошла куда-то,
Скорей всего к богине Персефоне –
Жене Зевеса и шепталась с ней
В укромном уголочке.
А тут, когда пришла, так сделалась такой, что не узнать.
То одного натравливать взялась,
А то обоим друг на друга врозь говорить такое,
Что уши вянут
И глаза на лоб.
Забыли все, с чего и начинали.
Пандора подсказала – про ремесла,
А про Огонь и сами помнили,
Держа в уме.

Кронион (со Скалы)

Так что кому досталось?

Никто

Да, кому какое кресло? Все же интересно.

Прометей

Огонь – Гермесу был отдан.
Так Гефест схватил кинжал
Да чуть ли не зарезал,
Но кого? Пандору,
Которая и факел принесла,
И между ними встала.
Ну, в общем, так. Ремесла
Все были отданы Гефесту, -
Оружие, в числе их и кузнечные дела.
Одел он фартук, заслонил Огонь
И так заважничал, -
В хозяйстве самый главный.

Никто

Так самый главный.
Вот почему он кинулся служить
Зевесу - за кого?

Кронион (со Скалы)

За палача! Ему
Всех больше надо, всюду лезет.

Прометей

Мой друг Гермес ведь кривоног,
Любитель женщин и вина,
А тут вдруг распрявился, заважничал.
Дал Зевс Гермесу шкуру неубитого медведя.
И сам еще не царь, а шкуру уж делил.
Вернее, всю отдал Гермесу.
В той шкуре было что? Искусства,
Торговля, скотоводство, все дороги, также
Сопровожденье душ в преисподнюю.
И тут же огонек – цветок голубоглазый –
Зевс в тряпку для Гермеса завернул.
Гефест, однако, острым глазом
Ту тряпку выхватил из тьмы
Да в глаз такой цветок Гермесу.
Едва Гермес не окривел. Спасибо,
Пандорино тряпье тут подвернулось под руку.
Мой друг Гермес завыл, запричитал,
На Зевса кинулся. – Ты что? –
Сдержал Гермеса Зевс. – Не видишь,
У тебя искусства! Он будет молотком лупить до поту,
Чтоб гвоздь забить, а ты – хвалить ремесла.
Да, как и я, ходить в такой же белой тоге.

Никто

В итоге – в какой же тоге?
В такой, как ходят боги?

Кронион (со Скалы)

А что Огонь – цветок голубоглазый?

Прометей

Что царь отдал – назад не возвратишь.
Даст Зевс на перст, а заберет ладонью.
Сказал Гефесту царь: «Огонь подземный
Твой весь! Цветок голубоглазый – из него»
Гермес опять взъярился: «Как же так!

Сопровождение душ в Аид – мое,
А главное, Аида содержание - чужое!»
Вот Зевс Огонь весь, и еще Гермеса
Небесный свет – от Солнца, и забрал.
И передал мне, Прометею, оставив часть у них.
Спасибо, мне Пандора помогла.
Лучину вовремя из ящика из своего, Пандориного, извлекла
Да и зажгла, чтоб Зевс мог всех богов пересчитать.
Не улизнул бы кто из олимпийцев,
Чтоб утром не идти на Крониона,
На всякий случай – руки не марать.
Все оказались тут.

Н и к т о

Все тут, все тут?
А что Огонь и Кронион чего?
К р о н и о н (с о С к а л ы)
Что Кронион? Не знал, не ведал я.

Он, аки тать в седле,
Все тайно замышлял,
Готов на преступленье.

П р о м е т е й

Зевс так сказал: «Огонь вам на двоих,
Но старшим будет Прометей!
Возможно сделать выбор.
Бери, Гермес, любой из них –
Подземный - поднебесный, верхний – нижний?»

Н и к т о

Верхний – верхний, нижний – нижний.

П р о м е т е й

Молчи, дурак! Не обижай Гефеста!
Гермес мой друг, мы с другом заодно.
Друг терпит, что ни дай.
Так вот, гремя мечами, пошли мы утром к Крониону.
Явились с Зевсом во главе,
Так стража даже не моргнула глазом,
Ведь сын тут, сын царя богов.
А Кронион как раз сидел на троне,

Перебирал какие-то листочки,
А тут как что-то вдруг почуял,
Есть волчий нюх и у царей,
Которые давно сидят на троне.
Сам Кронион, так некогда с Ураном,
Отцом своим, подобно поступил.
Вот так и Кронион. Почуяв что-то, дверь на крюк.
Зевс ну стучать, молить отца открыть,
Чтоб тот его пред всеми не позорил.
Зевс обещал связаться с небесами,
С Природной Наивысшей Силой,
Чтобы ему, царящему царю,
Оттуда по трубе, что ль, постучали.

К р о н и о н (с о С к а л ы)

Стучали по трубе, стучали.

Н и к т о

Печали вороны на дереве качали.

П р о м е т е й

Всегда, когда царей меняют, – страшно.
Вдруг да опять не тот. И будет еще хуже.
Луна смешается с Землей,
Я бы ушел, да стало жаль тебя,
О царь богов, о Кронион!
Немало мы с тобою амфор
Пролили в жерло
И вместо Океана избороздили берега,
Забрасывая сеть с рыбачьих лодок,

Г е ф е с т (п о я в л я я с ь)

Ну хватит, хватит, Прометей!
Тут слезы лить,
Оплакивать живого.
Что он – убит, что ль, и в Земле зарыт,
Отправлен в недра к Керам,
В разврат подземного Огня?
Лежит себе на Солнце – высоко ведь,
И ветер ему чресла обвеваает,
И думами о прошлом весь объят,

Все кажется ему приятным, славным,
За что и почести вкушает.
А как взглянуть бы по-иному,
Со стороны ушедших в мир иной,
Так Кронион – от голода, от холода,
От всяких притеснений смертным –
Лежать за благо счел бы тут,
На Скале Ниобы, лия с ней слезы
По себе на царстве,
Лишь бы не быть вдруг в Тартар сброшенным, в Аид.

К р о н и о н

А прежде так не говорил.
Слова другие подбирал,
Пел гимны, как и все, покруче.
Как быстро перекрашивают жизнь
Не только люди, даже боги.
Лишь стоит ветру чуть перемениться,
Глядь, шапочку на лысину надели,
Царей уж отправляют на скалу,
Других богов – под меч или стада стеречь.
И все идеи прежние – злодеи,
Их надо на костер, в пучину.
Так и живем. Пока к границе,
По слабости страны, врагу не подступиться.

Н и к т о

Со спицей спица, спится – пицца.

Г е ф е с т

Откуда знаешь? Еще не жил ты,
Всего-то первый день сидишь тут на скале,
А говоришь.

Г е р м е с (п о д л е т а я)

Что – трудно догадаться?
Со скал, какие бури потрясают,
Летят вниз камни.
Так вот ты где! А я тебя искал.
Холмы облазил, берега баграми
Избороздил, о Прометей! Все мраки излетал.

Н и к т о

Дары дарами,
А холмы холмами.

Г е р м е с

Могилы все, все холмики истыкал,
Ища тебя, мой Прометей.
Спросил у Зевса – что-то крутит,
Как будто знает, а не говорит.
В лоб про Огонь спросил – махнул рукой,
Я думаю, заботы об Огне – твои,
Тебе поддерживать его, мой Прометей!
Народу плохо, люди очерствели,
К зиме в жилищах холод но, темно.
Скудна и пища. А Зевсу все равно.
Сам хочет властвовать над всеми,
Устраивая голод. Коль есть хотят, так тянутся к нему,
К его запасам.
Вот какова природа «фигуры умолчанья» об Огне
Со стороны Зевеса.
Что не хотят цари,
То должны, смочь должны герои.

П р о м е т е й

Гермес! Ты завтра же с восходом
Крылья сбрось!
Отправимся по людям, по Земле.
Зевс запретил, а мы с тобой
Забыли канон свой.
Мы понесем с тобой Огонь -
По хижинам пойдем, по весям.
Поможем людям стать сильнее,
Герои зависят от людей.

Гермес (замечая Крониона)
Глядите, царь богов! Как высоко поставлен!
О Кронион в железах ты, как раб!
Проклятие цепям, какие нас гнетут!

День второй

Прометей с Гермесом идут по Земле. Огонь в руках Прометей.

Прометей

Уж три поселка, пятьдесят жилищ
Прошли с тобой мы.
Пусты поселки, никого в жилищах.
Как будто знали, что придем,
Заранее бежали.

Гермес

Титаны, а не боги – олимпийцы,
Они людей предупреждают.

Прометей

А может, сам Зевес
Промчался в виде ветра по поселкам?

Гермес

Смотри, они ведь были тут недавно.
Еще хитон трепещет на ветру,
Воды ца из сосуда опрокинутого льется.

Прометей

Холмы и холмики, их много за жилищем,
Неужто свежие могилы?

Гермес

Неужто мор прошел?
Болезнью черной, ветром унесло -
Чума-а-а-...

Прометей

Молчи! То слово не произноси.

Гермес

А то услышит и вернется.

Прометей

Я думаю, что это все не то.
Не слово, не болезни тут, а страхи.

Гермес

Послал Зевс воинов, чтобы людей
Прогнать, убить, в пространстве растворить.
Уж Солнце половину Неба

Преодолело и пошло на сход,
А никого не видим мы из смертных.

Поднимается Ветер, Огонь мечется в руках Прометей, он закрывает его своим телом. Гермес прячется за ствол дерева. Мимо пробегает Гефест, гонит перед собой кучку людей.

Прометей

Гефест! Куда так злобно гонишь
Детей судьбы – испуганных, голодных?

Гефест

Не я пугаю их, а ты, Огонь твой!
Бегут они от твоего Огня.
Как меч карающий с небес для них он,
Как сама Судьба.
Отдай мне факел! В воду его суну и погашу,
От страха тем людей освобожу!

Гермес

Не смей касаться Факела!
Ты – прокаженный, ты – сама чума.
Не слушайте его вы, люди, и не бойтесь!
Он Зла желает вам, а не Добра.
Вот Прометей – герой ваш!
Несет он вам Огонь небесный,
Чем вашу жизнь изменит вскоре,
Вы в небеса научитесь смотреть, подобно нам, бессмертным.

Гефест

Накрапывает дождь, я вызываю тучи.
Пусть хлынет посильней, накроет ваш Огонь.

Прометей

Мы в хижине дождь можем переждать,
Надежны крыша и само жилище.

Эхо Дождя

Надежна крыша,
Мы – крыши выше.

Гефест

Отдай Огонь мне, Прометей,
Я вырву Факел! Пламя погашу!

Гермес

Не смей! Не извивайся, змей!
В моих руках, в моих объятьях!
Коль люди – братья,
Боги – кто?

Гефест

О люди! Помогите!
Возьмите Факел, растопчите!
Уймите маленький цветок!
Он столько бедствий принесет!

Прометей

Не подходите, не крадитесь,
Не превращайтесь же в зверей.
Что с львами было, с вами будет,
С великим миром всех людей.

Возникает гром, молнии низжут небо, пики вонзаются в землю.

Гефест

Вот он, Огонь небесный, люди!
Какие стрелы и мечи!
Куда ударило – глядите,
Пылает дерево, кричит!
Какие полчища огня!
К вам доберутся и сюда.
Не верьте, люди, в их Огонь,
Они зовут его небесным,
А где же боги, сами боги,
Когда вокруг горят леса?
Огонь так близко, - посмотрите,
Он уж доходит до поселка.
Он все сожжет стрелой небесной,
Мечом карающим.

Прометей

Не верьте, люди, и Гефесту!
Царя он сверг и приковал к скале.
Уж не Ниоба слезы льет – сам Кронион.
И гневается, люди, не на вас,
А на него, Гефеста.

И то не Гея уж пылает,
А Солнце на закате, кровавое такое,
Как между туч оно играет!
А Зевс едва не пролил кровь отца,
Царя богов – титанов, Крониона.

Г е ф е с т

И сам свергал ты старого царя.
Скажу Зевесу, с чем ты ходишь к людям.

П р о м е т е й

Вот Факел! Будет свет, тепло в жилищах.
Какой он мирный, Факел, укрошенный
В руках моих, совсем мышонок, на древе из оливы.

Г е ф е с т

Он буйный!
Я дам Огонь вам, люди,
Из подземелья – самый мирный,
И вы увидите, что будет.

Г е р м е с

Он мертвый, как и все в Аиде.
Там все мертво, все без движенья жизни.

Г е ф е с т

Торгуешь и торгуй, твори произведенья,
В своих искусствах сам и говори,
В дела ж кузнечные не лезь,
Не лезь и в недра.
Не знаешь, как они кипят,
Как изнутри всю Землю распирают;
На воздух что поднять хотят,
Знать я, покамест бог их, не желаю.

Г е р м е с

Вот видите, каков его Огонь!
Он даже с виду голубой – не белый.
На белый свет глядит осатанело,
Кипит и булькает, местами
Наружу вырываясь из Земли.

Прометей

Свободы все хотят, особенно огни –
Подземный и небесный, верхний – нижний.
И что, когда чрезмерно их, творят?
Что в концентрации чрезмерной?

Гермес

Уж подождал бы, что ли, Прометей,
При людях говорить такое,
О чем бы мог и помолчать.
Про взрывы всякие, людские катаклизмы,
Отсюда героизмы.

Прометей

Ты не указ мне, я тебя повыше.
Мы из титанов – вечных, изначальных,
А ты из новых, Зевса слуг с Олимпа,
Вы выскочки, а учите отцов.
Огонь в руках держу пока я твердо,
Ни молниям, ни грому не попасть
В такую власть!
Давай у хижины затравим костерок.
Погреемся, обсушим свое платье.
Еды наварим, поедим чуток,
И пусть на нас посмотрят люди – братья.
А мы еще и песни запоем.
И пусть они запомнят наши песни.
Оставим дров им тут, когда уйдем,
Еды немножко.

Гермес

Еще скажи поинтересней.
Чего придумал, Прометей,
На склоне дней?

Прометей

Иди, Гефест, суши свои одежды.
А если горд, свой костерок затей.
А лучше бы ушел к себе в надежды.
Тем лучше, чем все сделаешь скорей.

Г е ф е с т

Ушел, Гермес обманывать и дальше
Всех этих, в жалких рубищах, людей.
А я пошел в алмазные пещеры,
В свои голубоглазые огни,
В кузнечные дела свои, во мраки
Таинственные, в пустоту, к химерам.

П р о м е т е й

Иди и тешь свои огни и зраки,
Людей же за собою не тащи.
И сами разберутся в этой драке –
В стране бессмертных, кто есть кто.
Себя надеждой тщи,
Что тоже не дурак,
Мир обойдется и без драк.
Ушел и этот. Эй, сюда, Гермес!
Ты б сбегал в лес
Да и валежнику принес,
Чтобы и им оставить про запас.
Пускай тут люди после нас
Потом еще протопят,
В жилье себя, в тепле утопят.
Подальше отойди,
А то стреляет и хворост – то в нос, то в глаз.
Пляши – пляши, ты – пламечко живое,
Рукам свободно, хорошо с тобою.

Появляются Хариты – вольные дочери Зевса и Геры: Ефросинья (Радость), Талия (Цвет), Аглая (Блеск).

Г е р м е с (о б р а щ а я с ь к А г л а е)

И как ты хоть с тем чертом-то живешь?
С Гефестом со своим, а с кем еще?
Ушел стучать в свои железа.

П р о м е т е й

Заметил? Как пойдет еще и в рифму,
Так и Хариты, и Океаниды,
Все призраки и духи, нимфы, фавны

К нам косяком – по одному и хором.
Всех слушай, убожай, возьмут измором.
Гермес, а все твои искусства,
Чтоб было всем им пусто!
Устал я что-то Огонь вперед нести,
Рука от напряжения дрожит,
И дух от пожиманья рук притих.
Все думается, как бы не отнял
Чего-нибудь какой-нибудь Гефест
Или еще какой другой служитель Зевса.

Гермес

А так не думай. Все, скорее,
Наоборот случится.
Не Факел твой погаснет,
А, как уснешь, вокруг все загорится.
Эй, люди! Посидите тут с Огнем,
А мы пойдем.

Прометей

Куда?

Гермес

Известно – к Крониону.
А то уж Солнце на закат,
А царь не кормлен и не поен.

Прометей

Ну пусть хоть спляшут, если тут уж,
Пусть хоть немного потанцуют.
Вокруг тебя, - ты молодой, - круги поведят
Те Хариты.

Гермес

А ну как Кронион уснет – не пустит на скалу.

Прометей

Что у него – ключи?

Гермес

Молчи. Опять Орел крыло обрел,
Зевесов дух, Зевесом пахнет.

Прометей

Ух ты! Какой ты умный!
А зришь куда! Насквозь, в тысячелетья.
Машина времени в трудах и поте.
Ну хорошо, идем! Мы – на работе.

Гермес

Ты слово не снижай, ты все же бог,
Будь со словами строг.
Когда не можешь, потруби-ка в рог,
Бог сил тебе прибавит.
Пойдем к Скале, поднимемся повыше.
Но на торжественность настраивайся сам –
Идешь к царю богов, Великому Титану,
Поверженному временно.
Ничто так временно, как мир и постоянство.
Из всех времен свое и обожаем,
А все, что вне, возвысим иль снижаем.
Как что не так – по крыльям бьем Орла,
Опять не то нам птица принесла.

Прометей и Гермес у Скалы. Кронион спит крепко, храпит так, что цепь на ногах позвенивает.

Прометей

Проспал все царствие, проспит и свой хитон.
Царя разденет клювом черный ворон.

Гермес

Эгей! Проснись, чего храпишь?
Скалу в ночи тревожишь?

Кронион (вскакивая и озираясь вокруг)
О цепи, цепи на больной ноге!
Еще хватает наглости сказать,
Что я храплю. Да, я храплю, когда не сплю!
А тут как на посту.
Я царь еще!...

Гермес

...в своем воображенье.

К р о н и о н

Где были? Что делали?

П р о м е т е й

Опять Огонь носили по народу.

Ты в темноте всех продержал немало лет,

И вот не знают, что Огонь, Свободы

Им означают, что сулит рассвет.

Г е р м е с

Гефест хорош! Сует подземный свой,

Из мрака. О царь богов!

Когда вернешь себе свой трон,

Так первым прогони Гефеста.

Стучит кузнец да не по той балде –

По лбу тебе.

Все Факел Прометеев погашает,

Каким герой людей приподымает.

Чтобы глаза свои на свет разверзли

Да и поднялись за тебя, наш царь.

К р о н и о н

Что Зевс уж нехорош им, хуже?

Г е р м е с

Отец наш, ты внутри, а Зевс – наружи.

День третий

Утро. Прометей с Гермесом там же в поселке, у хижин.

Костерок еще дымится. Кучка людей теснится в отдалении.

Г е р м е с

А костерок-то жив! Накрыт листвой,

Чтоб дождь не съел последние остатки.

П р о м е т е й

Я радуюсь! Что сделали они,

Те люди, что стоят во тьме деревьев,

Боясь лицо нам показать.

Чего бояться? Мы, Гермес, их не съедим.

Вот и они тут ничего не съели

Из тех запасов, что мы им

Оставили вчера. Вот, все лежит.
И под открытым небом.
Нет, чтобы прикрыть, хотя бы на ночь,
В предчувствии дождя.

Прометей

И ведь не обманулись,
Всю ночь лил. Но без гроз.

Гермес

Без гроз, без гроз! Какой вопрос.
И вот туман клубится по долинам.

Прометей

Туман спокоен, ровен, нем.
Скорее это тучи прилегли.
И кто же гневен?

Гермес

Зевес, а кто еще? Такая сила!
Есть кому всем повелевать!

Прометей

А Кронион? В его заботах Небо.

Гермес

Титаны смещены, а сам он на Скале.
У Высших Сил Природы немало хитростей.
Они умеют слышать,
Но царей на троне, действующих.

Прометей

Какой ты умный! Недаром Зевс
Тебе отдал торговлю.

Гермес

А передаст Меркурию.

Прометей

Так пользуйся пока.
Возьми и выторгуй хоть что-нибудь для Крониона.
Ну, например, пусть на Скале
За старого царя побудет смертный,
А старый царь походит по свободе.
Привыкнет Зевс

Да и оставит отца в покое,
Не будет Крониону-старцу докучать.

Гермес

Подумаю. Кого бы? Из кого бы?
Из тех, что ль, какие держатся
Пока что в отдалении,
Приблизиться боюсь?

Прометей

Сказал же, надо изучать их! Вдохни в них силы,
Уверенность создай. Не кто-нибудь они,
А люди! Цари всего живого среди природы,
Как боги мы среди людей.

Гермес

Вот голова! Кому бы миром править!
Хотя вдвоем делить бы царский трон,
Как в полисах иных Пелопоннеса.

Прометей

Язык-то прикуси. Вон дождь заморосил –
Под Солнцем золотой, слепой.
Как бы сам Зевс в обличье новом
Не заявился понюхать воздух, потереться
Среди людей.

Пойди их позови, Гермес! Пусть посидят
Тут с нами, перекусят,
Послушают легенды наши,
Чем живы смертные.

Гермес уходит и тут же возвращается.

Гермес

Меня завидев, люди убежали,
Попрятались в лесу.
Лесные братья, дик еще народ.
Как пчелы.

Прометей

Какие пчелы! Вон у них жилища,
Да просто все запутано царями!
Их надо, повторяю, приручать,

Давая то, что можно, да и чего нельзя.
Закованы - так надо расковать
Своим значеньем, ощущением себя, значительности
В этом мире брэнном.

Гермес

А прежде надо накормить, обувь – одеть,
Жилища обустроить, весь поселок,
Не вепри ведь.

Прометей

А все-таки приблизились!
Рассматривают нас,
Выказывая явное желанье
Пожать, в конце концов, мне руку.

Гермес

Мы первые им руку подадим.

Прометей

Бери лопату и пойдем копать
Ту землю, что поближе, за поселком.
Зерно посеем.
Богов упросим,
Чтобы в тот же день, под вечер,
Как в чудесном мифе,
Собрать уж было можно урожай.
Чтобы могли мы людям показать
Значение и выгоды труда.

Гермес

О Прометей! Ты – бог! Еще какой!
А я в торговле, что я в этом смыслю?
Готовый хлеб вожу на кораблях
Из-за морей и даже Океана.
Из Скифии, от сколотов, слышал?
Такие племена есть там, где Медведица Большая
Не окунает губы в Понт Эвксинский.

Прометей

Я там бывал и, может, побываю еще.
Берем лопаты и пойдем! Пусть смотрят,

Как боги спину гнут,
Бессмертные на смертных.

Гермес

А что костер?

Прометей

Расширь и подкорми.

Пусть веселит всем глаз и Землю утепляет.

Мне кажется, что люди подойдут к нему,

В кружок присядут, и речи заведут,

Увидев, что мы с тобой, делами заняты,

Нисколько не мешаем никому.

Пускай Орел летает.

Дворцы ведь тоже любят, чтобы земли

Вокруг них простирались далеко.

Появляется Гефест. Делает знаки, подзывая людей. Те по-прежнему неподвижны.

Гермес

Тебя бояться – Власти подземелья.

Гефест

И к вам не подходили.

Гермес

Бери лопату, помогай.

Гефест

Копайте сами! Вы к тому привычны –

Ради прокорма спину гнуть.

А мы, в своем подземном царстве,

Отхлопотались,

Навски на Аид обречены.

Что вам тут Зло, то нам – Добро,

По крайней мере, все равно.

Копайте вашу Землю,

Работайте на смертных.

Хоть вы и боги, а люди не хотят к вам подойти,

Не то, чтоб почести воздать

Вам как богам, хотя бы этого

Вы даже не желали.

Гермес

Сказал! Иди! Не раздражай
Трудящихся в поту, не лезь-ка под лопату.
Вот Прометей – титан! И возрастом постарше,
А как копает! Как усерден он!

Гефест

Труд, - скажут после, -
И сделает людьми их, Человеком,
По крайней мере, каждого из них.
А нам, богам, такое ни к чему.
Глядят на вас те, в жалкой кучке, и что мыслят?
А вот что: как бы тоже увильнуть,
Переложив работу на богов.
А мы пока, мол, подождем, потерпим.
А то как запрягут, так и вези, как вол, -
Тысячелетие в поту, в слезах и войнах.

Прометей

К чему хоть «войны» - ты приплел?

Гефест

А не приплел, заметил точно.
Ремесла, труд, хоть спину гнут,
Зато богатства и дают.
А на богатства глаз завистлив,
Отнять захочешь – вот и войны.

Прометей

Дыши спокойно,
Тебе не позавидует Никто.
Не труженик, не будет и богатства.

Гефест

Мы – боги, нам не надобны богатства.
Для этого есть люди и граница,
Какая отделяет этот мир и тот,
Живых от мертвых, Небо от Земли,
Огонь от тьмы, тепло и холод,
Бедных от богатых, -
Всегда богатства будут разделять.

Прометей

Богатыми всех сделал Праздник Жизни,
Огонь всех уравниет.

Гефест

Скорее, разорит, последнее возьмет.
Рубаху сымет, войны розожжет,
Подымет друг на друга,
Народы на народы поведет,
Все уничтожит, посожжет.
Где люди будут жить – опять в пещерах
При новых эрах?
И все-то верхний Огонь, небесный.
Наш, нижний, на такое не способен.
Эй, люди, слышите меня?

Наш голубой, подземный,
Хоть и клокочет, а вам беды не нахлопочет.

Прометей

Не убедишь, не переубедишь!
Я выше Факел поднимаю!
Лишь с ним, с Огнем моим с небес,
Есть у людей надежда
На лучший мир, на лучший из миров.
Я Факел свой на мир благословляю, -
Водитель тьмы, родитель света он!

Гермес

Смотрите-ка! Приблизились к костру.
Вот-вот протянут и ладони.

Прометей

Не двигаться! Ты можешь их спугнуть.
Пускай обвыкнут, посидят немножко,
А там и мы к ним подойдем – на расстоянье слова.

Гефест

Эй, вы, бараны! Давайте-ка сюда!
Или обратно в лес свой и пещеры!

Гермес

Не твоё дело! Не командуй тут!

Ты в преисподней у себя хозяин,
Наперекор дневной стихии.
Нет не кузнечный бог ты – бес из тьмы,
Давай отсюда!

Прометей

Еще и подеретесь. А ведь у каждого
Свои дела, участки, направленья.
Зевс будет в гневѣ,
Если все узнает.
Про ваши ссоры, распри и вражду.

Гермес

Да Зевс Огонь нарочно поделит
Меж нами, меж богами,
Как между Небом и Землей.

Прометей

Ну хватит вам! Достаточно я слушал.
Теперь послушайте меня.
Мы за упреками своими
Забыли главное: о людях,
А ведь они за нами наблюдают.
И что подумают?
Пройдемте в хижины, туда к ним, выбрав
Ничтожные, беднейшие из них.
Крыши залатаем.
Пусть знают, что мы пришли к ним
С намереньем добрым.
И боги могут делать кое-что,
А люди у богов учиться.
Уж дело к вечеру, нас Кронион заждался.

*Прометей с Гермесом уходят. Они опять у Скалы. На краю ее во весь
рост высится Кронион.*

Кронион

И где вы были? Что творили?
Что за день сделали в подлунном этом мире?
Забыли старика, я вам уже неинтересен.

Прометей

Цари и боги возраста не знают.
Огонь оставлен людям,
Привыкнул и возьмут.
Скучал без нас?
Без царства так не скучают,
Как без друзей своих единообразных.
И руки затекли, небось, и ноги.
И надоела бедная Скала,
Пусть тут Ниоба истекает без тебя.
Гермес! Раскуй царя богов
И сбрось с ноги железа.
Спустись пониже, Кронион.
Хоть походи тут близко, хоть в Тартар,
А хоть в долину на ночь
Совсем уйди отсюда, с глаз долой.
Уж в Тартаре Зевес тебя не сыщет,
Вот где ты будешь под надежной защитой Персефоны.

Кронион

А как придет, меня тут не увидит
Да спросит с вас – что скажете Зевесу?

Прометей

Достанется Гермесу,
А он Гермесу – кум,
Гермеса не обидит.

Гермес

Пришло на ум!
А что пришло так скоро,
И выйдет так же скоро.
Изыди, Сатана! Изыди!

Прометей

Царя ты расковал, и царь ушел.
А это так бывает; к концу дня
Еще и возникают рифмы.
Так вот они как будто для одного меня –
Океаниды, морские звери, как прилипли.

Появляется хор Океанид.

Хор Океанид (Иона – выступая вперед).
Где старый царь богов?
Куда он делся? Кто Крониона расковал?

Прометей

Не Аргус – царь, а на цепи собачьей.
Цари свободны, даже и в железах,
Вот захотел, поднялся и ушел.
И кто царям-то может запретить?
Нет здесь таких! Нет и еще повыше,
Наш Кронион с Природной Силой Наивысшей,
Как мы тут с вами, хорошо знаком.
Хотите? Вот для вас вино,
По кубкам всем уж разлито.

Хор Океанид (вместе с Ионой и Пантеей)
Щеки наши розовеют,
Тело наше пламенеет.
Вспоминаем мы былое,
Годы славы Крониона.
Отступи же, время злое,
Не дави на нас, седое,
Дай нам Истину сказать.
Будем землю прославлять,
Нашим праздником считать
Солнце на Небе высоком,
Жарко, празднично оно.
Во владениях отца,
Нет которому конца,
Славим Скалу, какая приняла тебя, Кронион!
Песней нашей утешься, Ниоба!
Слезы не лей! Смейся и пей!

Танцующие Хариты

Слезы не лей, о Ниоба!
Утишься, утешься Временем,
Бегом крылатых коней!
В Смерти двенадцати твоих славных детей
Неповинен Никто, Никто неповинен, Ниоба!

Первое заклинание Огня. В ночи после заката.

Теперь Прометей стоит у края Скалы во весь рост, на месте Крониона.

Прометей

Зачем мы тут? Что нас сюда подвигло?
Хожу по острiu, над пропастью.
Вот тут и Кронион недавно пребывал,
Еще цветок примят его ножищей.
Лаванда синеглазая – похожа
На цвет голубоглазый в преисподней,
Куда сейчас спускается отец Зевесов,
Долой отсюда с глаз, о Кронион!
Гефест цветок тот приносил отсюда
Пред очи, тот смотрел и слушал.
Влюбился в тот цветок царь – старый дурень,
Серебрян, страстолюбец и строптив,
И потянуло в пламенные жерла -
Вот что мы будем отвечать отныне,
Кто спросит нас, где Кронион и с кем?

Поднимает цепи, держит в руках на взвесе.

Прометей

А хороша Гефестова работа!
Так сразу не отпустит никого.
Уж в лапы лучше к ней не попадайся.
А Солнце на исходе дня,
Вот-вот коснется Океана.
Окрашено полнеба, облака
Кровят, сочатся, что-то возвещают.
Мистическое – бедствия сулят.
Еще не ночь, а спят уже Хариты,
У амфор полувьпитых лежат,
В углу площадки.
А хор Океанид уж где-то далеко,
Куда нисходит Солнце на закате,
Касаясь томных вод губами дня,
Стремясь дневную жажду утолить.

Что ни скажи, слова имеют смысл,
Окрашены в потоки снов и чувств.
Глубоки недра их,
Бездонны их колодцы.

Г е р м е с

Тебе бы, Прометей, писать поэмы.
Не Зевс, не Вседержитель –
Региональный бог, а вылитый аэд.

П р о м е т е й

Закроем эти будущие темы.
Да и пойдем в народ,
Где должен быть поэт,
Идет?

Г е р м е с

Идет, идет! Сюда народ!
Где Прометей, там вечно люди.
За дар твой, за Огонь
Кто, Прометей, тебя забудет?
Да низачто, да никогда!

П р о м е т е й

Узнать хоть, что там было, будет?
Один потом такое скажет,
Ко многому обяжет.
Стихи писать, мол, все равно,
Что за сохою танцевать,
Неуваженье к Слову, но –
Ах, боже мой! Стихи – основа,
Поэзия – родная мать
Таких стихий, что прозу снова
Уж не узнать, стих некуда девать.
Но лишь поэзии по силам тот откос,
Что Разум оставляет между звезд.

Г е р м е с

Послушайте, послушайте его!
Он вам еще такое скажет,
А все – Никто, а все он – Ничего.
Он видите ли, не обломки вяжет,

А всю конструкцию всеобщего, всего.
О Прометей! Будь славен же и ты
За то, что, сокращая царства тьмы,
Ты не даешь ночному разгуляться.
Еще закат, а уж рассвета ждешь.

Танцующие Хариты
Рассвета ждешь! Едва в закат уйдем!
Надежда – в Истине,
Все остальное – Ложь.

Прометей

Все Ложь, все ложь, мои родные!
Во тьме веков, во зле грядущих дней
Всегда мы будем перед ней.

Хор Океанид (подхватывая)
Да с непокрытой головой,
Довольны памятью своей.

Танцующие Хариты (подхватывая)
Довольны сами мы собой,
Сверхпредначертанной Судьбой,

Прометей (подхватывая)
Своей доволен я Судьбой,
Но недовольны и Уран, и Гея.

Уран уж в Тартаре,
А Гея – по пояс из Земли,
Она в Земле всегда по пояс;
Как ее боги погребли,
Тот не свободен Геи полоз;
Обвили змеи – сны и нас.
Я – Факел поднимаю, вас
Всех, кто Огнем и мною правит.
Свободу Гее, - хоть сейчас!

Тьма! Будь короче ночи,
Огонь славить утро хочет!
Прилетает Орел, сидит рядом, нахохлясь.
И все равно! И все равно!
Уже мы с Геей гоним тьму,
За ней и злобу в царство мрака,

В котором вместе мы утонем,
Но с Геей мир освободим,
Людей мы сделаем дневными,
Уж повоюем с остальными
За свет всевышний, день из тьмы.

Г е ф е с т (п о я в л я я с ь)

А запасные, запасные
Аэродромы – сны дневные –
Готовим мы, титаны злые.
Чтоб в тайне улететь самим
В миры иные – к тем, к своим –
Огням ночным. А мы? А мы?

Г е р м е с (п р и л е т а я н а к р ы л ь я х)

Кому ты нужен? Ни здесь, ни там.
Нигде, нигде -
По всей черте.

На Высшем встретимся Суде,
Что вас таких и тут, и там
Несет к Боспору, по волнам.

П р о м е т е й

Смотрите, Факел поднимаю!
Своей бестрепетной рукой!
Лучом все Небо возжигая, -
Одной, всего одной строкой!
Я тьму беру и сокращаю,
Когда совсем нельзя без ночи,
Чтоб ей не развернуться очень,
Вот мой Огонь! Зажжен от Солнца!
Берите, люди! Угощаю!

Т а н ц у ю щ и е Х а р и т ы

Берите, люди!

П р о м е т е й (в п о т о к а х у х о д я щ е г о С о л н ц а)

Всем прощаю!
Любви Аглаю возвращаю!

Х о р О к е а н и д

Тебя, тебя, тебя, Аглая!
Луну зови, рассвет зови!
Жена Гефеста, плод Любви!

Прометей

О Солнце! Встань же, заклинаю!
Проснешься ты –
Проснемся утром все мы, знаю.

День четвертый

Утро. там же, под Скалой. Прометей с Гефесом встают, сладко потягиваясь.

Прометей

А вот и Солнце!
Встало и горит.

Гермес

И где Гефест? Куда он подевался?
Скользнул в свой Тартар, ровно мышь,
Там и остался.

Прометей

И Кронион не ночевал.
Скорее, там же, в Тартаре, и он.
Возьмем свой Факел и пойдем
К тому поселку, где вчера
С тобой сидели. Звали всех к Огню.
Мы все-таки приручим их к костру,
К еде вареной.

Гермес

Уж там, небось, нам пакостит Гефест.
Как бес, на грани, козлоногий,
Пока мы тут, туда-сюда,
О мировых пространствах рассуждаем,
Он там все наше варево поел,
Как раз листочком губы вытирает.

Прометей

Да хватит тебе, словно мелкий бес,
Подробности выписывать, не время.

Гермес

Что Время? Что то, что это – все равно.
Все боги, люди те же,

Лишь верят реже,
Подразуверились давно,
Поменьше бы переворотов.

Глядя с упрёком на Прометея.

Прометей

Так Солнце же, его работа.
Как там чего-нибудь взорвется,
Так тут возьмет и отрыгнется.

Гермес

Как тьма в колодце,
От холода – холодная вода.

Прометей

Да уж не греет ни одна звезда.

Гермес

Где, где?

Прометей

Да где? В колодце же, в колодце.
Где со звездой звезде еще колотья?
Идем к поселку, к людям, где лопаты?

Гермес

Гефест унес к себе, в свои палаты.

Прометей с Гермесом там же, в поселке, у той же хижины.

Гермес

Не костерок уж – целое кострище!
Сюда вчера все палки подгребли,
Огонь высокий разожгли.

Прометей

Всему тепло от них передалось.
Недаром Солнце так плыло, жара
И факел сохраняла до утра.

Гермес

Они костер тут жгли
И у костра сидели,
Беседы свои тихие вели.
А утром встали уж совсем другими.
Особенно для Геи, в Земле полузарытой.

Прометей

Тебе-то что! Ах, ты бог искусств!
Не как Гефест, с которым все ремесла.
О Солнце, Солнце! Весь в тебя Огонь!
Небесное, божественное Ра!
Богини, боги главные – в тебе,
Природные Возвышенные Силы.
Сам Кронион ходил туда недавно,
И Зевс пойдет туда еще не раз.
Петь начинаю, говорить себе,
А на тебя свергаюсь каждый час.
Что это тут – опять Океаниды?
Опять сюда, как ветер, принеслись?
Услышав голос мой, кометы Леониды
Из мира звезд Скале передались.
Послал сюда их старый Океан –
Своих любимиц, славных дочерей, -
Допеть, добыть, свое договорить;
Проснулись и Хариты от огней,
Вон под Скалой танцуют и поют.
Закаты Солнца, праздники из дня!
Полоска света там, на горизонте,
А тут, после заката, на меня
Тьма свалится, но Ночь саму не троньте, -
Кудесницу, провидицу, с Луной,
Я заклинаю Солнце и Закат,
Я заклинаю силы, все земное,
Чтоб сохранились, выдержали взгляд
Всевышнего, Его глаза дневные.

Хор всех Океанид

Твои глаза стальные, Океан!
Ты грудью голубой объемлешь эго,
Тебе талант такой Всевышним дан –
Наутро Солнце возвращать на Небо.

Люди подходят, присаживаются к костру, занимают места, где сидели

вчера.

Прометей

Ну да, молчите. А ведь Слово
Делает любого –
Из века в веки –
Человеком!

Гермес

Не любого.

Прометей

Любого, кто того достоин.
Что в Слове главное?
Опять молчите?
Вы будете молчать –
Мне говорить с Гермесом.
Да вот еще Гефест
Пришел сюда, явился!
Без этого ничто не обойдется.
Уж тут как тут,
Едва народ сойдется.
Ну что, Гефест, ты скажешь о народе?
Где Слово об Огне, о Человеке?
Вот и скажи при всех, что тут сидят,
Как в рот воды набрали.

Гефест

Дают поговорить богам.

Гермес

Орлы летают.

Прометей

Не знаю, но подумалось о Слове,
Его значении во глубине веков,
Об истинном значении нашей речи.
«Орел» - «орел» - как «ареал»,
Как «арий», «арии» - другие
Народы, племена чужие,
Откуда-то с Востока.
Из таких глубин, что и помыслить страшно.
Кто, кто они? Начала,
Первые на континенте Люди.

То ль с полюса спустились вниз по Камню,
То ль сброшены откуда-то с небес.
И мысль как лес, а Слово – бес.
Леса и бес, черта и крест.

Гермес

А все Гефест.

Гефест

Вы, люди, поняли хоть что-то?
Что говорят они в «версале»,
В своем зеленом зале?
Что они сказали?
Был Белый остров – Черный князь.

Гермес

Их Остров бел, а черен твой.
Тут Белый, Черный там, черта между ними –
Все это что! В твоём Аиде, в преисподней.

Прометей

От Слова не отступимся.
Скажи, хоть ты, Гермес,
Что значит Слово для других,
Сидящих тут перед тобой?

Гермес

Я – бог торговли, мне практичность дел
Досталась.

Прометей

Не отбирай хлеб у Гефеста,
Практичен он, его ремесла.
Дела к мышленью призывают –
К такому, о котором ты сказал.
А ты, Гермес, не раз я повторяю,
К искусствам ведь приставлен Зевсом,
Так и держись той линии,
К какой тебя призвали,
Не отдавай деянья свои бесам, их окаянным интересам.
Сначала пусть Гефест
Практически изложит все о Слове,
А мысль мы обобщим в своей основе

И в образ соберем во всяких мест.

Г е ф е с т

Какой ты умный! Вроде Прометея.

А мы в своем Аиде всех чернее.

Зато все опытное в нас,

Все искушенья, «третий глаз».

Что Слово значит? Слово скачет.

Недаром, говорят, Пегас –

То к вам, а то от вас.

На что положит глаз,

Тому и значит.

А ты за ним уже тянись,

Трудись, сходи в Аид, где мрак и слизь.

Где ложь куют, где жизни жуть,

Все Керы черные грядут,

Все безразмерна нить, потери,

И где игру играют звери.

Тут, наверху, а где ж еще?

Туда к нам – вниз, в химеры.

Однако тихо все, стабильно,

И неподвижно, и мертво

У вас тут все, иже еси,

Но и над вами небеси –

Природы Высшие Матери.

Про Слово я скажу вам что?

Не от себя – от самых умных,

Тем, что судачат там, в Аиде,

Поднакопилось за века

Все бесноватое слегка.

Однако мысль моя о Слове,

Как о Воде, живой и мертвой.

Живая – что ж, обыкновенна,

Все пьют, за благо почитают.

Живой считают, тень живого.

А мертвая? Да только в сказках,

И тот ведь тоже не обласкан,

Кто с нею, -

Мертва, давно царевна спит.
Однако без нее, и мертвой,
Мир не имеет своего
Ни облика, ни смысла, ничего.
Тяжелая вода – под силу тем,
Что тут, что там во имя дела
Пойдут в харизмы беспредела, -
Умна, цинична и умела.
Вот что пойдет по тем, от тех,
Что тут перед костром.
Едва пришли через нельзя,
А вон куда уж прет стезя,
А все-то Слово и Огонь.

Прометей

Ну да, Огонь! А что я говорил,
Когда вчера его творил
Вот этим теням у костра,
Так свыше жаждущим добра,
Чего ждет и сама богиня.

Гефест

Добро ведь сами создают,

Гермес

Красивы листья! В руках людей.
Слезает с дерева злодей.

Прометей

Кто, кто?

Гермес

Да вот Гефест, а с ним и Разум.

Прометей

Покончим разом! С деревьев лист –
В руках людей, на каждом – знак,
А в знаках, чист,
Заложен звук, за звуком – Слово,
Вот в людях плавает основа,
И что вы скажете на это?
Ну хорошо, потом, потом,
Мы умны сложно на простом.

Ну, а Гермес – что скажешь ты?
О чем? Естественно, о Слове,
И тоже больше как основе,
Но с матери какой, со стороны
Искусства, что ли?

Г е ф е с т (в с т р е в а я)

Оно вторично.

Г е р м е с (р е а г и р у я)

А что, по-твоему, первично?

П р о м е т е й

Не в этом главное.

Г е р м е с

А в чем?

П р о м е т е й

А в том, что кому кажется Огнем,

А что уж Факелом погасшим,

Светилом в прошлом,

Днем вчерашним.

Гермес, скажи про лес.

Г е р м е с (н е р а с с л ы ш а в)

Зачем пролез? Куда пролез?

Как ты на слово-то востер,

Вот, видите, горит костер,

Так что же это перед нами?

Те пламена, какие нас создали,

Людей, богов, стихийную природу –

С небес бия, и у земных разломов

Цветы взрастили, чудных слов букеты,

Какие в каждом элементе,

Слагаясь в сложность, в красоту, как звуки в цвет, -

Они такого, где их заложили,

Наслали, наплели, наворожили.

И тот ведь тоже не обласкан,

Кто с нею, с тою ворожейей,

Мы тут, как остров, ей, венец, -

Так понял или нет?

Г е ф е с т (с м е я с ь)
Кому «Ей» и «Венец» чего?

Г е р м е с

Венец творенья – вот они сидят,
Над ними нимб, они построят град.
Потомки их, собрав котомки,
Дороги всюду проведут по ней – по Гее.
Руками Небо обоймут,
Направят взор туда за Небо,
В Аид нельзя, зачем в Аид?

Г е ф е с т

Туда направив Крониона,
Все с Прометеем судишь о цветах?
О люди! Слушайте вполуха, но во всю силу сейте,
Пересевайте в божее, свое!

П р о м е т е й

Опять сражаться? Снова ссора, драка?
Как соберемся, так и за грудки.
Я призываю к отрицанию мрака,
К величью духа, к плавности реки.
Пускай текут моря и океаны,
Река из рек, что ты когда изрек.
Мы Словом главны, Словом мирозданны,
Нас слушают везде, где Человек.
А Слово – Огонь от Солнца многократный,
А Слово – Огонь и от ушедших недр.
Вот костерок, хоть мал – зато бесплатный,
Очищенный от всяческих химер.
Мы тут сидим, и хорошо, наверно!
Простой народ не баловень Судьбы.
Как боги мы, титаны, непомерны,
Уставшие от драк
Возникают хор Океанид, танцующие Хариты

Х о р О к е а н и д

Мы к вам, мы к вам бессмертным,
Великим баловням Судьбы!

Прометей

Не надо суесловить, обойдемся!
Придете вновь, когда к Скале вернемся.
А ты, Аглая, прежде потанцуй!
Да, да, со мной, с одним!
А ты, Гефест, к ней не ревнуй,
Сам знаешь, что такое боги!
Хоть и нельзя, а любят многих.

День пятый

Утро. Прометей с Гермесом там же, в поселке. Заря еще путается с костерком у хижины.

Прометей

Мы третий день с тобой тут, с краю леса.
И третий день ни слова от людей,
Что мы с тобою ходим, рассуждаем!
А люди наблюдают и молчат.

Гермес

Смотри, костер уж зажигают.

Прометей

Не сами. С нашего Огня.

Гермес

Поддерживать хоть научились.
Ест дым, и слава богу.

Прометей

Ест дым. А я хочу,
Чтоб пламечко само
Могло от Солнца зажигаться.
Чтоб дерзкое, возвышенное знамя
Могло звезде ночами красоваться.
Чтоб, Праздник Жизни превкушая,
Могли бы люди создаваться.

Гермес

А хлеб уж вырос? Снимем урожай,
И будет чем народ кормить.
Или Природные Возвышенные Силы
Опять упрашивать, молить,

Чтобы они нас поддержали?
И люди, раз богами нас сочтя,
И далее богами почитали?

Прометей

Живот такой хозяин,
Который просит каждый день.
Так каждый день его и величают.
И проклинают так же каждый день царей.
Однако кто Огонь им в дар принес,
Рискуя Жизнью?
Кто эту Жизнь возвысил и пронес
Сквозь свет, к сиянию светил,
Того и помнят люди,
Покуда живы и не лживы.
Героев чтят, пока хватает сил.

Появляется Гесиона в облике Пандоры, волоча за собой пустой ящик.

Гермес

Зачем ты тут? И ящик пуст чего-то?
Вдвоем копили, раздаешь одна.

Гефест (появляясь)

Копили что? Добро вы с Прометеем,
А раздает страдания она.

Прометей

Уж лучше бы служила она Зевсу,
Чем так мешать мне, мужу,
В такой момент клониться к бесу,
Когда, титан, несу Огонь всему
Несчастному народу своему?
Где Факел мой? Он тут стоял, Пандора,
Оставлен с вечера у этой вот скалы.

Гефест

Вон Факел где! Торчит из мглы.
А из-за леса – стоны и стенанья,
И конский храп, и смертный крик, мольбы.
Опять все въявь, а не воспоминанья.
Война! Уж не Пандора ли твоя, о Прометей,
Огонь тот подновила?

Дала сигнал – вот и пришли кентавры.
С Востока движутся – неисчислима рать,
Чтоб пифов со своей земли согнать,
Самим тут сесть в чужие лавры.

Гермес

Вот так им и неси сюда Огонь!
И что они тут из Огня творят,
Те пифы?

Гефест

А травы жгут с коня.
Хвост огненный арканят и за собой давай тащить.
Стену создали из пращи,
Нельзя пробить.
А лес горит.

Прометей

Пандора, бедная Пандора!
Какая боль тобой из взора
На мир обильный пролита.
Не лес горит – сама душа.
Как же страдаешь ты, Пандора!
Зачем брала ты этот ящик,
Тащила, делала пустым?
Зачем слепыми делать зрящих,
Из горя – знамя, пламя, дым?
Что можно было всем когда-то,
То ныне нам уже нельзя.
Воюют пифы, горем взяты,
Кентавриаде уж грозя.
Горит селище, те жилища,
Где разожгли вчера костер.
Для Зла людей такая пища!
Для войн Земли – такой простор.

Гермес

Смотрите! Конь оттуда скачет.
На нем Никто, а ведь Никто на нем!
Последний всадник, не иначе,
Упал, затоптан был конем.

Последний дед туда уходит,
Малыш последний с ним, беда.
Пегас, мой конь, не воин вроде,
А отпускаю, мчись туда!

Г е ф е с т

Пришли и пронесли на пиках,
Крест на крест сложенных, в крови,
Живых последних, смерть на ликах.
«Погибли мы из-за любви,
Свой берег, боль родного края
Своею болью прикрывая», -
Сказать они могли бы
Но вот, убитые, молчат.

П р о м е т е й

Дай только вечера дождусь,
К Скале скорбящей, к яри Солнца,
День умаляя, обращаюсь.
Чтоб он опять зажег Огонь, мой Факел,
Туда я с Факелом вернусь!
Я Солнца правоту ищу,
Я пифов малых защищу,
Я все пока живой, титан;
Дано мне – зрим любой изъян
Среди богов, людей, Земли.
Всего себя во имя класть
Готов я, как себя ни зли,
Не убивать за зря, не красть!

Г е р м е с с Г е ф е с т о м

О Прометей! О Прометей!
И мы с тобой, и мы с тобой!
Мы все с тобой погибнуть рады!
Ты огненосец наш, герой,
И мы умрем не за награды,
Мы за тебя, герой, горой!

П р о м е т е й

А ты, Пандора, этот ящик
Домой живее отнеси,

Назад мне дrevко возврати,
На нем я, новый Факел сделал,
Огонь воздвигну, воскрешу.
Еще возвышеннее, строже
Свой главный подвиг завершу,
Чтоб день и ночь светить всегда
На наши села города.

П а н д о р а

Дубовое иль из оливы?

П р о м е т е й

Олива – символ мира.

Г е р м е с

Служи, служи Огню, и лира!

Дай только струны натяну,

И загремлю на все миры,

И разбужу вокруг пространства!

Создам любовь, непостоянства.

Прилетает Орел. Садится рядом, сидит – нахохлясь.

Г е ф е с т (п о м р а ч н е в)

По мою душу оказался

Тут, в этих сферах?

Сам Зевс прислал гонца?

Г е р м е с (с м е я с ь)

Долби, долби со своего конца,

Чего бояться-то отца?

Ведь остановлены кентавры,

Всем страх и смерть, а Зевсу – лавры.

П р о м е т е й

Предчувствия сжимают грудь мою,

Не просто так орлы к нам прилетают.

Особенно, когда зовут Гефеста.

Мрак черен, как пустое место,

А проще как сказать – палач!

Орлы ведь кровью Власть питают,

Все крови Власти не хватает.

Все поливают ею путь,

Все не дают передохнуть.

Гермес

Какая Власть, при чем тут Сила!
Огнем войну перекосило,
Сошла волна туманных полчищ
И растворилась, где была.
Пегас вернулся – зубы волчьи,
На ране рана, в полкрыла.
Трясется шкурой и дрожит
Пегас – мой верный, добрый конь.
Ему все битвы,
Факел снится;
Огонь победный, Прометей
Обязан под пером родиться;
Орел присел, Орлу не спится.
Не бойсь, не верь и не проси,
А Зевс, в конце концов, отпустит.
Гефест уходит. Появляется Стража.

Прометей

Ну что я говорил, Гермес!
С тобой, с Пандорой как своей вдовой.

Гермес

Бежи-ка в лес!
Пока живой.
Я страже что-нибудь скажу,
Что ты герой, что Факел твой
Остановил врага на грани.
Что в пифах дух борьбы крепя,
Дал пифам выйти из беды,
Достоин с ними ты, победы!
Отдать тебя, героя, страже,
Позору, страху – да за что!
Бессмертны боги!

Гермес объясняет Страже что-то. Стража уходит. Прометей садится на камень. Сидит в своей излюбленной позе, подперев голову кулаком. Возвращается Гефест. Забирает Пандору, уводит за собой в Тартар.

Прометей

Тоска теснит, тоскою сердце сжато.
Победа, кажется, и торжество Огня,
А бесы вылезают из меня,
Злой Персефоны выражая интересы,
Все тащат из меня коня,
Играя черным,
Для белых сил есть день,
Для черных – ночь, когда мы спим.
Но бродит в коридорах тень за тенью,
Печальна темень, беспечален дым.
Он нам костры напоминает,
Огонь костров преобразует Солнце.
А Солнце не отдаст нас Керам
В своих владеньях.
Все это так и все не так, конечно.
И рифмы тоже несвобода,
В поэте сковывают речь,
Зато уют кончину, лавры.
Но так не будем говорить,
В себе высвечивая недра
Из тьмы природы и времен.
Зачем в тебе живет герой?
Зачем всему наперекор
И мыслью, и творю? Не то хочу,
А делаю для всех, торчу,
Все для других стараюсь,
За что героем называюсь.
А мне бывает все равно,
Какое имя, кем считаюсь.
Само собой выходит так.
Хоть не легко, а все стремлюсь
Тем облегчить судьбу и участь,
Чтоб взять и что-то сотворить
Не так, не то, что хочет случай
Мне лично, а как вчера на стороне.
Вот бремя – тяжело, а несу.

Не сознавая, что свобода -
Она не только для народа,
А и для каждого из нас.
А я вершу наперекор,
А я несу свой тяжкий груз
Из неосознанных основ,
Кто их составил для меня -
Какой-то предок, предку - предок,
И вот по лестнице веков
Поднялся до меня герой,
Что сохранил тогда народ,
В те времена еще, и ныне
Нам не дает спокойно жить.
О Прометей! Зачем ты Факел
Разжег от Солнца для людей?
Что скажет Зевс, то сотворят титаны.
А люди, получившие Огонь,
Горды, нетерпеливы, своенравны,
Богам не подотчетны.
Что Зевс вменит, а что вменится Зевсу?
Предвижу я, предчувствую упрек:
Зачем ты это сделал, Прометей?
Когда они, те люди, полудики,
Не знают, как использовать в Огне
Те свойства, что несут добро тебе, себе,
Другим, Земле всей нашей?
Наоборот, во вред ведь обращая
Ту пользу свойств, какие есть в Огне.
Во времени, направленном в дела,
От чувства меры - качество Судьбы!

Появляется хор Океанид

Хор всех Океанид (среди них Иона и Пантея)
Будь мужественен, свет наш, Прометей!
Зачем же так себя опять терзать?
Зачем давать сомненьям разрастаться,
В огонь всеобжигающий впадать?

Т а н ц у ю щ и е Х а р и т ы
Огонь, Огонь! Бесповоротный,
Бесповоротный!
И приворотный, приворотный!

П р о м е т е й

Уйди, Аглая! Я тебя не звал.
Мою Пандору твой увел Гефест.
Цветок твой ал, разгорячен овал,
В круг собирающий народ со всяких мест.
Уйдите, все! И вы, Океаниды!
Мне легче мыслится без вас.

Т а н ц у ю щ и е Х а р и т ы
Мы на Скале тебя дождемся!

Х о р О к е а н и д

А мы обратно в Океан
Придем, вернемся, когда попросишь,
Перед тобой побудем, выгнем стан.

П р о м е т е й

О одиночество мое!
В нем черпаю я силы, волю.
Не растворясь в лоне волн
Океанических, в брожении
Всеобщих мыслей, личных чувств,
Когда тебе уже не до чего.
Хоть звездно небо, а звезда
В нем каждая в отдельности видна.
О Мужество мое!
Дай силы в Дух собраться,
Себя преодолев, настроиться на жизнь.
Ведь знал, что Зевс не хочет,
Чтобы Огонь я людям нес.
Царя богов, возможно, оскорбит
Титана вольное решенье,
Однако как решил я, так и сделал.
И вот теперь расплачиваться должен,
Не наказание страшно мне, а что?
Не страх так страшен, ну а что же?

Среди богов вдруг не своим сказаться - вот!

Клан предать, сокровенное разрушить!

А Зевсу Крониона с трона

Свергать возможно было?

А Крониону убивать Урана –

Своего отца?

Грехи их тяжки, но они – цари.

У Сил Возвышенных Природных

Две мерки – для царей и нас, титанов.

Ветер. Отзвуки Эха.

Три мерки, три!

Прометей

Еще какая!

Ветер

Еще для смертных, для простых людей.

Для поколений.

День шестой

Ночь. Скала Ниобы. Прометей один над пропастью, под шорохом звезд.

Бело-пепельный свет Луны. Появляется Стража.

Стража (Прометею)

Мы присланы тебя тут и оставить!

Десницу заковав в железа, в цепи Крониона.

И это тот, которого ты взял и отпустил?

В великом гневе Зевс.

Прометей

Цари вольны собой распоряжаться,

Титаны от их воли в стороне.

Стража

Мы Крониону ногу приковали,

Тебе мы руку прикуем к Скале,

Которой Факел нес ты людям.

Прометей

Я думаю, недолго мне тут быть.

Проснется Зевс – сам явится сюда

Освобождать. Покрепче будет нас любить.

Стража

Мы подождем, мы постоим еще тут.

Прометей сидит на камне в своей излюбленной позе. Рассвет приближается.

Прометей

Я угадал, мученья будут после,

У нас еще все впереди.

Пока темно, а стало быть прохладно,

Собраться с духом легче.

Ведь тяготы дневные

Потребуют затем немалых сил,

Чтобы остаться непреклонным

И в то же время не обидеть Власти.

Чтобы она все тени отвела

В тень дня как такового.

Не каждый день берут на цепь богов,

Тем более таких, как я, - титанов!

Ложусь я к Солнцу ликом на Скалу!

Зачем так медленно сюда ты, Кронион,

К Ниобе возвращаешься из Тартара?

Ушел ты сам или увел Гефест тебя –

Не знаю. Зачем так быстро Солнце закатилось?

И ночь лежит, не тянется, как прежде.

Зевс явится с рассветом, и что будет?

Возможно, уж не то, что показалось

Спервоначалу.

Возможно, гнев Зевесов

Мне свалится на плечи с туч небесных,

До смерти до телесной доведет,

До Тартара, Аида, преисподней.

Уж до другого дня не доживу.

Все может быть, и боги не провидцы,

Провидца тень Тиресия, слепца,

В Босфоре Киммерийском

Сказала что-то обо мне Гефесту,

Когда ковал он Крониону цепь.

Но что сказал провидец,
То Гефест ни слова.
Рот на замок, молчок.
Так у богов –
Не делай раньше времени того,
Чего тебе не спущено с небес
От тех, что нас повыше.

Прометей с нетерпением ожидает восходящее Солнце.

Прометей

А вот уж и рассвет,
Но Солнца что-то нет,
Закрыто полчищами Небо.
И давят тучи, ходят низко, близко.
Зевс приказал, наверно, кто еще?
Так день и пролетает до заката.

Прометей прикованный все стоит у края Скалы. Перед ним глубокая пропасть, горное ущелье. Показалось восходящее Солнце.

Прометей (приподнимая голову)

Все сумеречно, а ведь вижу Солнце.
Твой дух, о Солнце, все еще во мне!
Покамест вижу я его дневным,
Но шум дождя и снова тень на Солнце.
Зевс не пришел, день за день не считаю.
Пусть ночь Судьбы моей коснется.

Призрак Солнца (в хоре Океанид).

Не дождь ты слышишь, Прометей.

Прометей

А что же?

Дух Луны (в хоре Океанид)

А слезы матери Ниобы и твои,
Что со Скалы вот-вот прольются.

Призрак Ущелья

Уж озеро на дне образовалось,
Уж лебеди в нем белые плывут.

Отзвуки Эха

Плывут... плывут... плывут...

Ут – ут – ут – ут ...

Призрак Ущелья

Неужто «утки»? Вечность по минутке,

Стенания и вечность.

Прометей

Как при кончине света. Вся природа

Сочувствует Ниобе. Ниоба плачет,

Ниоба слезы льет по своим детям.

Из них убила Артемида шестерых,

И столько же убил их Аполлон.

Вот что бывает при сверженьи Власти,

Но мне-то скрежетать из-за чего?

Отзвук Эха

Чего-чего, чего-чего?

Прометей

Меня ей не уподобляйте, духи!

Я не Ниоба! Бог я – огненосец!

Я спас людей от гибели, от козней Зевса,

Измыслившего род людской сгубить

И новый насадить,

Который подошел бы лучше

Его новоявленной

Олимпийской власти, ведь царь богов – с Олимпа!

А прежних – Крониона, всех

Богов-титанов в объятья страшной Керы ввергнуть

Во глубину Аида; я – Прометей!

Я – прозорлив, все вижу!

Дух Луны

Однако не Тиресий.

Дух Солнца

Насколько прозорлив, настолько и коварен.

Насквозь тебя лучами просветив, хочу спросить:

Куда ты Крониона дел, зачем туда спровадил,

Где мрак и тлен?

Уж к Власти он оттуда не вернется,
Ушел совсем в свое небытие.

Д у х Л у н ы

А сам тут наверху, на его месте.
А, может быть, хотел бы на Олимп пробраться –
Побыть на месте Зевса?

Э х о У щ е л ь я

На месте Зевса... на месте Зевса...

Х о р О к е а н и д

На месте Зевса тьма и пустота.
Мы это со Скалы твоей провидим.
Дай час пробьет, урочный час,
И Зевс повергнут будет, сброшен.

П р о м е т е й

Из всех своих чертогов? Но когда
И кем? Кому сидеть на троне вместо Зевса?
Из-за чего терплю я
И почему тут сразу оба –
Луна и Солнце?

П р и з р а к У щ е л ь я

Не Солнце и Луна, а только духи.
Их зыбкость, я открою тайну тебе, титан.
Три тысячи всех дев – океанид
Родил великий Океан, отец наш, прародитель.
Всех и жены твоей отец, всех нас родитель.
К тебе приходит хора малая толика
Из-за сестры своей, жены твоей,
Которая свой облик
Смешала с обликом Пандоры.

П р о м е т е й

Прочь, призраки! Пока я вижу Солнце
И тенью не совсем его закрыло,
И не сковала всех железом ночь,
Я спрашиваю вас: зачем я тут?
Где Факел мой, Огонь живородящий?

Дух Солнца

Ты отдал его Людям!
Вот и терпи, терзайся на утесе!
Утешен будь, что алый твой пестун
Пошел по жалким хижинам людским,
По их кострам, печам.
И пищу сделал пищей, стал теплом,
Прогнал и холод, и ночную тьму.

Призрак Ущелья

Гляди и радуйся, как где-то там горит
На жертвеннике в храмах твой Огонь!
Твой, Прометей!

Дух Луны

Ты создал племя дикое поэтов,
Ночных воителей, ваятелей Судьбы.
Вот что заманчиво, они-то думают,
Что, бедные, поют тех лебедей, что призрачны, в струе,
А сами кормят призраки собой,
Из интереса создав цвета и звук большого веса.

Эхо Ущелья

На месте Зевса... на месте Зевса...

Хор Океанид (Пантея – выступая вперед)
На месте Зевса твой цветок – увял,
О Прометей, страдающий за всех!
*Прилетает Орел, садится на другой край Скалы, наперевес.
Скала под ним как бы качнулась, Орел встрепенулся.*

Прометей

Да тише, ты! Все видите, - Орел!
Посланник Зевса, прилетел
За новой пищей.

Хор Океанид (Иона – выступая вперед)
Нас тыщи, нас таких три тыщи,
Нас породил отец наш Океан.
Мы жаждем волн, свободы, гроз.
Мы не боимся бурь, гибели от ран!
Ведь каждую минуту погибая,
Вдаль уходя, в пурпуры, в злобу дня,

В мире, едва родясь,
Вольнолюбивы – волны в Океане, мы таем в нем,
Сверканием в богах соединясь.

Прометей

Где Факел мой! Я бог – Факелоносец!
Я – огненосный бог, несу Огонь!
За что к Скале и пригвожден,
В мученьях провожу остаток жизни, осень.

Появляется Гермес.

Гермес

О Прометей! Лежу, а все не спится.
Душа, мой друг, тобой отягчена.
Иду, спешу, а под конец бегу,
Чтобы успеть опередить Зевеса.
Пока к Скале тебя не приковал,
Идем со мной! Я стражу отвлеку.
Местечко приготовил для тебя,
Есть отсидеться где, пока цари
Не сменят гнев на милость.

Прометей

И где местечко то?

Гермес

А не скажу пока, и у Ниобы
Есть глаза и уши.

Гефест (появляясь)

О Прометей! Мне велено тебя к Скале
За руку правую – десницу,
Которой нес ты Факел,
Приковать.

Гермес

Ты кто?

Гефест

Простой кузнец.

Гермес

Нет, ты палач!
Кого сковать – героя?

Принесшего Огонь
Народу своему?

Г е ф е с т

Вон посмотри на них,
Стоят, глядят – ни с места.
Попытки даже нет, чтоб что-то сделать
Для тебя.
Вот и клади за них на плаху жизнь свою.
И сам хорош! Гермес, вишь, с молотом пришел.

Г е ф е с т

Зевс приказал.

Г е р м е с

А ты скажи Зевесу,
Пусть о своей подумает судьбе,
Когда с богами так поступает круто.
Ты подлокотник жалкий, на подхвате,
Еще не приказал, а уж бежишь.
Еще лишь мысль мелькнула в тате,
А уж тебе нейдет воплотить ее
В премерзостное дело.

Г е ф е с т

Вали, вали отсюда!
Здесь быть тебе нельзя,
Ты посторонний тут.

Г е р м е с

Кто – я? А сам ты кто такой?
Ах, ты кузнец? Но боги мы,
Мы с Прометеем – боги!

П р о м е т е й

Опять вы за грудки!
В борьбе своей, в жестокой этой схватке,
Еще и в пропасть жуткую сорветесь.

Э х о У щ е л ь я

Вниз – вниз сюда ко мне столкнетесь.

П р о м е т е й

Вы только посмотрите,
Какая глубь, сколь времени туда

Доходит звук, направленный отсюда.
Не надо мне тут помощи ничьей,
Спасибо за порыв души, Гермес!
Спасибо и тебе, титан Гефест,
Что роли кузнеца
Ты с рвением не играешь.

Г е ф е с т (о п у с т и в г о л о в у)

Я тоже бог Огня, но нижнего,
Не как они – Гермесы,
Имеющие дело с небесами.
Как черная работа, так и мне,
Таким, как я, из мрачного Аида,
И не спросясь, мне нравится иль нет?

Г е р м е с

Тебе всегда все нравится, что плохо
Тут всем. Особенно герою Прометею и даже Солнцу самому.

Г е ф е с т

Зевс служит Солнцу,
Я служу Зевесу.
И нечего на Тартар клеветать,
И Тартар нужен всем,
Аид, Боспор подземный.
Куда бы уходили все мы,
Тут отслужив, намаявшись за жизнь?
Уйди, Гермес, поговорю с героем.
Но с глазу на глаз, без тебя, один.

Гермес уходит.

П р о м е т е й

Что ты хотел сказать бы мне, кузнец,
Умеющий оружие ковать?

Г е ф е с т

Давай с тобою так договоримся.
Я вроде закую тебя, как Крониона.
Но не за ногу, а за руку, для виду.
А ты скрывай все это до поры,
Пока Зевс не отступится. А если

Сейчас тебя тут заковать навечно,
То не отступится уже он никогда.
Два раза только молотом ударю,
И то каким полегче, не своим.
Его тут принесли для Крониона,
А, видишь ли, достался он тебе.

Прометей

А люди?

Гефест

Что люди? Люди смертны.
Век будут ждать решения небес.
Не ступят за черту, поверь ты,
Уж знает как-нибудь их мраки бес.

Прометей

Что, все такие? Есть, небось, герои
И среди них.

Гефест

Героев ровно каждый век.
Их, как всегда, на каждой стороне,
Да дел-то сколько? На самых трудных
Действует герой. Перебурлит все,
Все переломает, а как заглаживать –
Так уж герой другой.

Прометей

Ну уходи. Собою не рискуй.
А то ведь Зевс сюда в момент любовью.
Уже Орел вон прилетел и сел –
Охранник неизменный мой.
Гефест уходит.

Прометей

Не верю никому. Все боги изоврались.
Одно лишь Солнце каждый день встает.
Даже когда за тучами играет,
Я знаю, верю в Небо, все оно.
Лишь Солнцу верю, Солнцу и молюсь.
А люди, даже боги их слабы,
Чего от страха не наговорят,

Их только слушай, всех подряд,
И позабудешь, где ты, с кем ты
Да и куда свой держишь путь?
Зачем пришел, куда и с кем стремишься?
И в людях можно обмануться,
И только в Солнце – никогда!
Забрался Зевс куда повыше –
На самый верх – на свой Олимп,
Сияет безмятежной крышей
И даже трон свой царь богов
Украсил нимбом, где лучи
От головы его, как Солнце,
Вокруг него. А мне смешно!

Второе заклинание Огня в ночи, перед Восходом.

Прометей на краю Скалы. На месте, где в последний раз стоял Кронион.

Прометей

Ночь затаилась, спит перед рассветом.
И все злодеяния именно сейчас
Свершаются, когда ты вроде спишь.
Как тьма всевластна над Землей и Небом.
И именно сейчас, когда с полоски света
Там, где восход, вот-вот начнется Солнце.
Едва забрезжив, станет укрепляться
Полоска эта, силой наливаясь,
И станет все светать.

Эхо Ущелья

Светать, светать! Ну да, начнется,
О Прометей! Бог Света и Огня!

Прометей

Ничтожный бог, посаженный на цепь –
Вот кто сейчас я тут, перед Природой.
Пред Силами Всевышними ее,
Как Аргус, на собачью цепь посажен.
Приди же, Свет, скорее обойми!
Над тьмою сатанинской обозначив
Победу Солнца.

Э х о Л у н ы

Ты сам ночи сродни немного вроде,
Впустив в себя сомнения и бесов.
Сродства ведь не Зевесу,
А мне, Луне.
Ты против Зевса,
Но и не за нас –
Детей Луны – под пеплом под белесым.

П р о м е т е й

За Солнце я! Огонь мой - от него!
А мой протест против Зевеса
За то, что он, не дав Огня,
Людей, мой род, наш род, народ
Хотел бы истребить и новый насадить.
А я – бог жизни от традиций.
Не может ничего из ничего
В подлунном мире народиться.
Никто не есть Никто. Никто есть втайне Кто-то.
Но хитр, скрывает это
Даже от себя.
Придите, Керы! Я так жить хочу!
Уж стар, устал от битв,
Но кто же без меня Огнем распорядится?
Кто поведет людей в сиянья, в торжество
И Разума, и Жизни, Человека?
Кто, коль не я или мой друг Гермес?

Г е р м е с (п о я в л я я с ь)

Живи, кумир, и вся твоя кумирня,
Огня живым даритель!
Живи и Кер ко злу не призывай!

П р о м е т е й

А вот и Солнце намекнулось, бдите!
Вот-вот вдруг брызнет алым
И розовым пойдет, кровавым разрешится
По краю Неба. И Солнце, наконец, в глаза взглянет,
Так и прольется.
А я стою тут, цепью потрясая,

Слуга покорный Солнца и Огня.

Хор Океанид (появляясь)

Пой, пой, о Прометей, не говори, а пой!

Величественны гимны твои Солнцу.

За певческий талант ведь даже Зевс

И тот нас выпускает из Аида,

Чтоб мы с восходом плыли по волнам.

Танцующие Хариты

Танцуй и пой, о Прометей!

Хоть на краю могилы.

Эхо Ущелья

Ходи по краю пропасти и пой,

И воспевай!

Эхо Ветра

И воспевай, и воспевай!

Прометей (как эхо Ветра)

Гермес, подай мне древко!

Дай в руки древко... древко дай...

Гермес

Бери, о вождь! И далее веди!

Не тьмой, а светом водят легионы.

Таким, как ты, нет края и могил.

Прометей

А вот и Солнце! Бог мой, царь Огня!

Вот я перед тобой весь, твой даритель

Огня Природы Высшей – Людям, Человеку.

Чтоб встал он из пещер, смог возродиться,

Не умерев, опять родиться,

И так безмерно, миллионы лет,

Чтобы Огонь твой не погас,

О наше Солнце!

Как ярко светит после бури Солнце,

Лучами алыми мир озаряя!

И мир из тьмы в сиянье пробуждая,

Как ярко светит после бури Солнце!

Я знаю Солнце, светлей меня.

Оно, как небо в середине дня,

Огромное, всеобщее такое,
О мое сердце, я люблю тебя!

Гермес

Скажи еще, оно тебя не слышит.
Смотри, как дышит, как сияет, пышет.

Танцующие Хариты

О как сияет! Как сияет, дышит!

Хор Океанид

Как дышит, пышет,
Скажи, о Прометей!
Пой гимны Солнцу,
Заклинай его!

Прометей

Могучее, великое, всебожье!
В себя вобрало полчища Огня!
Тебя я заклинаю, призываю
Не выпускать тьму за ее пределы,
Как злобу дня, как джина из бутылки.
Все это заклинал уже не раз,
Сейчас я заклинаю и другое.
То был призыв, чтоб сократить нам ночь,
Теперь желанье – дню за ней продлиться,
А, может, ночь и вовсе отменить,
Чтоб день, родясь, мог длиться, длиться, длиться.

Громы с Неба

Ты дерзок, Прометей!
Так многого чего-то захотел.
В природе же все плавно, соразмерно.
Но будь по-твоему,
Тебе мы прорицаем:
За будущие муки все твои
Пусть будет так: то День уйдет вперед,
А Ночь потом дневное догоняет.

Прометей

Сказал кто это? Солнце – бог мой, ты?
Устами всех Громов с твоих Небес?
Мы на пути Побед,

Мы победим,
Когда мы смотрим в лес,
Где Люди прячутся после своих побед
Над полудиким племенем кентавров.

Громы с Неба

Сомнительны победы с твоих слов,
От Солнца Слово надо заслужить.
Твоя судьба лишь начата Зевесом,
Что будет – мы увидим, плохо бесам
Быть под Зевесом.

Прометей

А что же я вам бес?

Эхо Ветра, Эхо Ущелья
Не бес, не бес – с небес, с небес!
О Прометей наш, ты имеешь вес!

ЭПИЛОГ

*Шум, грохот, откуда-то из-под Скалы. Фонтаны воды из недр. Всюду
стенанья, скрежет зубовный.*

Прометей

Я плохо заклинал, и Небо стало низко.
Ты слышишь ли меня, Амфиарей?
Мой дух, ты там, где вечный Тартар,
В тех безднах ты сокрытый.

Амфиарей

За что хоть тут я,
А не там, где ты?

Прометей

Ты – мой двойник.

Пандора (появляясь)

Огонь людям ты подарил не вовремя,
Поддал Зевесу как под локоток.

Прометей

А ты, жена, молчи! Сама-то
Что им притащила?
Из ящика из своего из длинного
Просыпав одни страданья, ссоры и болезни.

Да, людям дал я Огонь с небес,
Искусства создал на земле, поэтов.

Г е ф е с т (в о з н и к а я)

Не тот Огонь! А если бы возжег
От моего, подземного...

П р о м е т е й

... то войны были бы, одни кровопролития.

Г е ф е с т

Не тот Огонь! И Зевс мне повелел:
Пусть скажет, что не тот!
Покается титан.

Г е я (п р и п о д н и м а я с ь , к а к в с е г д а , и з З е м л и п о п о я с)

Огонь небесный плодородит землю,
Людей к благополучию стремится.
О Прометей, ты прозорливец честный!

Г е р м е с

Прав, Прометей! По жертвенникам в храмах
Пусть Огонь с небес горит, не иссякая!

Г е ф е с т

Не отречешься, Прометей? Так Зевс
Найдет, как укротить тебя,
Укоротить все пламена твои.
Когда-нибудь проснешься на другой скале,
На диком берегу где-то на Кавказе.
Запомни это, Прометей, увидишь,
Кто прозорливец истинный!
Снова раздаются грохот подземный, глухие стоны.

Г о л о с К р о н и о н а

Будь проклят вместе с Зевсом, захватившем Власть,
И ты, богопродавец!
Ты обманул и Зевса, и меня
Своими сатанинскими трудами.

Г е р м е с

Не верь, о Прометей! Ты наш герой!
Ты белый свет создал,
Тьму отделил, тепло от хлада, подарил Огонь!
Всему ты научил – жилища строить, выращивать хлеба,

Огонь использовать в разумных целях,
Ты Разум дал, поднял людей до степени героев!

Прометей

Чьи стоны слышу я – твои, Амфиарей?
Я должен там быть, их производить!
Твоею жизнью жить, но там, а ты
Жить сможешь тут ли, при дневном свете?
Ты – порождение меня, так что ты стонешь?
Ну что такого тут я совершил,
Чтоб в Тартар уходить мне -
В мрак могил, в пучины смерти?

Дух Луны

Ты Крониона вниз туда отправил,
Тем покусился на Власть царя богов.

Прометей

Я тоже бог.

Дух Луны

Но ведь без царства.

Дух Солнца

Вот царству он Огонь свой и оставил.
Всем людям передал,
Чтоб смертные могли довольствоваться не только лунным светом,
В каком лишь тени, призраки живут.
Да не от тех их помертвевших душ,
Не от подземных бесноватых магм
Возжегся тот Огонь, а от Небес!
От Высших Сил Природы!
От Солнца самого!
Снова грохот подземный, глухие стенанья.

Голос Крониона

Будь проклят вместе с Зевсом, Прометей!
Так обмануть и Зевса, и меня!

Прометей

Не род людской, однако.

Кронион

Твой род -- народ, на все идет,
Чтоб выжить!

Прометей

Но Факел – мой!

И мой – Огонь!

Кронион

Не твой, не твой! Зевесов, мой!

Голос Амфиарея

Все слышу, вижу, Прометей!

И жду тебя в геенне тут на сходе дней.

Хор всех Океанид (среди них Пантея и Иона)

Не слушай, Прометей, не слушай Никого,

Не знает Истины Никто.

Мы приуспали от того,

Что все бежим, поем, плывем.

За то и бьет нас Океан

О берег, где горит маяк.

Гори, маяк! Сияй, Огонь, из ран твоих!

О Прометей, гляди, чтоб не иссяк он, не иссяк!

О бог титан,

О наш герой!

Лежи, прикованный к скале,

И думай, как высок маяк,

Как высока твоя Скала,

А там, внизу перед Скалой,

Как ясновидяще под Солнцем

Весь род беснуется людской.

О Прометей, о Факел твой!

С тобою Небо, Океан с тобой – немея,

И вся Земля с тобой –

Титан – богиня Гея,

А с ними Жизнь твоя, людей, о Прометей, твоя вся Прометей!

Эсхил
ПРИКОВАННЫЙ ПРОМЕТЕЙ

Действующие лица

Власть и Сила.
Гефест.
Прометей.
Хор Океанид.
Океан.
Ио, дочь Инаха.
Гермес.

Пролог

В л а с т ь

Вот мы и пришли в далекий край земли,
В безлюдную пустыню диких скифов.
Твоя теперь обязанность, Гефест,
Приказ отца исполнить – к горным кручам
Вот этого злодея приковать
Нерасторжимых уз железной цепью.
Цветок твой яркий – творческий огонь –
Украд, он смертным в дар принес и должен
За этот грех наказан быть богами,
Чтоб научился Зевса власть любить,
Свое оставив человеколюбье.

Г е ф е с т

О Власть и Сила! Воля Зевса вами
Исполнена, что еще вам делать.
Но как решусь я бога, мне родного,
К скале, открытой бурям, приковать?
И все ж решиться мне необходимо:
Отца приказом страшно пренебречь.
Фемиды мудрой сын высокоумный!
Не по твоей, не по своей я воле

Несокрушимой медью прикую
Тебя к нагому, дикому утесу,
Где голоса людского никогда
Ты не услышишь; солнцем опален,
Ты почернеешь весь; сокроет ночь,
Ты почернеешь весь; сокроет ночь,
Мерцающую златозвездной ризой,
Сиянье дня; и вновь рассеет солнце
Росу зари, но бремя тяжких бедствий
Тебя все так же будет изнурять;
Ведь твой освободитель не родился
Так страждешь ты за человеколюбье!..
Сам бог, - презрев грозящий гнев богов,
Почтил ты смертных выше всякой меры.
За это будешь охранять скалу,
Стоять без сна, коленей не сгибая.
О, много воплей, жалоб бесполезных
Испустишь ты! Но Зевс неумолим:
Всегда жестоки новые владыки.

В л а с т ь

Чего ж ты ждешь, жалея понапрасну,
И бога, ненавистного богам,
Укравшего огонь, не ненавидишь?

Г е ф е с т

Родства и дружбы сила велика.

В л а с т ь

Согласен, но приказ отца нарушить,
Как думаешь, неужто не страшней?

Г е ф е с т

Ты был всегда безжалостен и дерзок.

В л а с т ь

Слезами делу не поможешь,
А потому напрасно не трудись.

Г е ф е с т

Как ремесло мое мне ненавистно!

В л а с т ь

Но почему? По правде говоря,
Твое искусство в этом неповинно.

Г е ф е с т

О, лучше б им владел другой!

В л а с т ь

Несут все боги свой нелегкий труд,
Свободен от него лишь Зевс один.

Г е ф е с т

Я знаю и с тобой не буду спорить.

В л а с т ь

Вяжи скорей, а то отец увидит,
Как от труда увиливаешь ты.

Г е ф е с т

Гляди же: вот для рук его оковы.

В л а с т ь

Вложи в них руки, молотом могучим
Ударь сильней и пригвозди к скале.

Г е ф е с т

К концу подходит, кажется мне, дело.

В л а с т ь

Сильнее бей, заковывай покрепче:
Чтоб узник не сумел освободиться.

Г е ф е с т

Ну вот, одна рука прибита прочно.

В л а с т ь

Теперь и ту приколоти, пусть знает,
Кто его умнее.

Г е ф е с т

Кто, кроме жертвы, упрекнет меня?

В л а с т ь

Теперь же грудь насквозь ему пронзи
Железного гвоздя свирепым зубом.

Г е ф е с т

О Прометей, от мук твоих я плачу!

В л а с т ь

Ты плачешь о Зевесовых врагах?

Смотри, чтоб о себе не зарыдал!

Г е ф е с т

Ты видишь нестерпимое для глаз.

В л а с т ь

Я вижу, он наказан по заслугам!

На ребрах пояс крепче затяни.

Г е ф е с т

Без приказаний! Знаю сам, что нужно.

В л а с т ь

Нет, я велю, приказываю громко:

Спустись и ноги в кольца заключи!

Г е ф е с т

Ну что ж, готово, дело небольшое.

В л а с т ь

Теперь оковы те насквозь пробей,

И можешь отчитаться в исполненьи.

Г е ф е с т

Под стать твой голос виду твоему.

В л а с т ь

Ты нежничай, мое ж высокомерье

И крутость гнева порицать не смей.

Г е ф е с т

Пойдем! Он взял в железа, сетью он опутан.

В л а с т ь (Прометею)

Дерзи теперь и у богов кради

Огонь священный. И посмотрим,

Избавят тебя люди от мучений?

Действительно ли имя Прометея

Как прозорливца или ложно?

И сам нуждаешься в таком же Прометее,

Чтобы себе свободу обрести.

(Власть, Сила и Гефест уходят).

Прометей

О ты, эфир божественный, и вы,
О ветры быстрокрылые, и реки,
И смех морских неисчислимых волн,
Земля-всематерь, круг всезрящий Солнца,
Вас всех в свидетели зову: смотрите,
Что, бог я сам, терплю вот от богов!
Глядите, в каких терзаниях
Суждено мне жизнь проводить,
На мириады лет вести
Позорные узы, в какие заключил меня
    Новоявленный властями бог.
    Увы! Рыдаю о своей беде,
    О бедах всех грядущих; где предел
    Моих безмерных мук, страданий?
Но что я говорю? Предвидел сам
Грядущее, и нет
Нежданных бедствий для меня. Я должен
Свою судьбу переносить легко:
Нельзя преодолеть необходимость,
Но тяжко ведь молчать и говорить
Об участи своей. О я, злосчастный,
Страдаю за благодеянья смертным.
Божественное пламя я похитил,
Сокрыв в стволе пустого тростника.
И людям стал наставником огонь
Во всех искусствах, помощью великой...
За это я от Зевса и терплю,
Вися в оковах под открытым небом...
О!..О!..О!..
О, что за шум? Как сладкое дыханье
Невидимое. Бог или герой,
    А может, смертный явился к этому утесу,
    Чтоб на мои страданья посмотреть?
    Глядите на закованного бога!

На меня, так ненавистного врагам,
И Зевсу самому, и всем его богам,
За помощь людям, за безмерную любовь мою!
Увы, увы! О, что за шумы где-то близко,
Это птицы несутся, звенит от крыл эфир,
Ударом рассекаем за ударом.
Страшит меня, что происходит.

Появляется хор Океанид на крылатой колеснице.

Парод

Х о р

С т р о ф а 1

Ты не бойся!..
С добрым чувством,
Сонмом крыл звеня в эфире,
Мы примчались к этим скалам!
Мы как только не молили
Сердце старого отца!
Бурные нас провожали ветры!..
Грохот к нам железный рвался
В глубину пещер подводных...
И, услышав, я забыла
Робкий страх и стыд священный!
И к тебе скорей примчалась,
Не успев надеть сандалий,
В колеснице быстрокрылой!..

П р о м е т е й

Увы! Увы!
Многочадной Тефии младая семья
И отца-Океана, что крутит валы,
Обтекая всю землю бессонной струей,
Поглядите, глядите, родные мои,
Как в железных цепях, над ущельем,

На голом откосе скалы,
Несу я постылую службу.

Х о р

Антистрофа 1

О Прометей!
Полный страха
В очи мне метнулся сумрак,
Вдруг наполнив их слезами!..
Вижу, на скале повиснув,
Иссыхаешь ты, закован
В цепи звона и позора!..
Олимпийскою кормою
Правят новые владыки...
Новый дав закон, богами
Самовластно правит Зевс...
И чудовищных гигантов
В бездны мрачные Аида,
Победив, ниспровергает!..

Прометей

О, если бы в недра зеленые, в Аид,
Приемлющий мертвых, в Тартар глухой
Он бросил меня,
Заковав в железные, тяжкие цепи,
Никто бы не мог любоваться - ни смертный, ни бог,
Глядя на муки мои!
Теперь же, несчастный, в теснине ветров,
На радость врагам я страдаю.

Х о р

Строфа 2

Кто из богов, немилосердный,
Смеяться может здесь над ним?..
Над лютой мукою твоей
Кто не горюет, кроме Зевса,
Который, гнева преисполнен,
Детей Урана истребляет?..

Но будет время – и отмститель
У ненасытного владыки
Отнимет роковую власть.

Прометей

Пусть истерзано тело мое,
Но, висящий в оковах, понадоблюсь все-таки я
Владыке бессмертных богов,
Чтоб заговор новый раскрыть перед ним,
Что отнимет у Зевса почет и престол.
О нет! Не смягчат меня
Сладкой речи потоки.
И под страхом суровых угроз
Не поведаю тайны, грозящей Зевесу,
Пока он не снимет жестоких оков
И за этот позор
Врагам, как и бедам своим, не уступит.

Хор

Антистрофа 2

Ты сердцем смел, ты никогда
Жестоким бедам не уступишь...
Но слишком ты вольноречив!..
Пронзает душу ужас острый,
Меня пугает жребий твой!..
Что, если моря тяжких мук
Тебе вовек не переплыть?
Ведь столь упорна злоба Зевса
И непреклонен приговор!

Прометей

Я знаю – суров Зевс, ему
Справедливостью служит его произвол.
Настанет час,
И смягчится он, разбитый ударом судьбы,
Смирит он упорный свой гнев,
И союз заключить поспешит он
Со мною, идущим навстречу.

Эпизодий первый

Х о р

Открой нам все, подробно расскажи,
Какую Зевс вину в тебе находит,
Что так жестоко мучает. Поведай,
Когда тебе не тяжело говорить.

Пр о м е т е й

Да, говорить об этом больно мне,
Но и молчать не легче. Что поделать!
Когда объяла злоба род бессмертных
И разгорался в их среде мятеж;
Когда одни желали свергнуть Крона,
Чтоб Зевс царил, а те, наоборот,
Старались, чтобы никогда богами
Не правил Зевс, - в то время я давал
Титанам, сыновьям Земли и Неба,
Хорошие советы, но не мог
Их убедить. Исполнены отваги,
Презревши хитрость, думали они
Господство получить одною силой.
Но мне не раз предсказывала мать,
Земля-Фемида (много есть меня
У матери-богини), чем борьба
Окончится и что отнюдь не сила,
А только хитрость верх в борьбе берет.
Когда я предостерегал,
Меня не достаивали взглядом.
И потому за лучшее я счел,
Как встать за Зевса в начатой борьбе.
Благодаря моим советам Тартар
Скрывает Крона древнего с его
Соратниками в черной преисподней.
И вот за эту помощь царь богов

Мне воздаст ужасным наказаньем...
Ведь всем тиранам свойственна болезнь
Преступной недоверчивости к другу!..
А на вопрос ваш, по какой причине
Меня терзает, ясно вам отвечу.
Как только он воссел на отчий трон,
Сейчас же начал и почет и власть
Распределять меж новыми богами,
А о несчастных смертных позабыл –
И даже больше: уничтожить вздумал
Весь род людской и новый насадить.
Никто за бедных смертных не вступился,
А я дерзнул: освободил людей
От участи – погубленными Зевсом
Сойти в Аид, - и вот терплю за то.
Такие муки видеть тяжело,
Но много тяжелей переносить.
Да, сжалившись над смертными, я сам
Не удостоен жалости. Жестоко
Расправился со мною царь богов...
Позорит Зевса вид моих мучений!

Х о р

Нет, надо обладать железным сердцем,
Из камня быть, чтобы твоих страданий
Не разделять, о Прометей! А мы
И видеть бы их вовсе не желали,
И сердцем сокрушались, увидав.

Пр о м е т е й

Меня прискорбно видеть и врагам.

Х о р

Не сделал ли ты больше, чем сказал?

Пр о м е т е й

Я от предвиденья избавил смертных.

Х о р

Каким лекарством их уврачевал?

Прометей

Слепые в них я поселил надежды.

Хор

Большую пользу этим ты принес.

Прометей

Потом огонь я дал несчастным людям.

Хор

Огонь – недолговечным существам?

Прометей

Искусствам многих он научит!

Хор

И Зевс, тебя за это обвинив...

Прометей

Без отдыха и срока истязает.

Хор

Не видишь ли конца своих скорбей?

Прометей

Нет, лишь когда ему угодно будет.

Хор

А как угодно будет? Где надежда?

Ужель не видишь сам, что согрешил?

Но говорить про грех твой нам обоим

Мучительно; оставим это, лучше

Исхода поищи твоим страданиям.

Прометей

Легко тому, кто не изведал горя

Давать советы и увещевать

Несчастливого. Но я ведь знал все это.

Сознательно, не буду отрицать,

Я согрешил и, смертным помогая,

Готовил казнь для самого себя.

Конечно, я такой не чаял муки:

Не думал я, что буду иссыхать

На высоте пустынного утеса.

Но вы не плачьте о моих скорбях,

К земле прильните, чтобы слышать,
Что ждет меня в грядущем, и узнать
Все до конца. Послушайтесь меня,
Послушайтесь! Помучайтесь немного
С тем, кто сейчас страдает. Ведь беда
То к одному приходит, то к другому.

Х о р

Охотно к тебе на призывный клич
Мы слетим, Прометей!..
И, легкой ногой с колесницы скользнув
И покинув эфир –
Святую стезю, носящую птиц, -
Я сойду на эту скалистую землю.
О муках твоих

Хотим до конца мы услышать.
Появляется Океан на крылатом коне.

О к е а н

Я пришел, свершив длительный путь,
К тебе, Прометей,
Единою волей, без всякой узды
Направляя крылатой птицы полет!..
Знай, как сострадаю я бедам твоим!
Еще и родство побуждает меня.

Да, кроме родства,
Не найдется ведь близких, которых бы чтил
Я с тобой наравне.
Что все это правда, узнаешь и сам.
Не люблю я угодливых, льстивых речей:
Укажи мне скорей, чем я мог бы помочь.
И скажешь, что ты не имеешь друзей
Верней старика Океана.

П р о м е т е й

Что это значит? Вот и ты приходишь
Смотреть на мученья мои. О, как
Ты решился покинуть поток тебе одноименный, -

О великий Океан, –
И сквозь мглу пещер первозданных, скалистых
Прийти сюда, в страну руды железной?
Тебя смущает моя Судьба? Смотри,
Как Зевесов друг, помогший ему
Престол обрести и власть, теперь терзаем тем же Зевсом!

О к е а н

Я вижу, Прометей. С советом добрым
Явился я, хоть ты и сам умен.
Себя познай и нрав перемени.
Ведь и богами новый правит царь.
Но, если дальше будешь ты бросать
Суровые, язвительные речи,
Услышит Зевс, - хоть и царит высоко, -
Поверь, что муки прежние тебе
Игрушкою покажутся. Несчастный,
Оставь свой гнев и выход поищи
Из этих бед. Быть может, неразумным
Тебе совет мой кажется, но сам
Ты знаешь цену слов высокомерных,
А все не стал смиренным, но еще
Себе накликаешь бедствия желаешь.
Итак, урокам следуя моим,
Не лезь-ка на рожон, не забывай,
Что правит никому не подотчетный,
Суровый царь. А я пойду теперь
И постараюсь, ежели возможно,
Тебя от этих мук освободить.
Ты ж будь смиренней и придержи язык.
Глубок твой ум, однако впрямь не знаешь,
Что примешь кару за пустую речь?

П р о м е т е й

Завидую тебе! Мой соучастник,
Со мной державший вместе власть, теперь ты
Невинным останешься. Но заботу

Оставь, пока не убедишь ты Зевса.
Смотри, походом этим не наделай
Великих бед для самого себя.

О к е а н

Не словом ты, но делом доказал,
Что лучше вразумлять других умеешь,
Чем самого себя. Но не мешай
Мне двинуться в дорогу. Я надеюсь, -
Надеюсь я, что Зевс подарит мне
Твое освобожденье от страданий.

П р о м е т е й

Хвалю тебя, хвалить не перестану:
Ты в рвенье не отстал. Но не трудись
Напрасно, и без пользы для меня,
При всем желании, трудиться будешь.
Нет, в стороне спокойно оставайся:
Хоть плохо мне, но это не причина,
Чтоб доставлять страдания другим.
О нет, и без того меня терзает
Судьба Атланта-брата, что стоит
На западных пределах, подпирая
Плечами столп земли и неба – бремя
Нелегкое! И все жалею я
Того, что в киликийских жил пещерах –
Стоглавое чудовище – Тифона,
Недалеко от узкого пролива.
И давят горы грудь ему. И, сидя
На них, Гефест кует свое железо.
Сверкал огонь неистовый Горгоны,
Но Зевса неусыпная стрела –
Пылающая молния – сразила
Кичившегося. Пораженный в сердце,
Он был испепелен, и гром убил
Всю силу в нем. Теперь бессильным телом
Он под корнями Этны распростерт

Недалеко от узкого пролива;
И давят горы грудь ему: и, сидя
На них, Гефест кует свое железо.
О вырвется из черной глубины
Потоком пожирающее пламя
И истребит широкие поля
Сицилии прекрасноплодной! Ярость
Изрыгнет огнедышащий Тифон
И все потопит огненной бурей,
Хоть в уголь молнией и обращен.
Но нет тебе нужды в моих уроках:
Ты сведущ сам. Спасай себя, как знаешь.
Я ж до конца исчерпаю мой жребий,
Покамест гнева не оставит Зевс.

Океан

Иль ты не знаешь, Прометей, что гнев
Врачуют рассудительные речи?

Прометей

Да, если сердце вовремя смягчить,
А не смирать пылающего гнева.

Океан

Скажи, какую видишь ты опасность
В заботе и решимости, и гнева.

Прометей

Бесцельный труд, пустое неразумье.

Океан

Позволь такой болезнью мне болеть;
Казаться глупым – умному полезно.

Прометей

Твою ошибку примут за мою.

Океан

Ты хочешь, чтоб домой я возвратился?

Прометей

Чтоб сожаленьем не нажил вражды...

Океан

Того, кто на престоле всемогущем?

Прометей

Остерегись его прогневать сердце!

Океан

Твое несчастье – для меня урок.

Прометей

Ступай и сохрани свой ум таким же.

Океан

Уж я собрался в путь-дорогу,

Уж конь - четвероногий мой летун -

Крылами бьет в широкий мир эфира,

А рад в родимом стойле постоять.

(Океан улетает)

Стасим первый

Хор

Строфа 1

Я над твоей, горькой и скорбной,

Плачу судьбой, Прометей!..

Слезы ручьями молча текут,

Льются из светлых, нежных очей!

Вновь по ланитам струятся...

Олимпа властитель Зевес,

Правя по новым законам,

Прежним богам грозит,

Кверху подняв гневно надменные копы!..

Антистрофа 1

Скорбный стоит стон на земле!

То о твоей славе старинной –

Славе великой, то о твоих

Братьях-титанах смертные плачут!..

Край зарубежный, отчизна

Живущих от века народов –

Азия – горестно стонет!
Мукам твоим, о Прометей!
Вся сострадает, плача, земля!

Строфа 2

Рати легких амазонок,
Дев, бестрепетных в бою;
Скифов толпы, что веками
Близ заливов Меотиды
На окраине живут;

Антистрофа 2

И мидийцы – цвет Ареев,
Те, что в городе нагорном
Близ Кавказа обитают, -
Вражья рать, что, лесом копий
Ощетинившись, звенит!

Строфа 3

Лишь одного я знала прежде
Бедой поверженного бога:
То был Атлант...
Он и доньне небосвод
Хребтом могучим подпирает!

Эпод

Глухо гудит, о скалы
Дробясь, гневный прибой!..
Стонет пучина!
Сетуют волны чистых рек!..
Черный Аид
Глухо ропшет в мрачных чертогах!..
Все-все, о Прометей! стонут
В горькой тоске над скорбью твоей!

Прометей

Не думайте, что гордость заставляет
Меня молчать. Но я терзаюсь сердцем
От зрелища позора моего.
Кто, как не я, богам всем этим новым
Сполна их почести распределил?..
Но я молчу о том, что вам известно,
А про страдания смертных расскажу...
Ведь я их сделал, прежде неразумных,
Разумными и мыслить научил.
Я не в упрек им это говорю,
Но объяснить хочу вам все значенье
Моих благодеяний... Раньше люди
Смотрели и не видели и, слыша,
Не слышали, в каких-то грезах сонных
Влачили жизнь; не знали древоделья,
Не строили домов из кирпича,
Ютились в глубине пещер подземных,
Бессолнечных, подобно муравьям.
Они тогда еще не различали
Примет зимы, весны – поры цветов –
И лета плодоносного; без мысли
Свершали все, - а я им показал
Восходы и закаты звезд небесных.
Я научил их первой из наук –
Науке чисел и грамоте; я дал им
И творческую память, мать Муз,
И первый я поработил ярму
Животных диких; облегчая людям
Тяжелый труд телесный, я запряг
В повозки лошадей, узде послушных, -
Излюбленную роскошь богачей.
Кто, как не я, бегущие по морю

Льнокрылые измыслил корабли...
И это все изобретя для смертных,
Для самого себя я не могу
Придумать средства вырваться из бедствий!

Х о р

От мук позорных вовсе потерял
Ты прежний разум, изнываешь,
Как врач плохой, который, заболев,
Себе найти лекарства не умеет.

Пр о м е т е й

Еще меня послушай, подивись
Искусствам хитрым, мной изобретенным.
Скажу о самом важном: до меня
Не знали люди ни целящих мазей,
Ни снедей, ни питья и погибали
За недостатком помощи врачебной.
Я научил из смешивать лекарства,
Чтоб ими все болезни отражать.
Установил я способы гаданий;
Растолковал пророческие сны –
Что правда в них, что ложь. Определил
Смысл вещей голосов, примет дорожных.
Я объяснил и хищных птиц полет
И что вещают – счастье иль беду
Их образ жизни, ссоры и любовь;
Гадания по внутренностям жертвы,
Цвета и виды печени и желчи,
Приятные при жертве для богов.
Сжигая бедра жертвенных животных,
Упитанные туком, пред людьми
Разоблачил я знаменья огня,
Что раньше непонятны были взору.
Все это так... А кто дерзнет сказать,
Что до меня извлек на пользу людям
Таившиеся под землей – железо.

И серебро, и золото, и медь?
Никто, конечно, из богов и смертных.
Короче говоря, что все искусства у людей -
От Прометея!

Х о р

Нет, помогая смертным чересчур,
Себя в таком не оставляй несчастье.
Но верю, от оков освободясь,
Ты будешь вновь могуществен, как Зевс.

Пр о м е т е й

О нет, еще верховная судьба
Подобного исхода не решила.
Но, удрученный тысячами мук,
Избегну я оков. И все ж слабей
Всегда искусство, чем необходимость...

Х о р

А кто кормилом управляет?

Пр о м е т е й

Три Мойры и Эриннии, что помнят
Все.

Х о р

Разве Зевс слабее, чем они?

Пр о м е т е й

Ему своей не избежать судьбы.

Х о р

Ужели Зевс не вечно будет править?

Пр о м е т е й

Об этом не узнать тебе, оставь.

Х о р

Великое, как видно, ты скрываешь!

Пр о м е т е й

Перемените лучше разговор!
Не время говорить об этом: тайна
Должна быть сокровенной. Если я
Ее уберегу, то от мучений
И от позорных уз освобожусь.

Хор

Строфа 1

Да не нарушит воля моя
Мощи державного Зевса!
Да не замедлю, помня о ней,
Я на алтарь твой бедра быков
Вновь возлагать, мною закланных
Возле бессонной, синей стези
Струй Океана!.. С другими
Пусть не веду праздных бесед!..
И да живет это всегда
В сердце моем!

Антистрофа 1

Сладостно длить мне долгий свой век –
Дерзостной веря надежде,
Радостью светлой сердце питаю!..
Но содрогаюсь, видя тебя
Тысячью мук мучимым тяжко!..
Ты ж не трепещешь гневного Зевса –
Ты своенравно и ныне
Боготворишь милых тебе
Недолговечных смертных людей,
О Прометей!

Строфа 2

Друг мой, поверь – неблагодарна
Их благодарность: сам погляди –
Разве сумели б они тебя защитить?..
Разве и сам ты не видишь жалкой их слабости,
Сонным мечтаньям подобной?

Разве не ею, словно цепями,
Скованы ноги смертных слепцов?..
Нет, не смогут замыслы их
Мир перестроить, Зевсу подвластный!

Антистрофа 2

Это скажу, о Прометей,
Злую такую ведь песнь я певала
Нет, не такую песнь я певала
В день перед свадьбой, когда
Мы омывали невесту, когда,
Веном богатым сладко пленив
Робкое сердце, ты дорогим
Стал супругом девы морской –
Нашей сестры – Гесионы!

Вбегает Ио. У нее на лбу коровьи рога

Эпизодий третий

И о

Что за край? Что за люди? Какой это муж
Железом цепей прикован к скале,
Под бурей ветров? За какие грехи
Он кару несет? Скажи мне, куда
Зашла я, бедняжка, скитаясь?
А!.. А!..
Вновь меня жалит безумие;
Аргоса землерожденного
Гонится призрак за мной.
Пастыря многоочитого,
Матерь-Земля, прогони!
Вот он сверкает глазами лукавыми!
Нет ему, мертвому, успокоения:
Из преисподней, из мрака могильного

Вечно меня, горемыку, преследует,
Жалит очами и гонит, голодную,
По прибрежным пескам.

Строфа

Поет, звенит в ушах свирель из тростника.
Как сон знаком – звук наводя,
Терзая сердце...
О, куда я забреду
В своих блужданиях долгих, о скиталица!
О, за какой же грех ты, Зевс, меня
К тысяче мук приговорил!..
Брось меня в пищу тварям подводным!
Иль мои моления
Ты не слышишь, о царь?..
Вконец измучили меня
Скитанья по земле. Не видно, когда
Избегну я бедствий.
Услышь рогатой девы скорбный вопль!

Прометей

О, за какой тягостный грех, Зевс, ты меня
К тысяче мук присудил?..
Зачем, пугая призраком ужасным,
Безумную деву ты мучишь?..
Сожги меня огнем, сокрой меня в земле,
Брось меня в пищу тварям подводным!
Иль мои моления
Ты не слышишь, о царь?..
Вконец измучили меня
Скитанья по земле. Не ведаю я, когда
Наконец-то избегну я бедствий.
Услышу девы рогатой и скорбной я вопль!

Прометей

И как не услышать ее, гонимой оводом, -
Инаха бедной дочери? Она ведь

Любовью опалила сердце Зевса
И – Гере ненавистна – против воли
Свершает в муках бесконечный бег!..

Антистрофа

И о

Откуда знаешь ты про моего отца?
Скажи, многострадальный,
Кто ты – страдающий и, бедный сам, мне, бедной,
Всю правду мне сказавший?
Да, ты назвал мою боязнь богов,
Ту, что томит и сушит грудь, что, как бичом,
По всей земле меня все гонит!..
Голодная, безумными прыжками,
Гонимая гневливой Герой,
Сюда примчалась я стремительно... О кто,
Кто из людей меня сильнее страдает?..
Поведай ясно,
Что еще грозит
В грядущем мне, в юдоли многоскорбной?
Лекарство назови, целящее болезнь,
Если только знаешь.
Скажи! Ответ дай мне, деве – скиталице, мне - Ио!

Прометей

Скажу все, что ты желаешь знать,
В простых словах, загадок не вплетая,
Как говорят с друзьями: Прометей
Ты видишь, даровавшего огонь.

И о

О благодатель смертных, бог несчастный,
За что же, Прометей, так ты страдаешь?

Прометей

Я только что страдания мои
Оплакивал.

И о

О милости прошу я!

Прометей

Какой, скажи? Тебе открою все.

И о

Скажи, кто приковал тебя к утесу?

Прометей

Державный Зевс Гефестовой рукой.

И о

А за что, какую платишь ты вину?

Прометей

Достаточно того, что я сказал.

И о

Еще поведай мне, несчастной,

Блужданиям моим будет ли конец?

Прометей

Поверь, не знать об этом тебе лучше.

И о

Страданий, мне грозящих, не скрывай!

Прометей

Что ж? Мне легко твою исполнить просьбу.

И о

Зачем же медлишь и не говоришь?

Прометей

Боюсь я, твою взволную душу.

И о

Не слишком обо мне заботься.

Прометей

Могу сказать....

Х о р

Нет, погоди. Немного насладенья

И нам оставь! Послушаем сначала

Рассказ печальный от нее самой.

А ты затем поведаешь о прочем.

Прометей

Твой долг, о Ио, с ними быть любезней,
Они ведь сестры твоего отца.
К кому ж отраднo горестную долю
Оплакивать в присутствии того,
Кто проливает слезы сострадания.

И о

Я не могу ответить вам отказом,
И в ясных вы услышите словах
То, что хотите знать, - хотя и плачу,
Рассказ ведя о божьем вихре, смявшем
Меня навеки и красу сгубившем...
Всегда, всегда ночные сновиденья,
Скользя в мою девичью спальню, мне
Нашептывали сладкие слова:
«О девушка-счастливица, что долго
Ты девствуешь? А можешь ты вступить
В великий брак: ведь Зевс стрелой желанья
Воспламенен, и жаждет он с тобой
В любви соединиться. О дитя,
От Зевсова не уклоняйся ложа,
Но приходи на пышный Лерны луг,
Где пастбища отцовские и хлебы,
Чтоб Зевса взор любовью утолить».
Такими снами мучалась все ночи
Я, бедная, пока не рассказала
Отцу о сновидениях ночных.
И много он послов тогда отправил
И в Дельфы и в Додону, чтоб узнать,
Каким деяньем иль какой мольбою
Богов умилоствивить. Но послы
Неясные и темные вещанья
Нам приносили. Наконец, к Инаху
Пришел ответ: бог ясно говорил
И требовал из дома и отчизны

Изгнать меня, чтоб я одна блуждала
Из края в край, до рубежей земли.
Иначе тотчас молнией с небес
Ударит Зевс – и весь погубит род!
И, Локсия пророчествам поверив,
Изгнал меня отец, но против воли:
Железною уздой принудил Зевс
Свое веленье выполнить. И вдруг
И разум мой и прежняя краса
Разрушились; вы видите – рогатой
Я сделалась. Безумными прыжками
Я, жалимая оводом, помчалась
К Керхнейским усладительным струям
И к Лернскому источнику. Пастух,
Свирепый Аргос, сын Земли, меня
Сопровождал повсюду и везде
Следил за мной несчетными очами.
Но вот внезапно и неожиданно смерть
Его сразила. Я ж из края в край,
Безумием терзаема, блуждаю
По всей земле, бичом гонима божьим...
Ты слышала все. Теперь же, если можешь
Мне предсказать о прочем, говори!
Но ложными не утешай словами
Из жалости: всего противней мне
Искусные, неискренние речи.

Френос

Х о р

Довольно! Довольно!
Молчи! О, молчи!
Не знала я, что слух мой смутит
Рассказ твой странный...
Ах, не знала я,

Что нестерпим
Позор твой непереносимый,
Он злой
Двойной пронзит иглой
Мне душу...
О Судьба! Судьба!
Мы все дрожим, Ио,
Твой жребий вида злой...

Прометей

(хору)

Ты рано ужасаешься и плачешь,
Узнаешь и о прочем, погоди.

Хор

Так говори: страдающим отрадно
Заранее о горестях узнать.

Прометей

Я вашу первую исполнил просьбу.
Вы знать желали от нее самой
Ее страданий горестную повесть.
Послушайте об остальном, о муках,
Которые от Геры претерпеть
Ей суждено. А ты, о дочь Инаха,
Мои слова слагай глубоко в сердце,
Чтоб знать конец скитанья твоего.
Отсюда по вспаханым полям
Направишься к востоку и приедешь
К бродячим скифам; под открытым небом
Они проводят жизнь в своих шатрах
(Что движутся при помощи колес)
И далеко из луков мечут стрелы,
Разя врагов; ты к ним не подходи,
Но путь держи к береговым обрывам,
Где стонут волны ропотом глухим.
Налево от тех мест живут халибы,

Куют железо; ты страшись их,
Они свирепы, но гостеприимны.
Придешь к реке Обиде, что недаром
Зовется так; ты брода не ищи
Через нее, она непроходима;
И, наконец, достигнешь самого
Царя всех гор – Кавказа, с чьей вершины
Могучая и бурная река
Срывается. Ты перейдешь хребты
Высокие – и там пойдешь на полдень,
Пока не встретишь войска амазонок,
Не любящих мужей; они живут
Близ устья Фермодонта, в Фемискире,
Где челюстью свирепой Сальмидес
Грозит судам средь вспененного моря.
Охотно путь они тебе укажут!
Ты к Истму Киммерийскому придешь –
К проливу узкому, - и Меотиды
Должна ты храбро переплыть пролив;
И средь людей останется молва
Об этой переправе: это место
Боспором назовется в честь тебя.
Оставив за собой поля Европы,
На материк Азийский вступишь ты...

Не кажется ли вам равно жестоким
Ко всем созданьям царь богов? Ведь он,
Желая быть супругом этой смертной,
Ее обрек скитаниям таким!

О девушка, ты горького для брака
Стяжала жениха!.. Но то, что слышишь,
Поверь, - начало только бед твоих!

И о

Увы мне! О увы!

Прометей

Ты вскрикнула опять и застонала!

Что сделаешь, узнав об остальном?

Х о р

А разве ждут ее еще страдания?

Пр о м е т е й

Тоски и скорби бурные моря!

И о

Зачем мне жить? Не лучше ль мне с утеса

Низвергнуться теперь же, чтоб, о землю

Ударившись, избавиться от бед?

Ведь много лучше умереть однажды,

Чем день за днем мучительно страдать.

Пр о м е т е й

Тебе бы не стерпеть моих страданий!

Ведь мне и умереть не суждено:

Была бы смерть спасением от муки.

Теперь же нет конца моим мученьям,

Покуда власти не утратит Зевс.

И о

А разве Зевс когда-нибудь падет?

Пр о м е т е й

Ты, верно бы, при этом ликовала?

И о

Еще бы нет! От Зевса мука вся.

Пр о м е т е й

Тогда узнай, что вправду будет так.

И о

Кто ж у него похитит царский скипетр?

Пр о м е т е й

Сам у себя, безумием охвачен.

И о

Но как? Коль мне не повредит, скажи.

Пр о м е т е й

Он вступит в брак и после пожалеет.

И о

С богиней или смертною? Ответь...

Прометей

Об этом говорить не подобает.

Ио

Итак, жена сведет его с престола?

Прометей

Родив дитя сильнее, чем отец.

Ио

И он судьбы предотвратить не сможет?

Прометей

Нет, если я не выйду из оков.

Ио

А кто ж избавит против воли Зевса?

Прометей

Он должен быть из рода твоего.

Ио

Как ты сказал? Мой сын тебя избавит?

Прометей

Он третий родом, после десяти.

Ио

Мне непонятно это предсказанье.

Прометей

Не спрашивай и о своих скорбях.

Ио

Не отнимай того, что обещал мне.

Прометей

Одно из двух открыть могу я.

Ио

Что ж именно? Дай выбрать! Отвечай!

Прометей

Что рассказать мне? О твоих страданиях.

О том ли, кто меня освободит?

Хор

И ей и мне ты окажи услугу,

Мою исполни просьбу. Ей поведай,

Чем кончатся ее скитанья, мне же –

Кто явится спасителем твоим.

Прометей

Коль вам угодно, я не возражаю –

Открою все, что вы хотите знать.

Во-первых, Ио, о твоих скитаньях

Скажу, а ты в уме запечатлей.

Когда пройдешь ты реку ту, что делит

Материки, на пламенный восток

Направишься. Шумящую пучину

Оставив за собой, достигнешь ты

Горгоновых полей Кисфены, где

Сидят три древних девы Форкиады,

Похожие на лебедей: они

Имеют общий глаз и зуб единый.

Ни солнце их лучами не ласкает,

Ни месяц ночью. А вблизи от них

Живут Горгоны, три сестры крылатых

И змеекудых; и никто из смертных,

Увидев их, дышать уже не может.

Я говорю, чтоб ты остерегалась!..

Послушай и о зрелище другом:

Остерегайся грифов с острым клювом –

Собак безмолвных Зевса; берегись

И войска одноглазых аримаспов,

Что на конях кочуют и живут

У златоструйных вод реки Плутона.

Не приближайся к ним... Затем придешь

Ты в край далекий, к черному народу,

Живущему у солнечных ключей,

Там, где река Эфиоп. Путь держи

Вдоль берегов ее до водопада,

Где древний Нил струит с Библосских гор

Священные и сладостные волны.

И в землю трехугольную тебя

Он приведет, - туда, где устья Нила...

Тебе и детям, Ио, суждено
Там основать поселок отдаленный...
А если что в речах моих темно,
Переспроси: ведь у меня досуга
Гораздо больше, чем бы мне хотелось.

Х о р

Коль ты еще мне можешь рассказать
О горестных скитаниях ее,
То говори, а если речь окончил,
Поведай нам о том, что обещал.

Пр о м е т е й

Все слышала она, а чтобы знала,
Что не напрасно слушала меня,
Я расскажу и то, что претерпела
Она досель, и этим подтверждаю
Правдивость слов моих... Событий много
Я опущу и подхожу к концу.

В Молосскую пришли ты землю, где
Находится нагорная Додона
И Зевса Феспотийского престол.
Там шелестом чудесные дубы
Тебе вещали прямо, без загадок,
Что Зевса славной будешь ты женой...
Не льстит тебе воспоминанье это?
Безумием ужаленная, прочь
Ты понеслась дорогою прибрежной
К широкому заливу Реи... Вспять
Оттуда ты примчалась в бурном беге...
Тебе поведаю, что этот брег
Приморский наречется Ионийским
В грядущем – в память о твоих скитаньях!
Вот доказательство тебе, что видит
Мой ум побольше, чем открыто всем!
Об остальном и вам и ей скажу,
Вернувшись на стезю своих речей...

Есть град Канаб, у самых устьев Нила
И на краю Египетской земли.
Там Зевс тебе вернет твой прежний разум,
Тебя коснувшись ласковой рукой.
Родишь ты сына черного, Эпафа,
И это имя будет соименно чудесному рождению его,
И будет он возделывать ту землю,
Которую поит широкий Нил...
А в пятом поколеньи пятьдесят
Сестер вернутся против воли в Аргос,
От родственного брака убегая
С двоюродными братьями. Они,
Как ястребы, что мчатся вслед голубкам,
Безумные, за браком их губящим,
Погонятся, но не допустит Зевс:
Пеласгова земля их трупы примет,
Рукою жен зарезанных в ночи.
Все жены умертвят своих супругов,
В крови купая двулезвийный меч...
Пускай отмстит такая же Киприда
Моим врагам!... Но из невест одну
Желанье очарует, и не сможет
Она убить того, с кем делит ложе,
И малодушной предпочтет прослыть,
Но не убийцей. От нее-то Аргос
Получит род прославленных царей...
О всем подробно в двух словах не скажешь...
И из ее потомства народится
Отважный муж со знаменитым луком,
И он меня от мук освободит.
Так древняя мне предсказала мать,
Фемида-титанида. Как все будет,
Об этом слишком долго говорить,
Да и тебе не вижу пользы в том.

И о

О! О! О!

Опять эти приступы! Бешенство жжет,
Безумия жгучее жало – меня

Палит без огня!

От ужаса сердце стучит и стучит

Ударами сотрясая гаснувший ум.

Все кружится, вертится в мутных глазах...

Охвачена бешенством я и брошена в бег...

Немеет язык, и тонут слова

В волнах безумного бреда.

(Ио убегает)

Стасим третий

Х о р

Строфа

Да, мудрым, да, мудрым был тот, кто,

Нас упредив,

Мысль верную в сердце берег,

А потом громогласно

Провозгласил:

«Здесь все обретешь,

В брак вступив с равной себе!»

Но хорошо ль, если ты, жалкий бедняк,

Тянешься к той, что, чванясь знатной родней,

Роскошью всех дивит?»

Антистрофа

О Мойры! Да ни одна из вас трех

Не лицезрит

Зевса со мной, в лоно его

От земли унесенной!..

Или чтоб был

Супругом мне тот,

Кто в брачный час с небес в терем сойдет.

Я трепещу, видя тебя, Ио,
Опять мчишься ты, безбрачная, девством томясь,
Как жертву, преследует тебя злобная Гера.

Эпод

Лишь для меня брак равный не страшен!
Любовь бы только неумолимыми очами
Могучих богов
Не засматривалась бы так на меня!
Без победы боренье, плен безысходный ...
И я не знала бы, как мне жить и что делать?
И как сумела бы я избежать
Страстной мечты твоей, Зевс?

Эксод

Прометей

Смирится Зевс, хотя и сердцем горд.
Он в брак вступить задумал, но жена
Лишит его небесного престола;
Тогда свершится Кроново проклятье,
Которым, с трона древнего упав,
Он угрожал... А как избежать бедствий,
Никто сказать не может из богов.
Я ж знаю – как. Так пусть сидит надменно,
Надеясь на небесные грома
И потрясая огненной стрелою.
Нет, не помогут молнии ему,
И он падет падением бесславным.
Такого он готовит сам себе
Борца непобедимого, который
Найдет огонь, разящий лучше молний,
И гром сильней громов небесных Зевса.
Он сломит Посейдоново копьё –
Трезубец, бич морей, трясущий землю.
И затрепещет Зевс и будет знать,
Что быть рабом не то, что быть владыкой.

Хор

Чего желаешь, Зевсу ты сулишь?

Прометей

Чего хочу и что должно свершиться!

Хор

Ужель над Зевсом будет новый царь?

Прометей

Он муки понесет потяжелее этих.

Хор

И это не боишься говорить?

Прометей

Чего страшиться? Смерть не суждена мне.

Хор

Он может муки худшие послать.

Прометей

Пускай пошлет! Всего я ожидаю.

Хор

Но мудры те, что Адрастею чтут.

Прометей

Так покоряйся, льсти, молись владыке,

Меня же Зевс заботит меньше всех.

Пусть действует, пусть правит напоследок,

Кто хочет, - ведь теперь ему недолго

Повелевать богами на Олимпе.

(Появляется Гермес)

Но Зевсова посланца вижу я,

Слугу тирана нового. Конечно,

Он с новыми известиями пришел.

Гермес

С тобой, хитрец, язвительный чрезмерно,

Я говорю, с виновным пред богами,

С тобой, огонь укравшим для людей.

Отец велит, чтоб ты сказал о браке,

Который у него отнимет власть.

И говори яснее, без загадок,
Подробно все. Не заставляй меня,
О Прометей, к тебе являться дважды.
Ты видишь, Зевса нелегко смягчить.

Прометей

О, как звучит напыщенно и гордо
Вся эта речь прислужника богов!
Вы думаете, новые цари,
Что вечно вам блаженствовать в твердых?
Но разве я не видел, как с Олимпа
Упали два тирана? И увижу,
Как третий, ныне правящий, падет
Падением позорнейшим и скорым.

Не думаешь ли ты, что трепещу
Я пред богами новыми? Нимало!
А ты спеши вернуться тем путем,
Каким пришел. Ответа не получишь!

Гермес

Однако за такое дерзновенье
Уже несчастьем поплатился ты.

Прометей

Уверен будь, что я б не променял
Моих скорбей на рабское служенье!

Гермес

Так, видно, лучше быть слугой скалы,
Чем верным вестником отца-Зевеса?

Прометей

Обидчиков отрадно обижать.

Гермес

Ты, кажется, блаженствуешь и в бедах?

Прометей

Блаженствую? Подобного блаженства
Моим врагам желаю – и тебе.

Гермес

Ты и меня винишь в своих несчастьях?

Гермес

Безумием, я вижу, болен ты.

Прометей

Коль ненависть к врагам считать болезнью.

Гермес

О, ты бы в счастье был невыносим.

Прометей

Увы!

Гермес

Не знает Зевс такого слова.

Прометей

Всему научит время и его.

Гермес

А ты еще уму не научился.

Прометей

Не говорил бы я тогда с рабом.

Гермес

Не скажешь ты, что знать отец желает?

Прометей

А надо бы! Он – благодетель мой.

Гермес

Глумишься надо мной, как над ребенком!

Прометей

А разве ты ребенка не глупей,

Коль думаешь, что я тебе отвечу?

Ни хитростью, ни казнью не заставит

Меня вовек поведать тайну Зевс,

Пока позорных уз не разрешит.

Так пусть же огненной разит стрелой,

Подземным громом пусть гремит, смешает

Все небо в белокрылую метель

И все до основания уничтожит.

Меня не сломит он, я не скажу.

От чьей руки он потеряет власть.

Гермес

Смотри, тебе упрямство не поможет.

Прометей

Все это мной давно предreshено.

Гермес

Решишь, решишь, безумец, стать разумным,

Страданиями наученный своими!

Прометей

Напрасно докучаешь разговором:

Я, как волна морская, глух к тебе.

Не думай, что из страха перед Зевсом

Я стану бабой, буду умолять,

Как женщина, заламывая руки,

Чтоб тот, кого я ненавижу, снял

С меня оковы. Не бывать тому!

Гермес

Я, кажется, напрасно говорил:

Такое сердце просьбами не тронуть.

Как юный конь, грызущий удила,

Уперся он и борется с вожжами.

Но слабы ухищрения твои.

Упрямство у того, кто неразумен,

Скажу тебе, бессильно совершенно.

Коль слов моих ты слушаться не будешь,

Смотри, какая буря бед тебя

Настигнет неизбежная. Во-первых,

Отец, с небес низвергнув гром, огнем

Утес твой островерхий раздробит

И в каменных объятиях скалы

Твое сокроет тело. И года,

Года пройдут, пока ты выйдешь вновь

На белый свет. А Зевса пес крылатый –

Орел его кровавый – будет жадно
Терзать лохмотья тела твоего,
Незванный гость на пире ежегодном, -
И черную, объединенную печень
Он будет рвать... А ты конца мучений
Не жди, пока не явится тебе
На смену некий бог-освободитель
И не захочет за тебя сойти
В Аида сумрак, в Тартара глубины.
А потому размысли. Не пустая
Здесь похвальба, а твердый приговор.
Не знают лжи Зевесовы уста,
Все, что сказал, он сделает! Подумай
И посмотри, и своему упорству
Не приноси благоразумья в жертву!

Х о р

Нам кажется, что дело говорит
Тебе Гермес. Велит, упорство бросив,
Благоразумья мудрого искать.
Послушайся! Упорствовать в ошибке
Для мудрого позорно и постыдно.

Пр о м е т е й

О том, что сейчас возвестил он,
Я заранее знал. Но муки теперь
Врагу от врагов не позорны ничуть.
Так пусть же с мечами кинется, пусть от громов
Под натиском бурных ветров сотрясается
Эфирная высь и до самых корней
Колелет глубины земли ураган.
И пусть он смешает волны морей
Со звездами неба в сплошном движеньи и шуме,
Пусть тело мое
Он бросит не черное Тартара дно,
Но в водовороте железной судьбы
Меня умертвить он не может!

Г е р м е с

Такие решенья, такие слова
Одним сумасшедшим пристали! И чем
Отличается он от безумных теперь
В своей похвальбе, что не знает узды?

Но вы, что страждете бедам его,
Скорей отойдите от этой скалы,
Не то ваш рассудок навек потрясут
Свирепого грома раскаты.

Х о р

Другие советы давай мне, и их
Послушаюсь я. Но некстати сказал
Ты эти слова, нестерпимые мне.
Ужели мне подлость велишь сотворить?
Готовы мы вместе судьбу претерпеть!
Привыкли изменников мы ненавидеть,
И этот порок
Ненавистнее всяких пороков!

Г е р м е с

Так помните! Заранее все вам сказал,
Предупредил вас! Потом
Не корите судьбы, не смейте роптать!
Что Зевс в нежданное бедствие вверг вас.
Не он, а вы сами себя!
Все зная заранее, вы не врасплох,
Не тайными кознями
Будете запутаны в сети беды,
Но ввергнет в нее вас гордыня, безумье!

П р о м е т е й

Уже на деле, а не на словах
Земля дрожит,
И грома глухие удары гремят,
И пламенных молний извивы блестят,
И вихри крутят вздымаемый прах,
В неистовой пляске несутся ветра

Навстречу друг другу: шибаясь, шумят
И празднуют дикий и ярый мятеж,
Смешались в одно небеса и земля...
И всю эту бурю послал на меня
Разгневанный Зевс, чтоб меня утрашить!
О мать святая моя! О Эфир,
Свой свет разливающий всюду, взгляните,
Как я страдаю, напрасно страдаю!

(Перевод В.Ниландера и С.Соловьева.

Литературная редакция Л.Золотарева)

СВОБОДНОРОЖДЕННЫЙ ПРОМЕТЕЙ

(героическая трагедия)

Слышишь ли ты это, Эсхил,
Небу открытый?

Из моих упований.

Говоря о себе со свободой,
Чуждой аффектаций,
Я не нуждаюсь в самозащите
Перед лицом чистосердечных людей.
Перси Биши Шелли.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Зевс – царь богов.

Прометей – бог-титан, даритель Огня.

Крон-Кронион – отец Зевса, свергнутый царь богов.

Призрак Юпитера – отца Крониона, деда Зевса.

Гермес и Гефест – Зевесовы боги.

Артемида и Аполлон – боги, дети Зевса.

Поэт – двойник Прометея.

Вулкан. Жизнь. Власть.

Океан - бог-титан.

Океаниды – его дочери, танцующие Хариты.

Ио – богиня, жена Зевса, в облике рогатой и крылатой коровы.

Ионид – ее сын от Зевса, сбросящий с трона отца.

Дельфийский оракул.

Первый мистик.

Второй мистик.

Азия. Европа.

Ангелы и Демоны.

Тени Луны, Бой Часов и Цветы Белого Острова, Нимб Креста.

Клубы дыма и облаков. Призраки, искушения грез.

Отзвуки эха.

Кавказская Скала.

Орел, клюющий печень Прометея.

Авторский голос.

ПРОЛОГ

Его на крыльях нес сюда Орел
От той Скалы, где слезы лил с Ниобой.
И что теперь? Что тут он приобрел,
В пространстве гор меж Азией – Европой?
Когда летел под тучей над землей,
Хотелось, чтоб полет Орла был долог.
Истерзанный, замученный и злой,
Он криком оглашал все это в долах.
Что было б с ним, когда б Орел разжал
Свои бронзовокованные когти?
Он чувствовал впиванье в тело скал,
На кольцах обрастающие локти
И руки, превращаемые в крылья,
И ночью звон копыт из-под коня,
И воздуха такое изобилье,
Земля и тут ему своей была.
Однако Зевсу стоило сказать,
Орлу крылами стоило качнуть,
И страх титана стал одолевать,
И горло перехватывала жуть.
Глядели жертвы из пустых пространств,
Летели с гор кремневые дожди,
Гранитные потоки постоянств,
Не знающих, что будет впереди.
Велик Всевышний в скорбях по Земле,
Присутствуя с Зевесом в знак коллизий,
А тут, в самосожжении, в золе,
Под Солнцем – Бог в своей злаченной ризе.
Лишь Солнце может миловать и жечь,
Но Зевс присвоил его право, дерзкий,
Чтобы людей конечностью обречь,
С Пространством Время совмещая резко.

И вот Орел нашел ему Скалу
Напротив красноликого Вулкана,
И Прометей захохотал в пылу,
Что жив! Что Солнце не сожгло титана!
А Зевс еще поплатится, ответит,
Вселенским абсолютам и кругам.
Пока Орел тут в Прометея метит,
Железа прибиваются к ногам.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Индийский Кавказ. Над пропастью прикованный к Скале, покрытой вечными льдами, висит на цепях Прометей. Орел, принесший его сюда по велению Зевса, долбит титану черную печень.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Ангелы и демоны – духи ада и рая – молча наблюдают за Прометеем терпящим и Орлом терзающим. Занимается дух Жизни сквозь туманы рассвета, где-то прозревается Солнце.

ЖИЗНЬ. Пришла сюда приободрить тебя,
О Прометей! Мой сын, титан могучий!
Как ты страдаешь, мучишься за всех!
И за меня, за долю, жизнь людскую,
Которая подарена нам Солнцем.
Его частицу малую – Огонь
Передарил ты людям,
Чтобы сердца людские растопить,
Поставить слабых на ноги, а сильным
Прибавить сил, чтоб от исчадий ада
Они повыше голову несли.
Вон ангелы и демоны клубятся.
Одни грозят, другие рай сулят.
Сквозь все прошел ты, значит, ты герой.

ПРОМЕТЕЙ. Мне хватит бога, мы и так герои.

Законы сфер с рожденья утверждая,
Гляжу с небес, а ты тут представляешь
Лишь смертных, только смертных, вот и все.

ЖИЗНЬ. Да, смертных! Но за всеми – я,

Живое, все, что трепещет, жаждет,
Тянется за мной.

Смотри, как мой цветок,
Пробившись сквозь камень,

Тут чудо представляет.

Естественна в нем Красота – от Солнца,

А ты его частицу взял насильно

И людям просто так вчера отдал.

Нарушил тем течение законов,

За что Зевес тебя и покарал.

Не ври хоть тут, привыкли лицемерить,

Выращивать дурманы у людей.

Я дала Огонь! Чтоб по нему мог Прометей все мерить,

Раскрыв живым возможности идей,

Чтобы они твоей частицей стали,

Частицей Солнца, ярче тысяч Солнц, -

Живородящей, благородной, белой, -

Родил ты песнепевцев и поэтов!

ЖИЗНЬ. А кто ж работать будет

В каменоломнях, в городах и весях?

Кто накормит всех с их чреваами,

Набитыми камнями?

Нет, ты родил рабов!

Смотри, как за кусок

Тут будет каждый пресмыкаться

И Власти злой, неправедной служить.

ПРОМЕТЕЙ. Не ври, не каждый. Я же не служу

Зевесу, что отнял Власть у своего отца

И в деспота, в тирана превратился.

ЖИЗНЬ. Ты – бог, живешь по божеским законам,

Казнят тебя по смертным, по людским.

Орел начинает еще сильнее долбить черную печень титану.

ПРОМЕТЕЙ. О горе, горе мне! Не выдержу, боюсь,

И кану с высоты туда, в ущелье.

Как боли невозможные терзают,

Порой перекрывая дерзкий ум!

Летучими мышами мчатся Керы –

Посланцы ада, в ад меня влекут,

Бия то в лоб, то в грудь, то в мое чрево.

Орел долбишь? Ну и долби, долби!

Талант мой, дух мой к этому привыкли.

Другое дело – Керы, он прикрывает их,

В аду которых тело их кипит.

Орел мне даже мил порой,

Уже о печень притупил свой клюв,

Долбит слабее с каждым днем.

И жду я, когда он окончит вовсе.

Посланец Зевса, - что с него возьмешь?

Они такими стали или станут -

Охранники, защитники тиранов;

Что им до нас, героев и людей?

Они не нас – себя предпочитают,

Свой маленький мирок, где им дают кусок.

Кусок им затмевает мысль и разум,

Солдаты стражи, - вон они стоят!

С меня начали, с теми же продолжают,

Кто голову подымет на тирана.

Орел принимается долбить еще сильнее, яростнее.

ЖИЗНЬ. Зачем ты так, могучий Прометей?

Ты прозорлив ведь и умен немало,

А, выступая против зла Орла,

Его же в своих зверствах искушаешь.
ПРОМЕТЕЙ. Чего бояться? Худшего не будет,
А лучшее осталось позади.
ЖИЗНЬ. Однако ты, как слабый рассуждаешь,
А ты ведь бог, бессмертен ты, поди,
В век золотой играешь.
ПРОМЕТЕЙ. Тот век прошел и больше не вернется.
Век золотой ушел, другого жди.
Когда от Солнца золотым лучом
Сюда мы прилетели
И пали тут, о чем
Мы говорили, сами знали, как сюда попали –
Где Белый Остров Счастья и Любви,
Где были наши времена из детства
И где мы жили вечно, без конца,
И дух был в теле, тело же бессмертно,
Как нет конца и края у кольца.
И вот теперь я тот, кого ты видишь.
Рыдаю, плачу, но не по себе –
По веку золотому, людям Солнца,
Какими были все тогда, как все.
И вот теперь, от жизни той осколок,
Я тут титан уж, бог я для людей,
Которые, от Солнца отделясь, забыв Огонь,
Все превратились в смертных.
Построена их участь на грехе,
И власти это сами поощряют.
Вот почему восстал я против Зевса,
Чтобы людей заблудших, павших
Назад позвать, к высокому вернуть.
ЖИЗНЬ. Назад Часы во Времени не ходят.
ПРОМЕТЕЙ. Это у вас – у смертных, у людей.
А мы, когда летели по лучу,

О Времени и не подозревали.
Мы просто были, мчались, вот и все.
Мне жаль людей! Сильней меня страдают,
Презренны и забыты, в вечном страхе –
За жизнь, за чадо, за жену, кусок.
К алхимии все тайное свели,
Таинственным все сделали, что явно,
А тайное забыли навсегда.
От умной речи, злом косноязычным
Зазвав себя, мы отделились вовсе.
И вот совсем запутались в словах.
Час астрологии пробил, затмив бывшее,
Гордыню выпустили люди из себя.
Иные у богов соперниками стали,
Иные пали до черты, донельзя.
В лохмотьях, без тепла, во тьме и глядя,
Как волки, бродят псы;
Они такими сделались, кому там
О высшем чем-то знать и помышлять?
Пока соперники богов своей гордыней
На бунт не стали их же подбивать.
Вот тут-то Зевс и спохватился,
Создал и Стражу, и послал Орла
Клевать чужую печень и свою
От клюва от чужого охранять .
Тем утешать себя, свою гордыню,
А мне за это на камнях лежать.

ЖИЗНЬ. Не ври хоть ты, ведь бог, не притворяйся!
Ни жалобой Зевеса не проймешь,
Ни хитростью, ни болью, ни досадой.
Трон любит Власть,
Но Власть не любит трон.
Все как-то от тиранов ускользает.

Скользнет, гляди, и этот, и другой.

А люди виноваты, жизнь такая, -

Клянут меня, а сам не в зуб ногой.

ПРОМЕТЕЙ. Кто – Зевс? Вот я же говорил,

Что ты туда же, где бываю я.

Все тебя тянет к вольнодумству.

Как из жил

Вытягивает силу дико страсть.

Стража подходит к Орлу и начинает ширять его пиками, поощряя к активным действиям против Прометея.

СТРАЖА. А то преник, зажмурился, забылся!

Привык Крамолу только разводите!

К чему приставлен, от чего укрылся?

Долби, долби же, так тому и быть.

Не то они нас сбросят со Скалы.

ПРОМЕТЕЙ. Орлу не страшно, у него есть крылья.

СТРАЖА. А ты молчи! и цепью не звени!

ЖИЗНЬ. Пока я тут не бойся и не трать усилия,

О наш богоподобный Прометей!

Орел принимается еще сильнее долбить печень герою. Демоны ада и Ангелы рая начинают кружиться вокруг Жизни, над головой Прометея.

ХОР ДЕМОНОВ. Мы Солнце все закроем от тебя,

До нитки всех разденем донага!

Раскроем печень, возбудим себя,

В ночной беде утопим берега.

Ты не исчезнешь, будешь бесконечен,

Дух дерзкий, поднимайся на богов!

Орел не умертвит титану печень,

Подземная стихия не сожжет,

Но крепко напугает Прометея.

Забыла снять сандали Доротея,

Закреть глаза,
Чтобы не видеть змея;
Скользнув в туманы
Утреннего солнца,
Вся растворится в утре даль твоя.

ПРОМЕТЕЙ. Стенать стенаю, но герой не ваш.

Вы – Демоны? Вам к Демонам и надо.

ХОР АНГЕЛОВ. Уймись, падите в ущелье!

С высокой Кавказской Скалы!
С двуглавой вершины, откуда,
Напротив которой, с весельем
Высокое солнце глядит.
На этой вершине, где мы,
Где ты на Скале, Прометей,
Мы Солнце встречаем во тьме,
Не радуя Жизнь и людей.
Сандали, скользнувшие с пятки,
Мы, Ангелы, все же найдем
В ущелье бездонном, где мраки
Дерутся на дне, как собаки,
Цепные, земные собаки,
Все гавкаем мы на людей!
Не плачь по судьбе, Прометей!
Мы отпрыски всяких идей
И – все мы тобою дивимся
И очень тобою гордимся!

Стража начинает прогонять духов Ангелов и Демонов, тыкать пиками в тело Жизни и Прометей. Жизнь исчезает, Прометей терпящий опять остается наедине с Орлом терзающим. Однако Солнце уж встало и слепит глаза, сияя тут в вечных снегах.

ПРОМЕТЕЙ. Гляжу на мир бессонными очами

С таких бесплодных каменных высот.

Три тыщи лет уж за него молюсь,

Железной цепью тут прикован.
Ослабь усердые, дорогой Орел!
Уходит Стража, Зевс тебя не видит.
Немного можно дать передохнуть,
Себе дать поразмыслить
Как и в ком собраться,
Чтоб в космос дух полетный устремить.
Кто даст Свободу, тени той навроде -
Ему, титану, Богу самому?
Однако, Солнце, я и так свободен!
Свободен по рождению моему!
Три тыщи лет как был рожден свободным
В другом народе и в других местах.
Титаны, боги мы, и тут мы боги,
И там всегда герои при царях.
Но Зевс, взобравшись на Олимп насильно
И олимпийцев рядом посадив,
Воображает, что он царь всеильный,
Сидящие пониже
В грехе погрязли
Из-за богатств и див.
Я тоже мстить способен,
Однако ведь не гибну оттого.
И, отказав мне в пытках на Ниобе,
На той скале, с какой видать Олимп,
Сюда Зевс переслал меня, к двуглавой
Вершине, на уступ Скалы.
Надеется, возможно, что уж тут я,
Среди снегов под этой вот Скалой,
Когда-нибудь умру как смертный.
Не думает, что с этой вот вершины
Я и Ниобу вижу, и его, Зевеса,
Где Аполлон и Артемида – его дети,

Убили у Ниобы всех детей,
Двенадцать всех предали
Губительной, жестокосердой Кере;
И вижу ту вершину, что напротив,
Откуда даль восточная видна,
Откуда Солнце ход с утра торопит,
Откуда Хайра – жуткая гора –
В душе воспоминанья образует.
Какие авестийские куски
Мне память тут и там соединяет
В мозаику тысячелетних эр.

Поворачиваясь к Орлу, все долбящему ему черную печень.

ПРОМЕТЕЙ. Ретив уж больно! А не понуждает

Никто тебя к жестокости такой.
И сам хорош! И такова природа.
А потому что в некотором роде
И сам ты царь; орлов когда-нибудь
Царями птиц в народах назовут
И в черный герб на белом фоне вставят.
Не пробуждай моих воспоминаний,
Полузабытых сфер не привлекай.
Вкусить дай Солнца, ласки и тепла,
Которые мне недра принесли,
Придя сюда из вечного покоя.
Тоску, отчаянье, презренье каждый миг
В космическую ночь в снах авестийских
Я ждал его – то Солнышко мое,
И вот оно скользнуло с той вершины,
За пику Стражи чуть не зацепясь.
Оно всегда для лунных недоступно,
Сияет, обнаженное, с небес.
И в боль, в тоску мне печень превращает.

Однако мне стонать и плакать не велит.
Как я терплю!
Все сердце разрывается в куски!
Они, тираны, думают, что сломят
Того, кого швырнут в свою темницу,
Но болью, как вот эта, превратить не могут
В таких, как я! Титанов – огнелюбцев!
Не в тьму и ад меня послал он,
А к Свету, а к Свободе
Меня он, на вершине приковав,
Еще свободней сделал!

СТРАЖНИК (*издалека*). Все слышу! Все скажу царю!

ПРОМЕТЕЙ. О мое Солнце! Слышишь ли меня?

Гляди, как бьется в муках твое чадо,
Какую часть тебя всего Огонь
Я дал народам, людям на Земле,
И научил их пользоваться им.
Теперь страдаю, пребываю в горе,
О мое Солнце! Нас возьми назад.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Все та же Скала, все те же. Орел продолжает долбить печень Прометею. Со дна ущелья слышится приглушенный голос Жизни. Появляется Поэт.

ТЕНЬ ЖИЗНИ. Не бойся ничего,

Пока я тут с тобой.

Не верь им, не проси у них, не бойся.

Иль сами все дадут, или откажут.

ЭХО УЩЕЛЬЯ. Жут-жут... жуть-жуть...

ПРОМЕТЕЙ. Я жути не боюсь.

Себе я что прошу?

Прошу лишь Слово людям говорить,

На забирать последнее у бога.

ЭХО УЩЕЛЬЯ. Убога... бога ... бога...

ПРОМЕТЕЯ. Моя Скала убога? Но она

Дает мне право видеть и внимать,
И многое отсюда понимать,
Что скрыто там, на самом дне ущелья.
Одна там Мгла – пространства никакие
И тьма другая – света ностальгия,
Поскольку свет, летя от Солнца,
Не сразу к нам доходит, до Земли,
То это также и тоска по времени,
Она неотвратима, убить готова,
Когда проходит мимо сердца моего
Асфодилонским лугом, чтоб парить
Под облаками, в волнах света,
Фигурой женской в мысль Поэта.
Мне тут сидеть – ничто не вечно,
Знаю это, не вечность там,
Откуда князь и сам я, сам.
Где путь наш бесконечный, беспримерный,
Начатый Солнцем, разогнался светом,
Сквозь все пройдя, все превзойдя; пустым
Я вижу Белый Остров в изначале,
Любовь в истоках поселяет страх.
Мы тут привыкли к войнам и печали,
Отвыкли от улыбки, смех зачах.
Когда и где все это совершилось
И почему разгонами частиц -
Война и мир к войне лишь повернулось,
А мир пропал, упал куда-то ниц.
Я вижу Время в тех его пределах.
И гору Хайру. Шли тогда на юг,
Когда цепной дорогой, вниз спускаясь,
Переменило полюса Земли.
А может, Солнце отказало в ласке,

Чтоб Белый Остров заковать во льды?
Мы райские неся в себе печали,
Остановясь на Разуме Земли,
Паслись, ходя по травам в изначале,
По травянистым запахам, пыли.
Мой добрый конь там проходил в Огонь
В день по двенадцать километров.
Ходи, ходи, мой добрый конь,
Неси в себе следы погонь,
Пространство, раздуваемое ветром,
Священный веер по двенадцать километров.
Ходи, ходи мой добрый конь,
Наш трепет, наш священный, наш чудесный, -
Иди вслед Солнцу! В райские места,
Где в устьях рек, в раю живут герои,
Царями и нуждою, наконец,
Оставленные в неге и покое.
И я там был, наверно; помню смутно,
Как я в седле за матерью сидел,
Обняв колчан, весь в страхе поминутно,
Схватясь за перья материнских стрел.
И там я был, дитя, но не такое,
Что облепляли с мухами казан.
Я был иным! Смотрел на эту гору
И видел в ней жестокость, миф Земли,
Сквозь землю видел руды и металлы,
Места, такие возвещал отцам.
Они сидели, корчась у костра,
Конину ели, пили свой кумыс
И говорили всякие слова,
Поглядывая на ночные звезды:
«Конину мы едим, а не коров,
Которые священны тут у нас.

Вон звездный путь – молочный знак, коровий.
А где едят свиней, где горных коз,
Бог создал так, чтобы не перепутать,
Чтоб каждому хватало своего,
Еды чужих племен не отнимая.
Уже тогда я зрил через века
И знал слова, каких никто не ведал.
Сидел один, со всеми не обедал,
Посмеиваясь там, у костерка.
Когда детей рожали Степь и Солнце
Поболе, чем всей этой саранчи,
Отцы, dospорясь до икоты, хрипотцы,
Копали землю, плавил металл,
Чтоб выковать затем мечи и копья,
С железом наконечники для стрел.
И мчались степью, сея страх и ужас,
Вслед Солнцу уходящему в закаты,
Разогнанные синхрофазотроном;
И волнам я предсказывал не смерть,
А за Любовь, за прежнее стоял,
Бессмертием людей беспокоясь.
Спасителем меня всяк называл,
Те, что творили прежнее, свое.
Потом, переборов себя, в провал
Бросались в норы, вырытые тут же.
И снова разум в мире воцарялся. -
Когда ж опять являлась саранча,
Отцы ко мне колена преклоняли.
Спасало Солнце, так же и губило,
Любимым и бессмертным новый облик –
Воинственный, жестокий – придавая.
А я Любовь вещал про Белый Остров,
Напоминая Счастье из того,

Что помню и откуда изгнан был царями,
Где Солнце за меня поныне!
Пришел сюда другим уж человеком,
Но принялся за старое опять,
Свое вещать.
Все это было или мне приснилось?
Скажи, Орел, где был я рожден, -
В Пелопоннесе, Крите, на Олимпе?
И сам не знаю, и сказать не могут.
Как бог, так каждый виснет на тебе,
А как низвергнут, то уже никто.
«Никто, Никто!» – так скажет Одиссей,
Любимое словцо царя Итаки.

ОРЕЛ (*отрываясь от своего дела*)

Ты что-то не к тому взываешь,
Хлеб у провидца отбиваешь?
Навроде зрячий, а как бы слепой
Тиресий, видящий в веках,
Вперед, назад – во времена свободен.

ПРОМЕТЕЙ. А ты молчи! Долбишь ну и долби,
Сидеть на печени ума не много надо.

ОРЕЛ. Скрипуч твой голос. Все века скрипишь
Одно и то же! На Скале лежишь
В цепях своих, в отребьях, при ярком Солнце.
Смерзайся одиноко в вечных льдах,
Хоть клювом дай тебя я развлеку,
Хоть подолблю рассохшуюся плоть.

ПРОМЕТЕЙ. Мне в праздник одиночество мое.
Я столько там с богами навращался
И так о лжи наслышан при дворе,
Что хоть передохну в основах Жизни.
И в прошлое немного посмотрю,
И будущее в снах поощаю.

Прибавлю в силе. Темперамент дерзкий -
В руках моих сквозь клубы беспредела,
Весь мир – в воображении моем.
А сколько героизма, мой Орел;
Уж кровь стара, уже едва течет,
Уж не поток, а ручеечек бледный,
А тело молодое, как вчера.
Сюда пришел притопал к вам, явился,
Как только что родился.
Все пользой измеряешь, сном желаний,
Вот кровь, голубоглазая, стареет.
Чем дальше путь, тем больше оправданий,
Тем меньше правды, ветер щеки бреет.
Как на утес взобрался ты ко мне,
Чтоб мир наш обозреть, все горы облететь.
А если бы наоборот все было,
Долбил бы я, а ты бы тут лежал,
На этом месте.
Ведь ты бы нас за это презирал.
Взглянул бы на тебя,
Как ты запел бы,
Когда бы тело у тебя вот так терзали.
А ну взлети, а ну изобрази
Себя на этом фоне белоснежном!
Почувствуй ток серебряный в крови.
Толчки у сердца резче все, свободней,
Зачем рождаться гадом, а ангелом,
Парителем небесным, называться?
К чему, крылатый, ты богами призван?
А как прижался клювом, словно бес,
Вот присосался к тризне.

ОРЕЛ. Молчи, змеиные уста

Прикрой, дурак! Когда б они молчали,

Ты б не лежал, отвергнутый, в печали,
Мне волю Зевсы дали неспроста
Тут исполнять, тебя – свое познать,
Царем разутый.

ПРОМЕТЕЙ. Развешали цари свои портреты
По городам и весям, по жилищам.
Не мертвых, чтобы помнили и знали,
А их царей как светочей тиранства
Осознавали.
Не боги ведь и даже не святые –
Цари земные,
А как в народе поселяют страх!
На всякий случай, каждый
Повесил у себя портрет бумажный,
Тем от властей формально откупясь,
На то она и Власть,
Чтобы, как князь в аду подземном жарясь,
Тем самым отличаясь от бессмертных,
Которые ни мяса не едят себе подобных,
Ни тканей не прядут. Сидят решительно, к примеру,
В тебе, ничтожном, маленьком и подлом,
Стремятся на йоту приподнять надежду, веру.
Спасают мир не только Красотой,
Терпением, любовью несравненной,
Свободой обретенной иль врожденной,
Которую, смертям наперекор,
Титаны омывают своей кровью
Тем, что портреты вешает не их,
В груди которых зажигает Солнце
Безмерные, прекрасные лучи.
С времен Авесты знаю свое место.
И как титан героев не долблю.
Они мне братья по борьбе, по духу,

Хотя по крови, может, не родня.
Вон сколько по земле людей, речений,
Не понимающих друг друга, чтоб творить,
Сотворено той Вавилонской башней,
Когда дерзнули Небо покорить.
Они всегда найдутся, Прометеи,
Во всех веках, на всех материках,
Картиной мира, трепетом Вандеи
Виденья пред собой держу в руках.
И вижу я орлов с материков –
Не жалких, на крови возросших,
А, как и я, - героев всех веков,
Орлов летящих, безраздельных, мощных,
Спасаящих от смерти, от оков
В своей красе безмерной,
А не таких вот жалких, тощих –
Прислужников неверных.

Показывает на Орла, сидящего рядом.

Опутали все магией портретов,
Засунули в багеты имена,
Алхимией скрывая то и это
В тенетах лунных, в очертаньях звезд.
Спасайся, первородное, живое,
От демонов, от покушений грез!

ПОЭТ. Я долго шел, уж силы иссякают.

На полпути к тебе я, Прометей!
Меня орлы к Скале не пропускают
На высоту, где ты один на ней.
Уж на Скале едва не бросил в пропасть
Вот он, тебя терзающий злодей!
Меня объяла ночь, сковала робость
От высоты – кормилицы идей.
Все знает тот, кто видит целый мир,

Воспринят им, парит над всей планетой.
Вот всколыхнул стареющий эфир
Обманщик – хиромант, палач поэтов:
- Не клюй, Орел, зачем тебе оно?
Свободу слов спасителю, герою?
Свободы снов над бездной голубою
Неси из недр на вечные вершины!
Готов на все, хоть и рожден я смертным,
Один иду на сонмище смертей,
Чтобы поднять, увлечь на бой инертных!

ПРОМЕТЕЙ. Мой друг! Мой брат!

Как ты попал сюда?
Передохни после шипов дороги,
Сандали, что поставлены тебе,
Скользнули вниз, как по утесу ноги.
Тут жить нельзя, тут люди погибают
Под мраком, под эгидою Орла.
Тут память в камень накрепко вмерзает.
Ни слова, лишь портреты - тени зла.
Но тени из минувшего витают,
Готов идти за ними хоть куда.
Тут нет пустот, тут пик вершины.
А там, под нами, - веси, города,
Лелеют Зевса адские машины,
Машины времени – оттуда и сюда.
Я голос свой с твоим соединю,
Чтобы туда, к убитым и живым,
Дошли слова мои во след Огню.
Мы не сгорим, в Огне мы не сгораем.
Мы, боги, Слово вещее творим,
А кажется иным, что мы пылаем,
От наших тел исходит чад и дым.
Скажи там все,

Пусть знают всюду люди,
Что на Скале страдают и за них.
Не смертные они, но им бессмертье будет!
Покамест существует клан живых.

ПОЭТ. Я не вернусь уж лучше, тут умру
Пусть вмерзнет тело в вековые мраки.
Во льдах жестоких вырою дыру,
Прилягу рядом и прикрою зраки.

ПРОМЕТЕЙ. Нет, ты уйдешь! Такие там нужны,
Коровьим рогом в лес чтоб проколоться,
Не сгинуть там в объятьях Сатаны,
На плахе пополам не расколется!
Иди, Поэт! Иди и проповедуй!
Всевышнего за всех людей моли.
Иди, иди, бесовского отведаль,
От имени его и говори.
О лицемерье тайном за тираном,
Пройдись по его дебрям и обманам.

ПОЭТ. Нет, я вернусь! Мы прилетим с Икаром,
Чтобы тебя, мой друг, освободить.
Сбить цепи, крови не проливаться даром.

ПРОМЕТЕЙ. Напрасно сил не трать, поберегись, идея!
Свободен я! Рожден свободным я!
Влила мне яду под язык змея,
И вот теперь змеиные уста
Опережают шаг мой, каждый миг.
Все что пою я – с чистого листа,
Что говорю - лечу, лечу, паря.
А что подумал, то сказал не зря.

Показывает на орла.

Вот тут кто делает царей.
А так, в системе мер, поставят ноль, овал,
Чтобы Орел ягненочка задрал.

ОРЕЛ. Скажу, скажу про разговор Зевесу,
    Про ваш союз небесного с земным,
    С бессмертным смертного живые интересы.
    Поторопись, не то закроют бесы
    Пространство лета к ледникам твоим.

ПРОМЕТЕЙ (*Поэту*). Лети скорей к своим друзьям Икарам.
    Спускаться легче по камням,
    Чем на утесы доверху взбираться,
    Сюда по ледящим по тропам.

ПОЭТ (*уходя Прометею*). Я все-таки вернусь к тебе с Икаром.
    Забрать к себе, освободить готов –
    Из царства глада, хлада, вечных льдов,
    Сопrotивляясь милостям их яро.

Поэт исчезает.

ПРОМЕТЕЙ. Ушел Поэт к своим земным пределам,
    У ссыльного на небе побывав.
    Овидий знал, что Рим не станет белым,
    Под покрывалом звездным, синим став.
    Что понял он – Поэт, ушедший к смертным,
    Свою судьбу связав с судьбой моей?
    Что ни скажи, а все таким инертным
    Воздаст Зевес освобожденьем дней.
    А я скажу, так ночи мне продлятся,
    Покрепче руки закует Орел.
    Однако перемены состоятся,
    Я в них себя союзников обрел.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Там же. Прометей и Орел. В стороне над мраком ущелья танцующие Демоны и поющие Ангелы.

ПРОМЕТЕЙ. То Ангелы бьют до крови меня,
    То бесы мою душу истязают,
    Притискиваясь чуткостью объятий.

Дай мне отвлечься под призренья клана,
Сбежать от мыслей, всяческих недугов.
Тут много Неба, мало Океана,
Торчат вершины вместо берегов.
Все девы – демоницы, львы и львицы -
Не заменяют мне Океанид.
Зевс знал, куда герою обратиться,
Что передать раздумьям их ланит
По Талии, Аглае, Персефоне,
По всем античным весям, городам.
Где все они, где Океаны в стане?
Где те вершины, очертанья гор -
Слагают тело, торжество гармоний?
Лежит вверх ликом богатырь – укор,
С раскрытым ртом, но слов не произносит.
Океан, брат Крониона! Встань!
И сделай знак, и сердце словом рань!

Богатырь делает движение, чтобы встать, изо рта его пыхает струйка дыма, возникает Огонь. Красный глаз, вращаясь, останавливается на Прометее.

ПРОМЕТЕЙ. Ты кто такой – огромный и опасный?

БОГАТЫРЬ. Я? Я – Вулкан. Однако сплю и сплю,

Давно не просыпался.

Проснусь – узнаешь, лучше не буди.

ПРОМЕТЕЙ. Все спит в горах, кроме лавин и снега,

Да вот проснувшийся Вулкан.

ВУЛКАН. Сказал тебе, не доставай до берега!

Я тоже Океан, но не такой, прости,

Я огненный, киплю подземной лавой,

Могу живое все тут извести.

ПРОМЕТЕЙ. Да спи ты, спи! Зачем кичиться?

И мы – Огонь, коль дно нам поскрести.

ПРОМЕТЕЙ (*поворачиваясь лицом в другую сторону*)

Вот тебе раз! Так сразу и отвлекся.
Все демоны, все сны – богатыри.
Полвека на утесе протолокся,
Я и не знал, что под тобой горит.
Какая мразь тревожит горе - души!
Фантазия какая, жжет себя!
Вонутрь уйдешь - лежи и видь, и слушай,
Глядь, полчища слетают на тебя.
Кто их послал – подземные тумены,
Лихие кочевые племена?
Волна к волне на города и стены,
Сжигающие око пламена?
И что ни есть, тебя тут рвет и метит,
И душу разрывает тьма и жизнь,
Все беспределы, злы, осатанелы,
Все черным обволакивают суть,
Все эти демоны, и кто их насыляет?
То Керы бесноватые из ада,
Их волосы, как змеи у Горгоны –
Клубятся, словно псы на голове.
А то из живота повылезали горы,
Вернутся ль под сияние Эллады,
К родным, остролежащим берегам?
Но цепи держат, цепи не пускают,
А с ними дух мой держат заодно.
Летит стрела, струю перебивает,
О воздух опираясь, как Икар,
Она летит отмстить Зевесу,
Всего его колоссам,
Какими вверг себя в тоску свою.
Тут каждый день казался больше года,
Тройную ярость в глубине копя.
Из ран моих стекает кровь потоком,

Зевесу красит царские венцы.
Когда-нибудь взойду я на Олимп
И наслажусь желанием узнать,
Когда же этот Зевс, что к нам прилип,
Моей кровью жаркой захлебнется?
Я мстить хочу, нет слов, любой ценой!
Земля пусть и под богом содрогнется,
Его поглотит, я того хочу!
А все ж те демоны,
Что тут вчера клубились,
В меня вселясь, переменялись, князь.
О черный князь! Опять в меня вселясь,
В топтал ты в грязь
Все мысли, что забылись, -
О свете, Солнце, мире и Огне.
Я в стороне тогда,
При Власти, в центре был,
Теперь в том центре Демоны кипят.
Чернее тени, тучи все грудастей,
Накроют тучи сны в Элладе,
Когда они, набрасываясь с неба,
Мне, как собаки, злобствующее, алчно
Больное сердце, скорбное, грызут.
Зубовным скрежетом желанья воли, хлеба,
Тоска от тех собак
Вошла в меня и гложет,
Все заменяя, в том числе Любовь.
Все черное всю ночь меня тревожит,
Коней тревожит и терзает вновь,
Мне попадая уж не в глаз, а в бровь.
И все сказать в присутствии Огня,
И нечего сказать про то навроде.
Двойник мой-то, что, отделя меня

От тела, одиноко где-то бродит,
Не я, а он уж скорбен за меня.
А я страдаю, я свое терплю
И все надеюсь на призыв Огня
Ответить тем, зачем душой кривлю.
А все во мне огни перемежают –
Те мраки, что исходят от собаки,
Которая уж где-то между звезд
Себе сыскала место, пьянство, мозг,
А я хмелею от собачьих брызг,
Летящих с тучи в качестве дождя.
И так всегда. Немного погода,
Опять же дождь,
Опять тот черный князь,
Все тот же клон ко мне клонится,
Скорбно – веселясь,
Собакой мчится
В лед и грязь.
О, Прометей! Ну продержись
Хотя бы эту ночь!
Гляди на звезды, сочетанья строй, -
Такие бденья, сны, такие грезы,
И как мы в наших буднях еще живы!
Как настрадались мы.
И как не рады,
Что истины на самом дне остались;
Уж сидя на восходе Солнца, в бронзе вежд,
Сияй, мой дух! Славь Прометей, Поэта!
В тебе вокруг надежд апофеозы света!
Пусть он подавится, злодей,
Зевес тот где-то в середине лета,
Не ненавидь, не лезь к его двору,
На троне его святой не посягая,

Зачем тебе цари, их шлейф, фавор?
К чему тебе сама идея рая?
Все у тебя и божье, и свое
Внутри тебя, бессмертной душу сделав.
Слабеть начнешь, когда его сочтешь
Своим, а значит, уж не белым,
А черным, черным, черным станешь сам.
Слабеешь в ненависти той,
Уже не сделаешь восстаний
Против себя; не выдержит оплот
Тебя в себе, другого где-то рядом.
На двойников своих лишь и надеясь,
Какие от того и не белее,
Что звезды смутные крадут,
Семья на место их кладут,
Все искажая, даже змея, -
Всю бесовскую карту неба,
Чтоб не блудить во тьме кромешной,
Бредя периферией здешней.
А там – по Млечному пути –
Их ты не жди, корову в поводу веди,
А лучше позади иди, вслед за коровой,
А еще лучше... с ней вдвоем...
Я жду...
Уж звезды путают сознание,
Я говорю уже не то,
Что строит космос, мирозданье
Уже сейчас, а не потом,
Что все приемлет и объемлет,
Живейший из гармоний сфер,
В них состоя, неся их бремя
Своей системой слов и мер...
Вошел в сознание назад,

Вернулся в то же мирозданье,
Где был вчера, все вечера, все ночи, -
Когда ж закончим строить зданье?
В ночь мчится Зевсова комета,
В героя целясь всякий раз,
Он сам герой, он даже бог,
Он даже царь богов. Герои
Нужны такие злу, тиранам,
Во вкус вошедшим,
Что так бледны, хитры, коварны.
Тут на устах у них – одно,
А в тайне на уме другое:
Как уничтожить свой народ,
Чтоб новый мир, людей послушных,
Как тень машины, насадить?
Такие им нужны герои –
Чтоб думали о чем-нибудь своем.
Пошел в наем – забудь, что вы вдвоем,
Он – все, а ты при нем.
И значит, не Поэт уже. О боги!
Опять иду, но не туда,
Опять сознание затмило –
Все эти ритмы, рифмы. Было,
Все было, раньше, до тебя.
Не тщись! Твой Разум заступило
И в подсознание завело,
И, где поэзия, – забыло.
Пропало все в экспериментах,
В коммуникации момента.
Остались только так, фрагменты,
Слов первородных элементы,
Но все пройдет, Поэт вернется
К тому, кто дал ему Огонь.

Что ж Прометею остается?
Тут, на Скале, являть пример
Всему тому, где подсознание там же,
Где предсознание, в той норе,
В любой дыре.
Да пусть себе они хлопочут,
Пусть пирожки свои пекут.
Как ты отвык, о Прометей!
От дел домашних всяких. Впрочем,
Тут на Скале знай свой удел
В цепях звенящих, в мертвой тишине,
В ночи кромешной, в царствах льда.
Про «пирожки» сказал я зло –
Куда титана завело!
То и спасает, то спасло
От черных дум, от черных дней,
Что черный князь в ночных одеждах,
Так изуверился в надеждах,
Всего тебя перевернул.
Но нет, я все же тут остался,
В миры иные не слетел.
Цепь удержала на Скале,
А вслед за этой грозной цепью
Встал этот маленький цветок
В своем живом великолепии.
Вот он какоичко-какой,
Трепещет - тихий, белый, белый,
Какой-то славный, оробелый,
Боится, что еще живой,
А ведь цветет! Цветет во льдах!
Себе на страх, на радость взгляду!
А ведь никем не видим, глазу
Не на показ во льдах расцвел!

Вот и рассвет, скончалась ночь.
Венец мучений, потрясений
И всяких мраков, нервных вежд
И демонических надежд.
О Прометей! Ты прозорлив,
Ты знал, что день - предмет растущий,
Да вот и Солнце уж в зените!

ПРОМЕТЕЙ (*звения цепью*). Теперь жара. Все нам нехорошо.

То лед, то полымя.
Все мысли о далеком -
Как мясо с середины казана,
Кладу себе отдельно, помнишь ли?
И тени Заратустровы тогда
К тебе отдельно в будущем являлись.
Вот и сейчас в тебе, о Прометей,
Сошлось все вместе, в общий признак,
Чего молчишь, другой Спаситель мира?

ПРИЗРАК ЗАРАТУСТРЫ. Жду третьего.

Уж он-то доведет...

ПРОМЕТЕЙ. Что, до бессмертья человека -

С конца в начало?

ПРИЗРАК ЗАРАТУСТРЫ. Спасение души есть возвращенье.

Призрак растворяется.

ПРОМЕТЕЙ. Исчез и этот, как исчез и тот,

Как все мы исчезаем в неизвестном.
В Пространстве - днем, все Времена - познал,
Лишь только я - то явно, то невнятно
Порой услышу эти голоса,
Немного отросевшие под утро,
Те, в общем, уши, звуки, лица
Нас снова возвращают в эту ночь,
Чтоб промежутки, где-то в сферах жутких,
Как Белый Остров все прояснит в нимбах.

И люди – небожители, святые –
Бессменной неживою чередой
Пред взором моим трепетным проходят.
Одни снега, одна зима кругом,
А те глаза – из огненного лета.
Мой Эдельвейс! Цветок мой! Ты откуда?
Зачем ты тут возник весь из льда?
Кто дал тебе живительные силы,
Расти среди снегов во всем всегда?
Да ты, Скала, и ночью, словно дом,
Мне, в кровь истерзанному днем.

СКАЛА. Мне жаль тебя,

Твоих стенаний, воплей!
Надежду захотелось дать тебе,
Чуть радости земной, о Прометей!
Дай поддержать тебя, герой,
Чудовищно страдающий за всех.

ПРОМЕТЕЙ. И ты жива? И ты, Скала, бессмертна!

В тебя вселен беспрецедентный дух.
Как человек, живой и неинертный,
По праву входишь в Прометеев круг.
Теперь и ты жди злобы от Зевеса.
Уж он-то знает, чем моих друзей
Пронять за связь со мной.
Сама от беса
Что-нибудь получишь.
Чего хорошего ждать от таких князей,
Земных царей, властителей народных,
Стремящихся к великим сонмам Зла?

СКАЛА. Перемени свой тон, переменись!

Настройся на Цветы, Любовь и Жизнь!
А то ведь не дотянешь до бессмертья,
Уж я-то знаю, мне, Скале, поверьте.

Стою тут я с неведомо когда.
Пока обходят страхи, беды,
Страх где-то рядом по дороге к смерти.

ПРОМЕТЕЙ. Не каркай, как ворона на кимвале.

То были те цари, еще грядут.
Иные на скале уж побывали,
Иные вслед за ними попадут.

Поворачиваясь в другую сторону – лицом к Элладе.

Сказал Поэт, что на Скалу вернется,
По воздуху с Икаром прилетит,
Как сердце мое раненое бьется!
Тоскуя по морям, по тьме эгид.
Вон Демоны вотрутся и смеются,
Танцуют, заменив Океанид.
То белое, то синее к лицу им,
Хор из Аида вопиет, вопит.
В одеждах черных, пламень плазм подземных,
Сжигающий безмерное до тла.
И все перипетий порог гаремный,
И все ему интимные дела.

ХОР ДЕМОНОВ. Приблизься к нам

И выбери любую,
Любая за тобою прямо в ад.
И денно-ночно в сферу голубую
Скользнули б за сандалиями в сад.
Молчите вы, безумней черной тучи,
Собаки, гавкайте, кричите!
Клубком, до кучи!

ПРОМЕТЕЙ (*отмахиваясь от них*). Уйдите, сгиньте, пропадите!

Вы пророки, вы пороки, волки,
Свою тут пакость сами разводите
Иль сядьте, как сидели, молча!

Появляется хор Ангелов (с белым цветком)

Мы вышли не из тьмы души,
Мы долго в небе шарили с Огнем,
Своих искали белым днем.
Один искурил две меры анаши,
Другой – осушил водоем.
Солнцеликие девы косу растелили
И обвили косицею лес.
Слышим тихий голос Земли,
Видим белый на льду Эдельвейс.

ПРОМЕТЕЙ (*устало*). И зачем вы сорвали цветок Эдельвейс?

Это мой! Я на нем почивал!
Хоть и Ангелы вы, а попутал вас бес.
Демон злой, не гляди в их овал,
Тот овал их присвоил себе Сатана.
Он проснулся, а все тут дрожит!
Скоро вслед за Скалой задрожит и Земля,
Сонм живых побежит.
Меня ритмы, до небес, в небеса
Все обратно опять застремит.
Без игры от демонов как быть?
Дал я вам спасти мою Любовь,
Что же вы позорите меня,
Отделя мраки от Огня,
Полости ехидства придаете.
Прометей, за то себя виню,
Что не те цветы скользнули к дню.
Обращаясь к Скале.
А ты, Скала! А ты куда глядела!
Когда они сандалией своей
Цветок топтали в тьме заледенелой,
Превознося на чаше клубы змей.
Не то сказал, не те беру стрижали,
С утра без Солнца вызвончен и пьян,

Зачем вы Красоту у дня искали,
Мглу пробуждая, чуть живой Вулкан?

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Там же, те же. Небо делается огненно-красным. Скалу всю трясет, шатает. Это, проснулся Вулкан.

ПРОМЕТЕЙ (*прислушиваясь*). Неужто, богатырь, встаешь из гроба

Из-за того, что сорван Эдельвейс?
«Шумел камыш», деревья гнулись, чтобы
И там та песнь наделала чудес
Отсюда слышь их рокоты из сердца,
Лети по ночи каменной степи,
Скользит, змея, куда теперь нам деться?
Иерихон! Люби! Груби, труби!
Во страхе, ужасе предсмертном,
В предощущении межи,
Ползет змией любой инертный
К змее эпох и эре лжи.
Не спит Вулкан, такая сила!
Наверно, надо пропустить,
Чтоб все живое не скосило.

ВУЛКАН (*приоткрыв глаз ехидно*). А людям нравится бежать,

Адреналин в себе сжигать.
И восстаем мы, жизнь ругая,
Анклав отходами сминая,
Моя элита дорогая.

ВУЛКАН. Не те слова ты говоришь,

Откуда мне такое знать?
Я туповат, Вулкан я, бишь,
Вот научились все болтать!

ПРОМЕТЕЙ. Скалу не тронь! Здесь я лежу,

К камням не цепью прислоненный,

А злобой, злом по рубежу.
Включая, качай, венчай
Нас всех тут магмой электронной,
Категоричностью зловонной.
Дай отойду от всяких дел,
В себя переключусь,
Все потерял я, что нашел,
В миры иные мчусь.
Но сам собой ушел в себя,
Заметим, на Скале.
Им хорошо там, что тебе
Тут плохо на Земле.
Еще немного потрясет.
Вулкан рыжебородый,
Вот и закончится народ
В погоне за свободой.
И кто тебя послал с небес
Сам Сатана, сам бес?
Подговорить, на бунт подбить
Всех, чтобы погубить?
Сказал о том Зевес.
Ну, что ж, копай, Вулкан, качай
В ночи, с утра, в обед, -
Подольше, сверху не кончай,
Я потерплю, еще посплю,
Не спал уж сотни лет.
Я потерплю, я в поте лет
Сосну еще, сосед.

*Прилетает Поэт с Икаром, опускаются на Скалу, не решаясь будить
спящего Прометея.*

ПОЭТ. Посадку совершили несвободно,
Едва под Солнцем нас не растопило.
И вот мы тут, летать пока не модно,

Мы первые в кольце твоём, ветрило!
Икар – мой друг! А Прометей мне – свет!
Вон растянулся на Скале – вздыхает, дед!

ИКАР. Пусть отдыхает. Натерпелся бед –
За все свои три тыщи лет.
Глядя в сторону Вулкана (обеспокоясь).
Как полыхает!
Пускай взорвется, я люблю эффекты!
Пусть в небо камни жутко полетят,
Польется магма вниз, а то ведь редко
Вулканы в душу огненно глядят.

ИКАР. Буди его. Скажи все и назад!
Пока Вулкан Скалу не проглотил.

ПОЭТ. Хочу побыть. Чтобы увидеть,
Как тут Вулкан нас жжет из тьмы
И как начнет тут изливаться.
А где Орел? Куда девался?
Со страху, что ль, в долину улетел?
К Зевесу с восточкой помчался,
Что, мол, Вулкан не отошел от дел,
Проснулся.

ИКАР (*показывая на Прометей*). Но спит титан, Орел его намучил,
Вулкан не может разбудить.

ПОЭТ. Молчи, молчи! Ты мне наскучил.
Проснется сам и станет лить.

ПРОМЕТЕЙ (*потягиваясь со звоном цепей*).
Я долго спал? Лет, может, триста?
Ты кто?

Замечая Икара.

Орел я, да не тот.
Вон крылья.
Присел вот. Амфору вина тебе принес.

ПРОМЕТЕЙ. И что?

А где Поэт?

Замечает Поэта (показывая на Икара).

С ним прилетел?

ИКАР. Спасти тебя хотим,

Мы за тобой.

ПРОМЕТЕЙ. Спасайтесь сами! *(показывая на Вулкана).*

Зловеща Красота,

Смотреть нельзя без слез.

Наверно, страшновато с нами, стресс.

ИКАР *(Поэту)*. Скорей давайте возвращаться.

ПОЭТ. А я хочу остаться!

ПРОМЕТЕЙ. Устроил это все Зевес,

Что ему люди?

Меня казнит от имени небес,

И я останусь! Чтоб смирить Вулкана.

Не так уж мы вражду тут развели.

Огонь мой – поднебесный, моя рана,

Его Огонь – подземный, из Земли,

Глядите, не сгорите над Вулканом,

Столб черный вон куда поднялся.

Летите вы! Скорее улетайте!

А мы пока бессмертны,

Титаны мы тут со Скалой,

Не взять нас и Вулкану.

ПОЭТ *(улетая)*. Летим, летим! К тебе еще вернемся!

ИКАР. Да, да, вернемся!

ПРОМЕТЕЙ. А мы тут остаемся,

Чтоб волю Зевса выполнять!

Оставаясь один.

И нет Орла, и Стража разбежалась.

Нет Власти, уж безвластие одно.

А кажется, всего такая малость:

Вулкан уснул, Власть пошла на дно.

Сбежала Власть! Бегут всегда пораньше
Всех остальных, когда идет война.
Как ключ на дно, куда-то канет,
И нет уж ни ключа, ни дна.
Устроил это все как будто Каин,
Фактически – Зевес, его вина,
Что ему люди, море, лес?
Казнить от имени небес
Меня, Вулкана, уж полез.
И я тут, может быть, останусь.
Смотри сюда, титан Вулкан!
Не так враждебен уже нам
Сосед соседу, боже!
Одна тоска! Опять всего смутило.
Вот душу обложило, повело.
Что вспоминать, что тут с титаном было!
И до чего его разобрало.
Взломав пред Солнцем, закрываю имя,
Дворец Зевеса сонмом черных туч.
Вулкан дымами, вздохами своими
Оплачет дней моих последний луч.
Взорвись, Вулкан! Поярься, поглаголь!
Опять тебе, молчавшему, не спится?
Тебя на цепь до цепью в рану, в боль,
Хоть царь, а чертом в небо, что ль!
Какие лица!

И тут ветры подули на Скалу Прометей и погнали сюда со всех сторон своих черных собак. Тучи с Вулкана вместе с градом камней и пепла ринулись на Прометей.

ПРОМЕТЕЙ (закрываясь ладонями). Сказал не то! И стало еще хуже.

Забыл, что бездны – от Гефеста,
А ведь Гефест – слуга царя Зевеса.
Все, что внутри, теперь наружи.

Покорный судьбе ложится, свернувшись калачиком, на самом гребне Скалы.

Пауза. Ветры и голоса. Голос Зевса – голос Вулкана. Голос Первого мистика, голос Второго мистика. Прометей приподнимает голову, камнем бьет его по щеке.

ПРОМЕТЕЙ. Эгей, Вулкан! Подальше от краю!

Я все же бог, хоть не из тех, а злюсь.
Чины себе у них не выбиваю,
Кем был до Зевса, тем и остаюсь.
Вот на Скале свой срок и отбываю,
А срок бессмертен так же, как и я.
Ну я молчу... молчу... воспоминаю...
Разбита в кровь головушка моя.
Все! Ухожу в свой мир, в миры иные,
Чтобы вулканам тут не докучать.
Пока они кобелятся, смурные,
Нам, Прометеем, можно помолчать.
Потом с лихвой свое мы наверстаем,
Поговорит еще – и стар, и млад.
Вон Керы полетели черной стаей -
Умерших души по дороге в ад.
Все сорвалось, все так и пролетает,
Уж не собаки – фурии одни.
Угрюм поток, и жалки, бледны стаи,
И ноги бледны, голова в тени.
Хотел закончить шифр на семью семь,
Но лавы потекла на всех, багровы.
Глаза на лоб, аж посинел совсем,
Зевес, Зевес! Ответится за кровь
Людей, что погибают от Огня,
Тебя кляня.
От алчности твоей могучей лавы

Таким уж не до славы.
А тут до пресыщения меня
Сживает лед, влезают в кость кристаллы.
Все тело может твердым оказаться,
Так замереть на многие века.
Как струнам арфы петь, не делать вид слегка
И серебру звучать издалека.
То ли волной несет Океанид,
То ль Океан сам тешится века.
Чтобы стереть внутри себя следы,
Боль истребляют Слово и крома,
Серебряны изгибы у беды,
Беда едва серебряна сама.
Перебирают скорби тьму скорбей.
Уж не гневлюсь, все затаил обиды,
Ответить в свое время не сумев.
Теперь уж что – стал стар и сам Зевес,
Болезней нахватал себе, забот.
И самого царя смущает бес,
И бьется сам, как рыба он об лед.
Держать народ и к лучшему вести,
Чего и сколько надо самому,
Иметь свое, чтоб до всего дойти,
Со всеми быть – остаться одному.
Пахнул Вулкан – такого натворит,
Ведь прохиндей, еще какой, повеса,
А делает пред всеми честный вид
И действует от имени Зевеса.
Хоть целый свет спали в ужасной топке,
Без крыши всех оставь над головой,
Плачь по тирану, мертвый, слабый, робкий!
Остаться б живу, был бы он живой.
За что же прославляется тиран?

В эпохе что-то недосовершилось,
Недоосмыслен, кажется, обман,
Скажи на милость!
Я мудрым стал, от хитростей устал.
Все судят про чужое по себе.
Хоть прозорлив, а жизнь не доверял судьбе,
Увижу ли в царе его кристалл?
Где проведу остаток своих дней?
Закрой, Вулкан, мои глаза и уши.
Скала моя! Орел, лети над ней.
Привык к раскатам, испытаньям, чуду,
Когда-нибудь устану тут лежать
И в мире зло совсем, совсем забуду.
Иным я буду чем-то промышлять,
Щадить в земле Зевесовы останки.
Но нет! Пока наш царь еще живет,
А я один тут на Скале у планки,
Не будь дурак, закрой подобным рот!
Ту некого ни славить, ни сиять,
Кроме Зевеса, Солнца, Света.
Слышал, Вулкан! Так понял ли меня?
Вернется Стража, птица к своей пище.
Сказал – на год, рассчитывай на тыщи.
Вот хорошо! Куда в мечтах забрел!
Из-за одежды, крова, хлеба, пищи,
Из-за плетей властителя - тирана.
Власть есть всегда когда кому алкать,
С небес на землю сыпалась бы манна.
О чем стенать!

Вулкан шевелит губами, всюю летят раскаленные камни, льется огненная лава.

ВУЛКАН. Подумай, прозорливец Прометей,
Что, если я еще чуть поднатужусь?

ПРОМЕТЕЙ. Заполнишь небо пеплом из камней,
Закроешь Солнце, чем покажешь дурость.

ВУЛКАН. Вот-вот, и что же?

ПРОМЕТЕЙ. О боже!

Да будет недород, неурожай!

А значит, мор, болезни, войны, голод.

ВУЛКАН. Теперь ты понял,

Кто правит волей –

Я или Зевс?

ПРОМЕТЕЙ. Он! правит миром и тобой.

Сказал же сам: ты глуп,

Как пень, плейбой.

Тебе бы спать все,

А как проснешься – в бой!

Все жечь – зачем кого беречь?

Одно и знаешь,

Миром правит Разум!

И, может быть, еще душа

В союзе с ним?

А надо бы и Совесть.

Но где их взять

Всем остальным, другим?

Не каждому дано

Иметь все это триединство.

Вот если бы имели,

Тиранов не было бы в мире

И рабов.

А то рабы подсовывают головы тиранам.

Служить готовы за кусок,

Который те, чтоб дать ему же,

От общего берут и отрывают.

Зачем Огонь я нес?

Зачем людей спасал?

Чтоб свет им дать?
А свет – совет и со – весть,
Веды – знанья, но зачем?
О Совести! Чтобы свое несли,
Как капитаны, мы на корабле,
Когда бы жили не за страх – за Совесть,
Вулканы б не взрывались на Земле!
Зевесы бы до края не вели,
И ты бы спал, могучий богатырь,
И черные б князья не посещали,
И эдельвейсы белые цвели
В ущельях с белокурой головой.
Серебряного пеня прикасаясь,
Одни бы арфы тут покой искали,
Другие содержали бы покой,
В гармонию со всеми сочетаясь.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Все там же, на Скале, напротив курящегося Вулкана.

ПРОМЕТЕЙ. Я, кажется, привык быть одному,
Как и к тому, чтобы Вулкан курился.
Даже к войне народы привыкают,
Ведут ее естественно, спокойно,
Акцентом силы смертных развратив.
Ни Стражи, ни Орла –
Как стал Вулкан куриться,
И подмывает цепь порвать, уйти,
Скалу покинуть, чтоб возненавидеть,
Всю эту цепь – сторонницу Зевеса.
Уйти, куда? Покинуть весь Кавказ!
В Элладу благодатную вернуться!
Как я устал от холода, от вас,
Снега, что вдруг превращены

Там, наверху, в жестокосердный град,
Который, сыпясь, остро ранит тело!
Я ненавижу все, чему воздал Огонь!
И это страшно, это глубже бездны –
Возненавидеть то, чему себя,
Родясь свободным, дух свой посвящал.
В рабов нас превращает несвобода!
А и к цепям приходит привыканье,
К печальной, бедной участи своей.
Нет, я не раб! Рабы не мы.
Мы – не рабы! Свободным я рожден!
Свободным должен жить, к свободе век стремиться!
Жизнь – это радость, Солнца благодать,
А Солнце бесконечно, мы бессмертны.
Вот отчего я цепи ненавижу, мать,
А должен все любить, за всех страдать, -
Врага, Скалу, Зевеса,
Чтоб силой Духа их преодолеть.
Бессмертны мы, как и бессмертен Дух.
Но отчего же все-таки покинуть мне хочется Скалу
И в дол спуститься к смертным и живым,
Пока нет Стражи, нет пока Орла.
Прислушиваясь.
Шаги ли слышу? Иль шуршанье крыл?
Поэт ли возвращается, Икар ли?
Сквозь пение серебряных ветрил
Мне слышен шелот, виден бедный карлик.
Одет иль гол? Явь или призрак?
Видение иль малый человек?
Ты кто?

ПРИШЕДШИЙ. Я? Мистик. Первый мистик твой,
Когда-нибудь появится Второй.

ПРОМЕТЕЙ. Зачем Второй? Я и тебя не звал.

Ты сам пришел сюда бесцеремонно.

И что в руках?

ПЕРВЫЙ МИСТИК. Вот склянка. Пей! Хочу, чтоб ты напился,

И ненависть уйдет, и страх забьется в щель.

Иль все наоборот, как сам захочешь.

И в черных Кер свет белый превратится,

И ты пойдешь со мной

По недрам черных рек.

Узнаешь всю натуру изнутри,

Что все скрывают, белым прикрывают,

А ты ведь бог, ты должен знать натуру

Людей, царей, любовниц и друзей.

ПРОМЕТЕЙ. Зачем все это, если я один?

И обречен быть вечно на цепи,

К Скале прикованный железом.

ПЕРВЫЙ МИСТИК. Ты человек! Хотя и признан Богом.

Идем! Гляди, что я тебе явлю.

Сквозь клубы дыма, грез и облаков,

И отзвук эха, искушений грезы

Истории различные поются,

Серебряною лирой извергаясь.

Ты пей да пей из склянки, Прометей!

Еще глоток, еще глоток, смелее!

О! Эта тень Луны

И с нею Бой Часов,

Цветы и Остров,

Белый Остров счастья,

Где ты рожден свободным!

Крест Сокровений, Разум всей Земли,

Смотри, кого тебе я вызываю.

Кто сам к тебе идет!

Отгаивай, отгаивай живее.

ПРОМЕТЕЙ (шевелия губами). Ты кто, о призрак?

Ты пришел от Солнца,
Чтобы меня избавить ото льда?
Согреть мне сердце,
Скованное льдами?

ПРИЗРАК. Я – твой Спаситель,
Всех Спаситель я!
Я – призрак Заратустры,
Тень его. А сам он там,
Где был и ты когда-то,
На той горе. И видит нас оттуда.

ПРОМЕТЕЙ. Пусть сам идет!

Ни с кем не говорю.

ПЕРВЫЙ МИСТИК. Он сам и есть,
Хотя лишь только призрак.
Но призраки молчат,
А будет говорить сам Заратустра –
Спаситель твой.
Он уведет тебя отсюда и туда.
Не узнавай, но вспоминай скорее,
Что было там, что будет, о титан,
О Прометей, рожденный быть свободным,
А тут в цепях, прикованный к Скале!

ПРОМЕТЕЙ (*порываясь встать*). А я и тут свободен.

ПЕРВЫЙ МИСТИК. Гляди, летим! Моря перелетаем.

В одно мгновенье к Разуму Земли
Всем сердцем, всеми снами припадаем.
О Заратустра! Вот мы, повели
Нам встать перед тобой,
Пред твои очи кратки.
Не верит он, скажи, что это ты.

ПРИЗРАК ЗАРАТУСТРЫ. Да, это я! Его к тебе послал я

Тебя согреть теплом воспоминаний,
Фантазий, отдаленных от тебя

Путем в три тыщи лет еще доавестийских.
Когда душа и тело вместе были,
Бессмертье и без Веры создавали.
Мы просто были, мчались и летели,
За один миг могли преодолеть
Пространства все, какие мы хотели,
Куда попасть стремились без ошущенья Времени,
Чего желал наш Абсолютный Дух.
Нам оставалось лишь одно Пространство,
Не забиралось Временем себе.

ПРОМЕТЕЙ (*перебивая дерзко*). Я – первый? Ты тогда – второй,
Как быть с Зевесом?
Как мне дальше быть?

ПРИЗРАК ЗАРАТУСТРЫ. Ты развращен, у них и оставайся.
Подарена свобода тут у нас,
А там сберечь свободу постарайся,
Как и они, ты тоже им бессмертный.

ПРОМЕТЕЙ. И тут не бог, и там не человек,
А кто же я, прикованный к скри жалам?
Вот так посередине и живем,
У Зевса обивая все пороги, дали,
Свой подвергая разоренью дом.

ПЕРВЫЙ МИСТИК (*расталкивая Прометея*).
Какой ты сильный! Дай пожить другому,
Той склянки нам хватило бы на всех.
А ты титан, не знаешь чувства меры,
Ничто вас, Прометеев, не берет.

ПРОМЕТЕЙ. Я прозорлив. Я вылил половину,
Без хитростей с богами жить нельзя.
Уйди, ты надоел мне. Сядь на льдину
И посиди, Вулкану пригрозя.
Иль исчезни вовсе.

Первый мистик растворяется в белом пятне.

ПРОМЕТЕЙ (*провожая его взглядом*).

Пропал в Пространстве, а не там, где Мгла,
Какое Время нам обозначает.
Вулкан! Где был ты, видел ли кого?
Иль это мне пригрезилось, не знаю,
Вдруг холодом пронизывая сквозь?
Дохнул бы, что ли, нас погрел бы врозь.

ВУЛКАН. Я так дохну, что некому уж будет

Ни спрашивать, ни грезить, ни вздыхать!
Иди в долину ту, куда я лавой,
Еще, огнедыша, не перетек!
Там ягода на солнце поспевает,
Звенит посудой каждая семья,
Вкушая от щедрот и от трудов.

ПРОМЕТЕЙ (*поворачиваясь на Восток*).

Я Стражу жду! Без Стражи надоело,
Сюда чего-то не летит.
Отвык, что ли, от крови, оголтелый.
Из-за него мне печень и болит –
Истерзанная, черная, живая.
Забыл вот Заратустру попросить,
Принес бы травки из родного края.
А то ведь до календ и не дожить.
Лежу опять лицом своим к Востоку -
Я к Хайре, к авестийским берегам.
Кручусь, верчусь, а толку-то, а проку –
Ни тут мне окончательно, ни там.
Все говорят, считают прозорливым,
Какой же прозорливец, если я
Все на Скале; становишься ленивым
И ждешь Орла, в чем хитрость-то моя?
Поэты мы! Борцы мы! Прометей!
Как вспыхнем раз, так и горим, горим,

Не могут нам простить того злодеи,
Что им Огонь, а дым от жара им!
Им дым глотать, который Прометей
Вслед за собой, как факелы, несут.
Вам сострадаю, сонм интриг, злодеи
С нас кровь великолепную пьют.

ВЛАСТЬ (*появляясь*). Ты что сказал! Что Власти вам не нужно?

Выходит, обойдетесь без властей?
А города как созидать нам дружно?
Где мяса брать народу - без костей?
Дороги строить вызывать мираж,
Чтоб люди, разуверясь, все же жили?
Вот за такое Власти все отдашь.
Чтоб вы копали, мы за вас княжили.

ПРОМЕТЕЙ. Теплее стало, дурь сошла с верхов,

А ты все за свое, за продолженье.
Все про Зевеса, про царей богов,
Все про небес земное притяженье.
Тираны правят именем, от Власти,
К высокому нас ложно призывая.
Так и Зевес, быть может, и отчасти
Власть Неба спутал, в беспредел играя.
Куда идти, к кому? Он бог царей.
Цари пониже – тоже все такие.
Вот на цепи и страждет Прометей,
К Скале приник под звон цепей. Руки я
Им не подам! Пусть слышат все про это,
Долине той, другим передадут.
Судьба героя и судьба Поэта
Не пряник вам, а соль, веревка, кнут.

ВЛАСТЬ. Я выслушала все. Мы, власти, терпеливы.

Мы долго запрягаем – быстро ездим.

ПРОМЕТЕЙ. Игривы.

Тешите десницу подо льва и львицу.

ВЛАСТЬ. Я отпускаю, уходи в долину,
А с Зевсом как-нибудь договорюсь.
Вот золото. Хватит, что ль, покуда.
Ну уходи! Туда, откуда гусь
Летит под осень.
Где авестийские края,
Где Родина твоя!

ПРОМЕТЕЙ. В приказах не нуждаюсь.
И сам я – Власть!
Герой Эллады, даже бог – герой!
Титаны мы, еще до олимпийцев.
С Юпитером стал богом, с Кронионом
Дружил, а с Зевсом не хочу.
Зевс много взял, а мало что умеет.
Не признает ни Солнца, ни людей.
Народ хотел сменить, убить своих плебеев,
А я Огонь им дал,
Свет пламенных идей,
Чтоб – жить!
А коль ты - Власть, так разберись,
Будь справедлива.
С самою Жизнью говори умело,
Что нам с царями делать?
Что хорошо Отчизне?

ВЛАСТЬ. Умен и прозорлив! Он – царь!

А я лишь Власть при нем,
Вся Власть ведь у царей.

ПРОМЕТЕЙ. Власть делает царями!

ВЛАСТЬ. Царям и служит.

Появляется Стража, прилетает Орел.

ВЛАСТЬ. Не надо вас! Давайте, уходите!

Вернитесь к Зевсу и скажите так:

Я приказала! Власть!
Чтоб Прометей один в раздумьях был,
Все смысл в себе искал.
Мы с Зевсом тут одни поговорим.
Вернусь домой к себе, туда, под нимб,
В Элладе выступая величаво,
О Прометей! Пока под тронем дым,
Не будет Зевс уж так несправедлив!
Чего тебе прислать –
Каких одежд, какого винограда?

ПРОМЕТЕЙ. Я – бог! Титаны мы,
Мне каждый смертный рад,
Все чада.
Нам ничего не надо.
Иди, о Власть, иди своей дорогой!
Земная ты, чего ходить сюда?
Титаны мы, нас, мать, не так уж много,
И ровно столько будет нас всегда.
Нас каждый век рождают громогласно,
Когда уходим - мало знает кто.
С тиранами все откровенно ясно, не то
Вот с Зевсом, все не то, не то.
Все путает он божеские сферы,
Хитрит, плутует, больно много пьет.
Есть Абсолютный Дух, он примет меры,
И что-то Зевс, в конце концов, поймет.
Спасибо, Власть! Подумай о народе,
Когда Вулкан опять дымит к невзгоде.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Все там же, на Скале, напротив Вулкана.

ПРОМЕТЕЙ. И все болит, и плакать надоело.

За Стражей следом хочется бежать.
Власть «Уходи» вчера ему сказала,
А Страже расковать не приказала.
Вот так тут над ущельем и виси,
Сводя на ней усилия свои.
Они ушли в других свое вселять,
Чей краток век, хотя про то кто знает.
Что знаем мы, бессмертные? Под Власть
Зевс подведет и встретит, как встречает,
Наедине желая говорить.
Вулкан трясет, Скалу мою качает.
А ну как треснет? Так тому и быть.
Судьбы не избежать. Судьба – от Солнца,
От Власти – смерть, от Бога – свет души,
От Сатаны – бес, плещущий на донце,
Глаз красный Марса, тень Луны, гроши.
Пока я тут, Вулкан не шевельнется.
И Солнца, взгрохотавшись, не затмить.
Ночей долину, куда лава рвется,
Дворцов, однако, жаром не залить,
Живым оставит царственное ложе.
Чего боюсь, так (защити нас, боже),
Что Вулкан взовьется – пошатнутся горы,
Кавказ осядет,
Все придет в движенье,
Скалу мою разломит пополам.
На две главы утес мой разойдется,
На пик вершин соседних; белоснежна

Одна из них; совсем изнемогает
От Солнца, света, тайн своих вселенских.
Скала! Ты слышишь?
Мне ответь... сейчас же,
Зачем мы тут на острие пространств?

СКАЛА (*глухо*). Да слышу, слышу!

Что взбредет на ум, то говоришь,
А я уж знаю все про крышу,
Откуда дождик да с чего течет.

ПРОМЕТЕЯ. Какая ты тщеславная, Скала!

А я из двух источников питаюсь –
Через тебя, побольше от небес.
От Солнца все идет мне изначально,
По длинным и пронзительным лучам.
Я знаю все, мне Солнце сообщает,
А Солнце сообщает обо всем.
Еще Зевес сны видит на Олимпе,
Еще вся Македония во тьме,
А я уж тут на обе половинки,
Всю Землю озираю в Красоте.
Когда с утра луч первый прикоснется
Земной груди божественно, уж я,
Как ворон крови, жду того момента.
Вся тут, на той Скале высокой,
И моя радость, и мой мир, восторг!
Вот как сейчас,
Еще на встало Солнце,
Еще дает лишь о себе намек,
А я уж жду тут, незабвенный, Солнце,
Чтоб целовать то место у Скалы,
Какого первым луч его коснется
О первородные углы.
О мое Счастье, след радарный Мглы,

Свет беззаветный, лучезарный стронций!

О Красота моя! Явись, предстань пред очи!

КРАСОТА (*с высоты*). Ничья и там я, где всегда везде

Вселенствуют извечные законы

Гармонии, Любви и Чистоты.

ПРОМЕТЕЙ. Так где ж ты, где! Откуда слышу голос?

Тебя воспринимая всей натурой.

КРАСОТА. Смотри на ковш и дальше от ковша

Семь расстояний, пядей основных,

Где главная, Полярная звезда,

Вокруг которой крутится все Небо.

Какое этим кормится ковшом, -

Тут я и есть, во всем растворена.

Я – Красота! Меня никто не видит,

Служу я Солнцу, Небу и Олимпу.

ПРОМЕТЕЙ. И Зевсу?

КРАСОТА. Зевс служит мне, я не служу Зевесу.

И человеку тоже не служу,

Когда он краски на холсты наносит.

Я просто существую, просто жду,

Когда меня уловят.

ПРОМЕТЕЙ. А Зевсу что?

Есть у тебя темницы,

Запоры для него и наказание?

КРАСОТА. Всегда везде Полярная звезда

На высоте, во царствии ночном.

Свет той звезды так ярок, виден ночью

За то, что днем она не видима.

ПРОМЕТЕЙ. А Зевс?

КРАСОТА. В долинах.

ПРОМЕТЕЙ. Долины нам нужны,

Чтоб горы были выше.

Так, кажется.

КРАСОТА. Ты прозорлив. Не с каждым говорю,

С тобой мне интересно

Сиять в глаза твои. Ну, ухажу,

Меня сменяет Солнце.

Однако, помни, не с тобой лежу,

А где-то рядом, как вино на донце.

Чтоб поддержать тебя в твоих мученьях,

Какие ты несешь за всех без исключений.

ПРОМЕТЕЙ (*восторженно*). Ты где?! Ты где?! Она уже ушла.

Она меня сегодня посетила!

Три тысячи жестокосердных лет

Тут пролежал, прикованный к Скале,

Три тысячи еще готов лежать,

Чтобы услышать снова этот голос.

Вся Азия отсюда мне видна,

Отсюда же видна и вся Европа.

Вся женщины Земли, как на ладони.

Отсюда, со Скалы, Любовью,

Как яблоком, притянуты Землей,

Так и они притянуты ко мне;

Я думаю о них, мне грезится их тело,

Их бархат губ, их мистика волос.

Своим плечом, Луной обвороженным,

В предвосхищении таинственности грез.

Они меня коснутся обнаженным,

Обремененным карнавалом кос!

Отторгнутая жадностью телесной

За то они и изгнаны из рая –

Из чистоты серебряности рос,

Что возникали, обнажая, суть не обижая,

Чтоб страшно было в розу заглянуть -

В глубины, божьей милостью,

В себя и поэтические сны.

Ты где, Поэт?
Чего не прилетаешь?
Берешь себе ли часть своей вины?
И все вокруг видения мои,
Ни то – ни это,
А что же дорогие мои, что?
Дарит мне состоянье звезд,
Алхимия, изнанка снов Поэта.

ГОЛОС ВУЛКАНА (*как Духа Земли*). Какая ж это самая изнанка
Предсказывает все, что впереди?
Иди сюда, дай проведу по недрам
Тебя с твоей Скалой в моей груди.
Смотри ж, смотри!
Чтобы узнать, что у звезды внутри,
Я ненавижу всякие вершины.

ПРОМЕТЕЙ. Я сам вершина.

ВУЛКАН (*представая пред его очи*). Да, сама вершина! Но какая?
Все обуздать хотят, вот и борюсь.
А вы все в звезды метите, вы боги,
А я источник, что ль, все грязные дела
На мне, Вулкане,
А Красоту – себе.
А Сатану и Демонов туда же,
Чтобы в котлах стонали и кипели.
Вот проведу тебя по галереям,
Увидишь то, что есть звезда внутри, что люди есть
И что Земля снаружи.

ПРОМЕТЕЙ. Еще меня и в ад? Скалы Зевесу мало?

Бессмертному предназначают рай.

ВУЛКАН. Ни ад, ни рай тебе, а что же?

ПРОМЕТЕЙ. А то же, что тебе – глядеть с вершины,

А кипеть внутри.

Я обречен зрить звезды не Зевесом,

Вот только что тут побывала Власть.

Ниспослана царем,

А говорит, сама является к таким,

Как я, куда ей надо.

ВУЛКАН. Да, ты один такой! Ты – Прометей!

Известный огнеборец!

Огнем людей спасал.

ПРОМЕТЕЙ. За что вот и терплю.

ВУЛКАН. Не кончено терпение твое,

Еще придется пострашнее.

ПРОМЕТЕЙ. Опять пугаешь? В рифму, что ль, опять

Заговорил, чтоб откупиться?

Держаться надо далее от вас,

Таких жестоких и дисгармоничных.

ВУЛКАН. У нас, громил, гармония своя.

Стратегия другая, обороты –

Зависят от работы.

ПРОМЕТЕЙ. Рифмуя все, себя не поощряй.

Слова у нас, у вас – труды до пота.

ВУЛКАН. А нам, подземным, льгота.

С вас спрос другой,

Вас все поносят.

Слова к вам валятся с небес,

С вас небеса и спросят.

А нас, подземных, как попутал бес,

Так Красоту в котлах и носят.

ПРОМЕТЕЙ. Кипи, кипи, подземное громило!

Волнуйся под Землей, угрюмейший Вулкан!

Пошли ремейки – вижу сам

По вулканическим глазам.

ВУЛКАН. А говоришь, Поэт – другой, отдельно.

Все втайне пишутся стихи.

Властители, тираны, огнеборцы

Корпят, кропят, по шею в зле сидят,
Зимой и летом завидуют поэтам.

ПРОМЕТЕЙ. Все смел в одно!

Но только те лихие,
Кто втайне, а кто не втайне –
Тоже хороши!
Когда ж Поэт примчится на Икаре?
И что он там в пару и в паре?

Замечая недоумение Вулкана.

Поэты быть должны голодноваты
На Слово, на Желанье, на Любовь.
Сошлись с царем, цари навроде святы,
Одни задачи - разные зарплаты,
Как бы забрали и отдали вновь.
Эфиры, можете, влюбись,
Весь мир творить вы, горы;
А мы, вселяя в память высь,
Берем оттуда, воры;
И тут ворует, не спросясь,
Суем в тире и точки.
Вот нам за это, черный князь,
И льют вино из бочки.

Замечая успокоение Вулкана.

Уже и ночь, ведут на космос боги,
Никак остановиться не могу.
Вот так тут и живем, на том пороге,
То с ненавистью боли множь,
А то с Восторгом, Нежностью, Любовью,
Как тот Поэт, который, раздвоясь,
Ушел в долину, чтобы там алкать,
Торжествовать, поэзию искать,
А я его тут жди,
Чего-то не приходит.

Видать, на новый свой полет
Никак с ним не настроится Икар.

*Перекаты в недрах, басовые вопли Вулкана. За ними нервные плески
волны, шумы и запахи моря, серебряное пенье голосов.*

ОКЕАНИДЫ. Смотри, смотри, о Прометей!

Сюда пришел сам Океан, отец наш.
Мы тут - Аглая, Талия и Блеск, -
Мы все твои, Океаниды,
Вокруг тебя, вокруг Скалы!
Вокруг горящий глаз Орла!

ПРОМЕТЕЙ (*взирая вниз на дома*). Что вижу я, титан! Мой друг,

Опять сюда явился ты за двух,
К Зевесу провалился. Во!
Скала, как остров, дикий берег,
Огонь и дым один на всех,
И все на одного.

ОКЕАН. Вулкан не пропускал нас всех,

Вот кто твой страж, стратег!
А мы пройдем и сквозь, и через!
И аса ждет успех.
Сквозь все, и никаких гвоздей!
Пройдем, пройдем, ей-ей!
Поем тебе, о Прометей!
Как факт подобный, бесподобен подвиг!

ХОР ОКЕАНИД. В свободе моря - воля Океана

В тебе, герой, в тебе упоена.
За всех скорбящих – в каждой ране рана,
Промыта солью, за волной волна.
Берег, тени Боя Часов,
Морок, тени Цветов -
Ждет тебя вся Эллада.
Призраки белые, духи лесов –

В каждой стезе водопада.

Мы - женщины любимые твои.

ВУЛКАН (*грохоча*). Развратницы! Изменчивей волны.

Зачем привел сюда вас Океан!?

Понарожал же сколько дочерей,

Теперь гадай, кого куда пристроить.

Ведь это ты прорвал тот перешеек,

Что пребывает тут, водой наполнив дол,

Потоп устроив, море тут создал.

Для Прометея сделал, а для друга

Перевернул стратегию Земли.

ПРОМЕТЕЙ. Гармонию другую произвел.

Лишь Океан да ты, Вулкан, способны

На акт подобный, беспримерный подвиг.

ВУЛКАН. Потешить, посадить на кол,

А все для всех стараешься, могол.

О подвигах печешься? Уж смерть не за горой.

ПРОМЕТЕЙ. Привыкнут к морю Черному, почтут

За честь когда-нибудь поплавать тут.

ВУЛКАН. А я его взорву! И воды сброшу в Океан!

Верну долине первозданный облик...

Эге-гей, сюда-а-а!.. Ко мне-е-е...

На Черном море серо-водо-род-о-о-д!..

СЦЕНА ВТОРАЯ

Те же. Там же. Раздается грохот, огненно-красные камни и пепел вылетают из жерла. Керы – души мертвых, слуги Вулкановы – хватают Прометея и, оборвав цепь, бросают к подножью в подземные чертоги свои.

Гора Олимп, что в Македонии. Зевс, царь богов, восседает на троне. Согласно иерархии, по обе стороны лестницы боги – олимпийцы, приближенные Зевса.

ЗЕВС (*посохом о пол*). Сидим мы на Олимпе беспокойно,

Народы разуверились и в нас.

Одни глядят на Запад – в злобу, войны,
Другие – на Восток, где джины и сейчас.
Как древним, авестийским духом
Наполнена персидская земля,
Откуда без конца, к пчеле и мухам,
В звериных шкурах, первозданны,
Накатывают волны, степь пыля,
Безмерные людские окоемы.
И там не то, и тут уже не это.
Цари земные слушают себя.
По всей Элладе войны -- пусть воюют.
По всей Элладе игры – тоже пусть.
Смущают демократией Афины
И этот – возлежащий на Скале,
Как, как его зовут? Ах, Прометей?
Где Власть, куда девалась?

МЕРКУРИЙ (*бог торговли*). Ушла и не вернулась, о Зевес!

Пошла к тому, что на Скале,
К титану.

ЗЕВС (*гневно*). Какой титан вам этот негодяй!

Титан один тут, я титан, я – Зевс!
Я – царь богов, нет никого подобных!
А этот, что лежит там на Скале,
Все еще жив?

МЕРКУРИЙ (*угодливо*). Так, жалкий старикашка.

Вечно голодный, жалкий, весь в отребьях.
Все уверяет, что три тыщи лет ему,
А будет еще больше.

ЗЕВС (*стукнув посохом*). Ну это мы посмотрим!

Где Стража, там?

МЕРКУРИЙ Нет тут.

ЗЕВС. А почему?

МЕРКУРИЙ. Так там Вулкан взорвался,

И Океан ворвался.

АПОЛЛЮН и АРТЕМИДА (*дети Зевса, выступая вперед*)

Мы меры приняли,

Скалу отгородили.

Скалы Ниобы ему мало,

Так он на этой стал вещать,

Людей смущать.

ЗЕВС. Позвать к нам Азию, Европу,

Мы будем с ними говорить!

Ах, жалкий, ах, ничтожный старикашка!

Способен много натворить.

Входят Азия и Европа

ЗЕВС. Что было – знаем,

Что же может быть?

Хоть ты Европа, говори царю!

ЕВРОПА. Возникнет Рим, возьмет у греков Власть

Эней, бежавший с побежденной Трои,

На итальяском сапоге построит вечный град.

ЗЕВС (*раздраженно, хмурясь*). Да знаем, знаем!.. Ну а ты? (*обращаясь к Азии*).

Что скажет Азия?

Вот что нам интересно.

АЗИЯ (*выступая вперед*). Скажу вот что.

МЕРКУРИЙ. Царю не поклонилась.

АЗИЯ. Не кланялась и кланяться не буду.

ЗЕВС. Ну, ладно, ладно. Что там у тебя?

АЗИЯ. Что тут у вас под боком у Олимпа?

МЕРКУРИЙ. А что у нас? Сидим, и ничего.

АЗИЯ. Сидите, а на чем?

Уж Еврипид Филиппа подбивает

На всякие крамольные дела.

Пришел с Афин и сеет тут идеи,

Филиппа в своем духе воспитал,

Царя всей Македонии, а хочет
И всей Эллады также быть царем.
Уж войско сильное собрал.

ЗЕВС. И пусть.

АЗИЯ. Так сын уж вырос – Александр,
Не на Олимп уж посягает –
На целый мир из Македонии своей.

ЗЕВС. Узду накинём и на Александра.

АЗИЯ. Чего там, обоймет полмира!
Всю Персию объёмлет, к Индии пройдет.

ЗЕВС. Вот молодец!

АЗИЯ. Так славить будут имя не твое.

ЗЕВС. А чье же?

АЗИЯ. Свое, отцово. Имя Македонских.
Пока тут, царь, ты возникал с титаном,
Там Зевсом дух совсем искоренят.

ЗЕВС. А ну позвать мне Стражу и Орла!
Потом Вулкана, с ним поговорю.
Входят Стража и Орел.

ОКЕАН (*стоя позади всех*). И почему хоть парами все ходят?

ЗЕВС (*метнув взгляд в его сторону*).

Не знаешь, что ли,
В какой цивилизации живем?
В Египетской. Где двойственность, бинарность.
Живые – мертвые, лед – пламя, Ненависть - Любовь...

СТРАЖЕ. Вы что стоите, истуканы?!

Как до сих пор он все еще живой?

СТРАЖА. Кто?

ЗЕВС. Да дядька мой.

СТРАЖА. А, Прометей. Так он же бог,
А боги ведь бессмертны.
Он дал Огонь, а мы его во льды,
На тот Утес.

ЗЕВС (*ворчливо*). Ну, значит, с богом надо похитрее,

Не в лоб! А в стороне давить,

Орла всемерно поощрять долбить.

Орел где?

Появляется Орел.

ЗЕВС. Тут вырос он, там у тебя герой?

ОРЕЛ. Кто?

ЗЕВС. Кто за людей горой!

ОРЕЛ. А, этот ... Прометей.

Кого всю жизнь долблю?

ЗЕВС. Страдания нам делают героев.

Он кто?

ОРЕЛ. Титан.

ЗЕВС. А должен быть НИКТО.

ОКЕАН. Он на Скале! Он виден всему миру.

Страданьем заплативший за Огонь!

ЗЕВС (*Меркурию*). А ну-ка подбери кандидатуру,

Мне Океан порядком надоел.

Уже старик, как маленький ребенок.

Тиран!

ОКЕАН (*уходя*). Куда ты денешь волны без меня –

Тайфуны, смерчи, бездны, страх пучин?

ЗЕВС. Все выпьем, все избородим

Рулями нам послушных кораблей.

Так вот! Вы – Стража и Орел,

Валяйте к Прометею, да живее!

Ты, Стража, не усердствуй, дай бежать,

Дай со Скалы упасть.

А ты, Орел, долби, долби, долби...

А там увидим...

Стража и Орел уходят

ЗЕВС. Вулкана мне!

МЕРКУРИЙ (*ворча под нос себе*).

О царь! А ну как он войдет и не уйдет?

Они такие, вулканы те.

ЗЕВС. А наш Вулкан ручной,

Не бойся за меня.

Входит Вулкан (присмиривший, глядя под ноги себе).

ЗЕВС. Совсем ягненок. Подумать можно разве,

Что ты, сорвавшись с гор,

Взорвавшись даже,

Закрыл полнеба, Землю сокрушил,

Чем вызвал недород и мор,

И войны также.

ВУЛКАН (*ухмыляясь*). И что – еще?

ЗЕВС. «Еще» не надо нам,

Они и сами к этому придут.

ВУЛКАН. Кто сами? Кто они?

ЗЕВС. Кому дал Прометей божественный Огонь,

Божественные Небо и взорвут.

ВУЛКАН. А я-то думал, что все я,

Все мы тут с Сатаной бал правим.

Подземный ад, ползет змея,

Все козни на уме, все как представим...

МЕРКУРИЙ. У кого?

ВУЛКАН. Армагеддона своего.

ЗЕВС. И кто такой? И у кого такого?

АПОЛЛОН И АФРОДИТА. Да царь один, религии другие.

Опять не тот на зуб тебе попался.

ЗЕВС. Одеть мне шлем! И разровнять Олимп!

Чтобы Вулкан под нас не подкопался.

ВУЛКАНУ (*осердясь*). Иди домой! Подумай о себе.

Подумаю и я, когда вернешься.

А Прометей пусть тщится на Скале,

Мне не нужны ни сам он, ни Скала,

Так как ты на Кавказе там зовешься?

Вот развелось по всей Земле царей.
А царь один, богов царь – это я!!
И зарубите это на носу!
Я – Крест несу, вы лишь креста меняете места.
Вулканы мы, все как одна семья.
Мы держим мир, где амазонки, вдовы,
На все готовы!
Пусть царь Филипп, сын Александр
Не посягают больше на покровы.
Сиди и правь, Зевс, и блюди свой сан!
Да содержи основы!

*Все уходят, Зевс остается на троне. За дверью придворные тут же
разбиваются по кучкам.*

КУЧКА У ОКЕАНА. Во дурак, во дурак!

Долго так не насидится.
Будет пятиться, как рак.
Как петух, сидеть на спице.

КУЧКА У ЮПИТЕРА. Старое и доброе забыто,

Новое само себя сожрет.
Будет царь, пока жива элита,
Остальное и само пройдет.

КУЧКА У ПРАЗДНИКА СВОБОДЫ. Каждый человек свободен,

Как свободен Прометей.
Царь свободен, чтим в народе,
Он же царь, а не плебей.

КУЧКА У ПРАЗДНИКА ЛЮБВИ. Людей позвать и посадить цветы.

Пусть Бой Часов нам благородит души.
Любовь не знает меры и весов,
Славь Красотой свои глаза и уши!
Появляется Стража.

СТРАЖА. Сказали разровнять Олимп!

Чтобы Вулканы под ним не мог случиться.

ВСЕ ХОРОМ. Да что вы!

Он же пошутил! Он сер!

А вы, чуть что, так за принятье мер.

ВСЕ ХОРОМ. Вулкан ушел, и мы скорей за ним,

Чего тут ждать? У трона как на лаве.

Все уходят. Тут же собираются у подножия Олимпа. К ним присоединяется Власть.

ВЛАСТЬ (*глазами наверх*)

Он как?

ВСЕ ХОРОМ (*живо*). Да в силе, в славе!

В зените силы и любви!

ВЛАСТЬ. Я только что была там, и основа

Бессмертна там еще на тыщи лет,

Переживет любого.

Скала, скорее, посредине лопнет,

Чем пропадет, исчезнет Прометей.

ВСЕ ХОРОМ (*едва слышимо*). Слава тебе, слава тебе!

Все остальное – себе.

ХОР БОГОВ (*издалека*). Слава тебе, золотая Скала!

Свет на Индийском Кавказе!

Индия Солнце утесу дала,

Азия пела в экстазе.

Живо сандали с запястий скользнут

В Мидию, Гиркану

И, возвращаясь, садами пойдут

Славить сады и весну.

Пойте же, птицы, далекой Скале,

Что приютила героя.

Тайное с явным пройдет по Земле

И увеличится втрое.

ЮПИТЕР (*появляясь*).

ВСЕ ХОРОМ. Куда еще? Мы только что царя

Попотчевали славно. Каждый день, что ль,

Нам амфоры пустые выносить?

ЮПИТЕР. Под бок царю другому.

ВСЕ ХОРОМ. К старому иль молодому?

ЮПИТЕР. Какой щедрее!

ОКЕАН. Дурные! Выгоды потом.

А вот как он помечен Сатаной,
Его все бьют – кладут на волнолом,
А он волной уходит за волной
Куда-то за Содом
С Гоморрой.

ВСЕ ХОРОМ. К двоим пойдем!

К египетским пределам.
Коленопреклоняясь, так живя.
Куда идем – кому какое дело?
Для песнепевца – песни соловья.

МЕРКУРИЙ. Скажу Зевесу, он вам их покажет, -

Кто Соловей и для чего Орел?

ЮПИТЕР. Торгуй себе, торговля! Если даже
Сам потребит, что людям приобрел.

ОКЕАН. Пролей, пролей сквозь глотку океаны!
Пройди, пройди доской, не захмелей!
(В сторону Юпитеру).
Он там лежит, чернеют печень, раны,
Скале видней.

Мимо, прислушиваясь, пролетает Орел.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Там же. На Скале все лежит Прометей. Не замечая ни пролетающего Орла, ни за Камнем притаившейся Стражи.

ПРОМЕТЕЙ. Какой по-молодому беспредел!

Какие силы нас к себе влекут!
С Икаром бы на звезды улетел,
Земное притяженье держит тут.

Замечая Стражу.

А-а, вот и ты, родная моя Стража!
Явилась Прометея охранять.
Все ходите по пяткам, по пятам.
Присутствуя незримо там, где я.
Не только телом, но и духом, мыслью.
О Жизнь моя! Желанья означают
Лишь направленье главное идей.

СТРАЖА. Известно, направление какое:

Непослушанье Власти и царям.

ПРОМЕТЕЙ. Свобода - проявление природы,

Поток Свободы – естества и Солнца,
Вневременного, вечного эгида,
Ложится в ложе часа моего.
Сиюминутно эхо всех эпох.
Так что еще приказано Зевесом!
Как еще строже соблюдать Скалу,
Чтоб не шатало, словно зуб старухи?
Как, в случае чего, мечом рассечь
Нить между мною, вечностью и часом?
Не убою, не убою, не бойтесь.

СТРАЖА. Спроси Вулкана – ближнего соседа,

Он тоже был там у царя царей.
Теперь Вулканы наставляют эхо,
А нас не вводят в тайны дел своих.
Дано им говорить, нам – выполнять.
Да вас, таких, не очень обижать.
По правде, кто же знает,
Что с тронном завтра станет.

Вулкан напротив начинает поыхивать трубкой. Струйка дыма вытягивается в сторону Скалы.

ПРОМЕТЕЙ. И этот – проявление Зевеса.

Все указанья получил:

Иль сжечь до тла, иль дымом оглушить.
Кури, кури, зловонный, трубку мира,
Чем недоволен?

ВУЛКАН (*ворчливо*). Они царят, а мы на них работаем,

Огнем своим тиранов подпирай.

Души тех, кто не нравится Олимпу.

Во глубине Олимпа ад кромешный,

Не для себя – для грешников своих.

Не то тут жаром лавы обогрейся,

Копти физиономию себе.

А там Олимп все так же белоснежен.

Сиди, титан, во льдах весь, белоснежен,

И мыслям безмятежным предавайся

О Боге, о сиянии светил,

О судьбах мира, о делах бессмертных.

А ты, седой Вулкан,

Дрожи, сгорай в эпохах,

Да беззаконья карой покрывай.

Я огорчен и оттого курю,

Уж тыщи лет на Зевса зло коплю,

Кому взрываться и народ громить,

Камнями, пеплом сыпать, газом

Травить всех разом? Конечно, мне, кому ж еще?

Так будет скоро там,

На «сапоге», у новых апеннинских городов.

ПРОМЕТЕЙ. Все это уже было, было,

Еще при деде Зевса –

При царе Юпитере.

Раздается Бой Часов, на небе возникают Луна, тени Белого Острова и Креста Сокровешного.

ПРОМЕТЕЙ. О Время и Пространство, Дух Святой!

Пора раздумий, эра размышлений.

Что он хотел сказать про города?

Что прежде посетил их, да?
Вулкан тяжелогрив, умен, опасен.
Со смертоносным, огнеопасным
Дыханьем, бешенством своим.
Исчез во мгле, просторы дав Кресту.
Вот Белый Остров истины начало;
Исток земных наитий, первых дней,
Хотели не того, а чем нас увенчало?
Назначены мы были от природы
Любить друг друга в жизни световой,
И что же получилось, как всегда?
Армадой туч, ветрами ледяными,
Устроили себе Армагеддон –
Зло, войны, огненное эго.
Мы все текли, текли от снов Земли,
От Острова минувшего, былого
Где было Солнце радостно сначала,
То после уже стало страшновато
В предчувствии жестоких перемен.
Мы по хребту сошли к Великой Хайре,
К Земле Железной, Разуму Земли.
Тут на больших пространствах,
Под камнем многослойным, как собаки,
Как псы какие, чуяли железо
Во глубине.
И к хитрости прибавили коварство.
Кремень щербатый заменив железом,
Приладив к стрелам, выковав мечи,
Мы, совершив походы в страны света,
И сделали тот Крест Сакральный главным,
Менталитет переменив на войны.
И потекли, и потекли волнами.
На все четыре стороны оттуда,

Сакральный Крест мечами совершив.

На Острове нас было, сколько надо.

А тут вдруг стало много, очень много.

Пространства звали, ход коню давали,

И множественность наша возросла.

Конь долгогривый нас в эпохе множил,

Мы в землю проникали, взяв металл.

О Белый Остров, это так? Скажи!

ТЕНЬ БЕЛОГО ОСТРОВА. Сокровища мерещатся тебе,

Сквозь раны и походы

Все эти эры и невзгоды.

ПРОМЕТЕЙ. Что, Сокровенный Крест,

Разве не так,

Печальник дорогой?

ТЕНЬ САКРАЛЬНОГО КРЕСТА. Ты сам сказал:

Печалью я велик,

В грядущем будет пуще.

ПРОМЕТЕЙ. А ты, Луна,

Что говорит в тебе?

ЛУНА. Вы - люди Солнца, дети не мои,

Мы как-то врозь все,

Смотрим по-иному.

Вот даже тут ты –

На своей Скале,

И то напополам как бы разрезан,

На две вершины. На правой – ты,

А мы – на левой.

То – днем, то ночью.

ПРОМЕТЕЙ. Что днем, что ночью –

Свет везде пустой.

Я много видел, многое известно.

С ним этот луч

От Солнца самого,

Лучам свободно – свету тесно.

ЛУНА. Смотри, что в небо

Друг твой извергает.

Уж завтра Солнце

Будет все во мгле,

Чуть серебристо. Мир об этом знает,

Похолодает на Земле.

ПРОМЕТЕЙ. Вон Эдельвейс растет,

Какой он белый.

Какая Красота! Не могут тучи

От Красоты живое отделить.

ЛУНА (*прячась за Вулкан*). От Сатаны – не могут.

От мелких бесов – ногу

Поставят на дорогу.

ВУЛКАН (*Луне*). Красавица ночная! Афродита!

(*Прометею*)

А мы с тобой, как братья.

Горим внутри, закованы снаружи.

К Свободе рвемся,

Когда-нибудь взорвемся!

ПРОМЕТЕЙ. В свой клан не привлекай.

Ты – ад, ты – тьма, ты – зло,

Ты – воля Сатаны,

Моя Свобода – Небо!

Гляжу сквозь сны на звезды,

Мне Солнце – бог. С тоски

Смотри, Скалу не разнеси в куски.

ВУЛКАН. Нет, ты серьезно?

Тебе я друг, а недруг – кто внизу.

Чего тебе – торчишь всех выше,

Скала твоя на крыше!

ПРОМЕТЕЙ. Молчи, Вулкан! Дай чуть передохнуть.

То в братья набиваешься, то – другом.

Я жду Поэта, обещал свой путь
Соединить с посланием подруги.
Послание мне должен принести
На крыльях удивительных идей.

ВУЛКАН. Любовь – земное дело, ты же – Бог!

Тебе любить нельзя.
Однажды полюбил я деву,
Приблизился, ей жарко стало что-то,
Сбежала.
Так я обул сапог
И город растоптал.

ПРОМЕТЕЙ. Зачем?

ВУЛКАН. Давно, две тыщи лет назад.

ПРОМЕТЕЙ. Везувий, что ль,
Последний день Помпеи?

ВУЛКАН. Вот сволочи, злодеи!
Что сами сотворят, все на меня!

ПРОМЕТЕЙ. Луна ушла, и ты угомонись.

ВУЛКАН. Поспи и ты. А завтра будет Жизнь.

Я в гости позову,
По недрам проведу –
По доблестным своим аппаратам.
Все покажу, чего и царь не знает.
Где грешники тут корчатся в аду?
О чем они, язычники, мечтают?
Где лижут тут твою сковороду –
В аду?
Вулкан исчезает.

ПРОМЕТЕЙ (*раздумчиво*). О чем сказал? Ах, да, о «сапоге».

Что уже было или еще будет?
Какой провидец! Видит наперед,
Что только через тыщу лет пребудет.
Свободны мы по-разному с Вулканом.

Свободен он все жечь и выжигать,
Он бог войны, ее владеет кланом.
А мне из-за того страдать и лгать,
Людей оберегать.
Мне жаль их, я – титан, а потокаю слабым.
Все думаю, как в них вложить любовь?
Чтоб аду вопреки, хотя б не лили кровь,
Не падали бы ниже.
Поэта жду, а он не прилетает.
Как бы крыла Икару не сожгло,
Как Солнце растопило в воскресенье.
Обида на Всевышнего витает:
За что ж лишать поэтов своих чар?
И Солнце низводить, позорить дар
Божественный?

Замечает, что опять думает в рифму.

ПРОМЕТЕЙ. Свобода слов расковывает стих.

Я говорю, что думаю, но в рифму.
А если так, то значит, я поэт,
Земное существо, среди людей.
Но я ведь Бог, а боги – над людьми,
Тем более, Бог на Скале, откуда
Мне видится полмира из прошлого,
Что несоизмеримо ни с нынешним,
Ни с будущим – грядущим, с пространствами времен.
Но мысль куда опять меня склоняет?

ВУЛКАН. Рогатая корова! Она туда-сюда давай летать

Когда-то, а теперь, что ль, крылья потеряла?

ПРОМЕТЕЙ. Эй ты, Орел! Долби свое, долби!

Привычка, что ль, дана тебе от Зевса?
Уж как-нибудь дотерпим до календ,
Во льдах своих до лета извернемся,
Пробьется жалость у Зевеса,

Велит хоть чуточку погреть.
Вся мысль моя навстречу им летит -
Икару, весть несущему на крыльях,
Поэта с письменами –
От женщины, которую
Ему, титану неземному,
Поэт везет
На эту вот Скалу,
К какой он, Прометей, прикован,
Муки терпит
За каждого
За всех, - безмерные свои.

Орел еще активнее принимается долбить печень Прометею.

И сам не знал, сам прозреваю,
Что людям я принес из-за нее,
Чтобы согреть ее в жестоком мире,
Дать дух поднять высокий до него,
Чтобы она могла равняться с ним,
А он, титан, мог понимать ее,
И это все Любовью называют.
Там, у людей. Они, выходит, знают
Побольше тех, что на Олимпе.
Так пробуждается за болью человек
Со всеми его слабостями, страхом
И ужасом, сковавшем тьму сознания,
Однако просветляемый Любовью.
Какая сила грудь ему сдавила!
С какою страстью он отвергнут Властью,
С какой виной смотрел вовнутрь кристалла,
Как на Скале душа неутомима, ей все свое,
Ведь Красота еще не отблестала
Во внутреннем обличии кристалла,
Во всем великолепии ее.

Опять стихи! Опять во мне Поэт.
А ведь решался, клялся, зарекался.
О Силы Высшие! Все под мои грехи.
Поэт в меня врубился, вжился, вжался.
Я дал Огонь, чтоб к Небу воспылали,
Чтоб Совесть в изначалах пробуждали,
Не самому же возбуждаться тут.
Создал поэтов, чтобы люди знали,
Поэты – пики, острием вовнутрь.
Теперь страдаю оттого и сам,
Прибитый, как гвоздями, к их стихам.
Вулкан провидит, что и я не хуже,
Чем тот Поэт, который улетел.
И я вовнутрь, а он всегда наружи,
Никак не остановим беспредел.
Какая участь ждет нас впереди!
Себя я не люблю и презираю
За то, кем стану тут на Скале,
За то терплю в своем побеге к раю.
В волнах людских, в грехах и покаяньях
Проснутся мои старые черты.
Вложив во зрения души кинжалы,
Глядим то впредь, то в глубь веков,
От прежних незапамятных времен
Все люди – люди,
Они изменят в нас
Когда-нибудь – богов; героя
Потребуют от правящего Зевса -
Снять со Скалы и к ночи расковать.
Так просто воли не дают, однако
Зевс слово держит, козни обмышляя,
Как Разум высший взять и обхитрить,
Людей ублажить и остаться Зевсом?

Он ночи раскует, но закует на пальце
Подобное блестящее кольцо,
Обозначая связь с одной из женщин.
Вот и титан – он, Прометей бессмертный,
Вступить вдруг пожелает в брак,
Что ему грезы, мнения ему?
В темнице еще сладостней Свобода.
Уже и жмет, и жжет его кольцо,
И сердце сочетанья снов пугают,
Впадаю в них по слабости своей.
Орел, долби потверже мою печень,
Не дай уснуть! В мерцающем сознание -
То миф, то явь, то что-то посередке.
Эй, ты, Вулкан! Что видишь на кольце?

Поворачиваясь лицом к соседней вершине.

Он спит, мы спим и слава богу.

Замирает, поворачиваясь лицом в небеса вертикально.

Сакральный Крест! Товарищ сокровенный!

Что тут на пальце? Золото? Блестит?

ЛУНА (*выглядывая из-за Вулкана*). Жди Солнца, золотого дня.

Оно на мне, оно пророчит,

Оно со златом путает меня.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Та же Скала. На ней - Прометей с искаженным от боли лицом. Орел долбит ему черную печень. Появляется Поэт.

ПРОМЕТЕЙ (*улыбаясь ему, сквозь слезы*).

А, вот и ты. Я ждал тебя, явился.

И где Икар?

ПОЭТ. Вон крылья за Скалой.

Я сам летел. И Солнце мне опять

Едва на крыльях воск не растопило.

Спасибо, Прометей!

ПРОМЕТЕЙ. За что? Ты – мой двойник.

ПОЭТ. Ты дал мне высоту!

Икар мне дал полет!

ПРОМЕТЕЙ. А что ты обещал мне принести?

В тот раз, когда ты прилетал с Икаром?

ПОЭТ. Она сама просилась на Скалу,

Сюда – к тебе. Но я ее не взял,

Не женская работа - рисковать.

Ее удел – ждать, поджидать,

Когда вернешься к ней.

ПРОМЕТЕЙ. Поэт, а высоты

В бессмертии не знаешь.

ПОЭТ. Орел! Уйди, хотя бы на момент.

Дай, говорить с глаз на глазу с Поэтом

Орел исчезает.

ПРОМЕТЕЙ (*Поэту*). Летать как будто научился,

Входить в смысл сущего...

ПОЭТ (*нетерпеливо*). Да знаю, знаю! Нет!

ПРОМЕТЕЙ. Не велико страдание само,

А путь к нему, как путь к Скале небесной.

Показывая в сторону Орла.

Все так же долбит, как и прежде,

Все тело болью глухо содрогает.

А мне на пальце видится кольцо

Как часть цепи, которой я прикован.

За золотом – сияние лица

Той женщины в античности Эллады,

Какой я избран, удостоен,

Из клана всех титанов.

Вот тут, в сиянии кольца,

Абрис ее лица,

Его я вижу в сострадании.

ПОЭТ. О Прометей! Твои страдания

Внизу там видят все.
Не таковы уж люди, как когда-то,
Когда с небес ты свой Огонь принес,
Чтоб тем Огнем их суть перекроить.
Назад взгляни – в святые изначала,
На тот Сакральный Крест, чем пращуров венчало,
Чтобы шагнуть вперед, в немыслимое прежде,
Скала твоя глядеть назад устала.
Вздывает всех, торчит вперед венцом
Твой несогбенен дух! Все вяжется с концом!
Гляди, кем стало их людское племя –
Земное, полудикое когда-то.
Костра не зная, сырым хватали мясо,
Руками рвали по частям.
Теперь мы знаем, зачем себя мы в предках ищем.
Чего не помним – подскажите нам.
Слагаю я о них свои поэмы,
И, Прометей, ты – главный мой герой.
Как без тебя? Поэту быть бы нему,
Когда б не ты над этою горой.
Молчи, Скала! Не разбивай Поэту
Иллюзий летаргических его.
Я очарован, я готов к ответу
За все, не обещая ничего.
В неистовых размерах потерялю,
Я нехотя себя не побеждаю.
Я ничего не лгу, не обещаю,
Во что сам верю, вижу и люблю.
И стражду я, как смертный, изменяясь,
В дымах возможных твоего Огня,
Идет – бредет душа, греша и каюсь,
Путем ко мне – дорогой от меня.
Таких Огонь питает сладострастьем,

К Сознанию, Свету, Солнцу призывает.
Вон тот ледник, на полороге к Счастью,
А вон пути-дороги все к нему.
Поля и виноградники, жилища, -
И все воздал им Прометей!
Каков удел, такую будет пища,
Твой треугольник – острие идей
Тех, что спустились по хребту когда-то
К священной Хайре, Разуму Земли
И там, найдя металл,
Сквозь камень глядя,
У Карталы, их генотип
В военный обратил, создав им Смерть.
Металл и кони – в поле у дороги,
Вино по кубкам, амфоры полны, -
Вот так бы жили! Огнем таким не многих
Ты осчастливил Прометей.
Но твой Огонь идет иной дорогой -
На войны, страхи, бешенства огня!
Таких ведь в мире стало очень много.
Чтут, умертвляя, мучают меня,
Нашептывают в недра подсознания,
Какой-то генотип и архетип,
Идущий к нам от имени, призванья,
Во что когда-то Зевс едва не влип.
А может быть, и ранее – Юпитер,
Еще пораньше – так уж Сатана
Сверлил мозги, если хотите,
И сумеречность адская видна.
Кромешность ту Огонь твой и сжигает,
Бросается на воина, с коня
Сшибает тот, кровью истекая,
Летит в борьбу

И степь кругом качает,
И смерть гуляет терпко,
А у тебя мороз по коже.
Нашептывает строки Сатана,
Бесчинствует в душе твоей разбитой.
Огонь один, дорога не одна,
И ты, Поэт, лежишь на ней убитый.

ПРОМЕТЕЙ. Что – так уж плохо?

Прилетай ко мне.
Уж как-нибудь вдвоем мы разберемся,
Распутывать и твой клубок возьмемся.

ПОЭТ. Вот так и думал дед мой – дуб мой, ясень,
А те убили трех сынов его
Войной всесильной! Даже Лев Толстой
Поставил в массе
Ее на первом месте –
«Война и мир».

ПРОМЕТЕЙ. У греков взято, у малоазийских.
Но то другая сторона медали.
Один изобретет свой динамит,
Которым век двадцатый прогремит.
Одной войной, а во второй... а в третьей...
Сверхводород шагает по планете...

ПОЭТ. Откуда знаешь? Вроде не Тиресий,
А как Тиресий, зришь, глядишь в века.

ПРОМЕТЕЙ. Мне (!) даже страшно, богу – огненосцу,
Что может сделать божия рука!

ПОЭТ (*морщась от боли*). Нам воздается,
Справедливость бдит.

ПОЭТ. Тот, кто изобретет свой динамит,
И тот, что бомбу людям подчинит,
Раскаются и сделают шаги.

ПРОМЕТЕЙ. Ну вот, Поэт! Дожили до такого,

Что Солнце в тьму способны погрузить.

ПОЭТ. Я не при чем. Возьмем тирана – злого,
Способного нам оборвать всем нить.
Но сколько такого подпирают:
То лава конная от края и до края,
То вдруг алхимию кладут на серебро –
На недр измученных ребро.
А ты терпи, а те по всем каналам
Вещают сатанинское начало –
Алхимию телес, телесность...

ПРОМЕТЕЙ. Терпи, Поэт!
Зачем тебе слова?
Не тем служу, зачем Огонь я нес?
Чтоб избавляться от игры и слез
Во имя света, Солнца в стороне,
Так что с посланьем мне?

ПОЭТ. Грозилась лично все сказать,
Рогами острыми писала.

ПРОМЕТЕЙ. Рогатая корова. Еще и примется летать,
Мы подождем, потерпим тоже.
А ты, Орел! Долби свое, долби!
Привычка, извини, твоя от Зевса.
Уж как-нибудь дотерпим до календ,
Во льдах тут извернемся,
Пробьется что-нибудь в Зевесе.

ПОЭТ (*прилаживая крылья к плечам*).
Смотря кто он – властитель иль тиран?
Под маской.

ВУЛКАН (*пробуждаясь и раскуривая трубку*)
А это кто? Зачем сюда и что
Ему тут надо, на твоей вершине?

ПОЭТ (*дерзко*). Исчадь Сатаны,
Зевесов исполнитель!

ВУЛКАН. Каков подлец!

А я еще тепла тебе принес,
Попыхиваю трубкой,
Чтобы во льды не вмерз,
Не испустил чтоб дух свой хрупкий.

ПРОМЕТЕЙ. Да он Поэт! Поэты все такие,
Все говорят всему наперекор
Законы у них, видите ль, другие.
Законов нет – Поэт жив до сих пор.

ВУЛКАН. Чего ты? В рифму говоришь.
Подыгрываешь, что ли, его клану?
Иль тоже из себя Поэта мнишь?
Чего молчишь? Ответил бы Вулкану.
Вулканы мы, поэтов мы не любим.
Снаружи жжем их раз и навсегда.
Уж коль кого полюбим, так полюбим,
На месте не оставим и следа.

ПОЭТ (*надевая крылья*). А в нас горит другой Огонь – внутри.

ВУЛКАН. Смотри!

ПОЭТ. Зато какой! До Солнца, сквозь миры!

ВУЛКАН. Ну, говори, гори, твори!

Вот рассержусь да изольюсь –
Залью долину, города, - смотри сюда, -
Всю вашу философию, мечты,
И первым среди мертвых будешь ты!

ПОЭТ. Мы к этому привычны, мы – поэты.

Нас Власть гнетет, дыхнуть нам не дают.
Едва за тридцать нам, глядишь – уж нету,
Одни легенды и передают
До встречи, мой Везувий! До Помпеи!
Подземное светило... у-а-а...

Улетает, махая крыльями.

ВУЛКАН. «Шуми, шуми пока свое ветрило!

Волнуйся подо мной, подземный Океан!»

ПРОМЕТЕЙ. Не тщишь, Вулкан. Ну, что возьмешь с Поэта?

Сейчас сказал, а завтра помолчит.

Все червь сомнения, все интриги где-то,

На сердце все, которое стучит.

Вулкан в груди, но свой же ведь, особый.

А ты лохмат, огромен и велик!

Один медведь в лесу тебе подобен,

Чуть попыхтел и изменился лик.

ВУЛКАН. Поэты также огненно велики,

С Икаром водят дружбу неспроста.

То тень Луны, то солнечные блики,

Слова им, видите ль, диктует Красота.

ПРОМЕТЕЙ Поэту, как себе, за все прощаю,

За дерзновенность мысли, резкость слов.

Поить тебя вином не обещаю,

Но думать думай на стезе основ,

Нацеленных на тьму и волны света.

Алхимию бери за горло, что ль,

Они ведь водят по кругам Поэта.

Через надежду, совесть, горечь, боль

Лети, Поэт! Не уходи из сердца!

Неси слова молодые, седина!

Не поддавайся, покидая детство,

Такая уж нам участь всем дана.

Вулкан прикрывает глаза.

ПРОМЕТЕЙ (*провожая взглядом Поэта*)

Он мой двойник? Иль я двойник его?

Мы как-то с ним во всем переплелись.

Посмотришь – вроде парень ничего,

Копнешь – опасен, как Огонь и Жизнь.

Лети-лети, носи Любовь, Поэт!

Создашь поток, напишешь письмена.

Расскажешь, как вбивал пиковый свет,
Бросал Элладу в хлад и пламена.
Дух дыма – да ослабнет от Вулкана,
Жить тяжело и дышать тут как-то странно,
Пикантности все это придает.
На пике дня – сомнения, угрозы,
Взорваться и все золотом залить.
А небо уж в миазмах, в пятнах – розы,
Все звезды хочешь в тучах растворить.
А ты страдай тут, Прометей, в морозы,
Переживай за каждого, за многих.
Всю душу изорвет тебе, злодей!
Мир не видал еще таких людей!
Что скажут боги?

Надвигаются сумерки, вечер. Прометей смежсает веки. И видит в полусне, как Вулкан опять начинает куриться. Тени ползут по склонам, обвивают Скалу. Орел прячется за Прометея.

ПРОМЕТЕЙ. Опять свободен я, сбежала Стража
На встречу, что ль, погибели своей!
Сказал злодей: фантастика миража,
Не много ль многозначности и ей?
Вулкан, лавиной хлынь на дно долины!
Уйди в ущелья, как в небытие!
Как в прорву, где поля и винограды,
Где смертные все еще жизни рады,
А то ведь за пассивность проклянут.
Постой, Вулкан! Не надо излиятий!
Что там еще такое впереди?
А впереди – смерть без могил, влияний,
Война без правил,
Представим, скольких ты отправил
В своих владений . . . маленький аил?

Раздается бой часов. Сакральный Крест пересекает клубящееся Пространство. Из-за Вулкана выглядывает Луна.

ЛУНА. Спи, Прометей! Не вмешивайся в это.

Зевс приказал, он говорит лишь раз.
Они там, на Земле, так нагрели,
Так наигрались все твоим Огнем,
Что ты принес им для Любви и Веры,
Что боги наказали их за все.
И вот теперь им ночью, как и днем,
А днем - как ночью.
Мелькнул момент, как тысячи других,
А в те моменты – факты, аргументы,
А в аргументах – факты из яйца,
Два – три безгрешны, копии отца,
Все с одного лица.
Все верят в Солнце – молятся на нас
Вон динамит сверкнул, взорвался.
Так кем он создавался?
Вон бомба с литерой «А», «Н»,
И реферат при них, патент.
В клубок смеялись люди, кони,
На пиках - головы, глаза,
Горя из черепов – апофеоз войны, гроза
Без носа, на хромом верблюде.
А то ли еще будет!
Долина спит. Вулкан устал.
И Прометей давай грешить:
По снам, ночам шелками шить,
Как смертные, как люди.
Герои тоже любят спать, как и простые.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Утро. Та же Скала.

ПРОМЕТЕЙ (*озираясь вокруг*). Щебечет птичка. Мерзнет Эдельвейс.

И Солнце над долинами сияет.
Я что – уснул, иль это показалось
В ужасных сочетаниях ночных?
Да был ли тут Поэт?
И не было Икара?
Не приносили ль снизу письма?
Живу я или нет?
Очаровала чара
В груди моей, в крови давнишних лет.
На чьем пороге, трепетный, лежу.
Как тот Хафиз, перс тот, что был Поэт.
Уже в годах, а к молодым хожу.
Все грезится поэзия и нота.
Вот до чего доходишь на Скале,
Когда лежишь в цепях весь и во мгле.
А Стражи нет. Естественность исчезла.
Нет и Орла, к Зевесу улетел.
Один какой-то демоненок чезлый,
Вулкан спалив, восполнил их пробел.
Покой не страшен, черт к Скале приник,
Не самый лучший бесов ученик
Из рода соглядатаев, шпионов
И прочих Власти бдительных поклонов.
Сияет Солнце, растирает пыль,
Какая ничего не созидает,
А только перед тронами витает,
Любые сказки превращая в быль!
Анархию – в разрушенный дворец,
Дороги – в бесконечность, но без смысла,
Жизнь – в тризну, в торжествующий венец.
Вот в эти Солнца мы и поиграем.
И ведра - в ту игру, на коромысла.

Она идет там, по родной Элладе,
В венке перевитом вся, в винограде,
И думает о нем. О, Прометей!
Она в уме слагает письма –
Ее стихи в тебе, она одна,
И никого уж рядом с ней не будет,
Она тебе богами отдана.
И тишина. И струйка дыма тает.
Лавины, кони, войны всюду где-то.
А там, в ведре, «пизэр» ее качает,
«Пиэр квадрат», где бесконечны числа,
Так Солнца круг обычно вычисляют.
Она несет «пизэр», письмо листает.
Два Солнца – все тебе, о Прометей!
Какое счастье! Пейте винограды!
И Сатана отступится, злодей,
Лишь Зевс на это губы раскатает,
К ведру клонясь и ко груди твоей.
Любвеобилен, жизнелюб проклятый,
Наверно, потому титана держат
Тут, на Скале, и по кусочку режут
Без лишнего свидетельства закаты...
Гарем обид – то бес, то Сатана,
И у Скалы – раскаты...

Прометей лежит без движения весь в солнечных лучах.

Вот что Поэт Гефестов натворил!
Всю бронзу, что ковал Гермес,
Сорвал с меня, швырнул куда-то вниз,
В ущелье под горой,
Где я предстал такой вот, неодетый,
Как и сейчас, перед Орлом, а там
Одни такие ж голые поэты!
Так на Скалу и прилетают к нам.

Символика одна и участь та же, блики.

Каков ваятель, таковы и лики.

Отворачивается от Скалы. Ветры начинают дуть с обратной стороны – с моря. Тонкие, серебряные свисты слагаются в голоса, в размеренные, едва различимые волны хора. Это Океаниды.

ПРОМЕТЕЙ (*шевелия спекшимися губами*)

Зачем вы тут? Вы – дети Океана.

Вот и играйте где-то синевой.

Он вам отец, мне дядя – Океан,

И тоже ведь титан,

Мне шлет привет,

Чтоб поддержать меня, приободрить.

Как хорошо! Как пахнете вы морем!

Истосковалась по нему душа.

Волна с волной мне через вас доносит

Крик чаек, альбатросов, рыбаков.

Послушаешь вас, хор Океанид,

Хоть после не живи уж, помирай.

ПОЮЩИЕ ОКЕАНИДЫ, ТАНЦУЮЩИЕ ХАРИТЫ.

Крепись, герой! Красуйся над Вулканом!

Эллада к нам послала Океан.

Несем тебе немного соли ранам,

Немного песен, много всяких тан-н-н-...

ПРОМЕТЕЙ. .. Ах, танцев, да?

А то, а то

Как отстрадался, так уже Никто

С вершиной вместе.

Тут я, перед вами,

Но говорю вам, кажется, не то.

Не про себя мне надо, не про Счастье,

Про путь к нему, страданиям вопреки.

Вулкан замыслил страшное.

Скажите, чтоб знали все,

Не только Зевс да я.

ОКЕАНИДЫ ПОЮЩИЕ. Хитоны свои лучшие надели –

Для тебя, для тебя, Прометей!

Мы скользим по волне, по волне ли –

Для тебя, для тебя, Прометей!

ХАРИТЫ ТАНЦУЮЩИЕ. Скользнула сандалия –

По волне, по волнам,

Скользнула – плывет,

Как кораблик, а в нем

Мы весла, мы руки

Приладили к ним,

Как будто во сне мы,

Танцую, плывем.

Кораблик, корабль наш,

А в нем мы, а в нем –

Хариты, танцую, плывем.

* * *

И, не дождавшись к вечеру Поэта,

Чтоб он принес ее мне в два крыла,

Я сам пошел туда через полсвета,

Пока тут Стража пьяная была.

Я мыслью шел и чувствами своими,

В себе неся ее святое имя.

Скажу, свободен, в рифму или так,

Строкою белой, как она витает,

На то и мысль, на то я и титан,

На то и бог, что в слово облекает

Любую точку матери-земли.

Досталось нам от призраков, от предков –

Талант летать и время выражать –

Способности в любое время редкой.

Идешь Элладой – ты, о Прометей.
И думаешь, как разыграешь шутку.
Шмыгнешь ли мимо дома без дверей,
Укроешься ль в оливах на минутку.
Но тут Зевес опять в пролом пролез.
Младой пока он был еще не царь,
На трон еще не покушался.
Пришел, любви в оливах домогался
От тонкостволых дев Океанид.
Вот ты ему: «Хе-хе, хе-хе-с!»
Козел вонючий! Тот давай бодаться
В ответ. Пил жизнь, как из ведра,
И уж хотелось обниматься,
Уж руку снял он с острого бедра
И сжал ей стан до стога ли, до боли,
А тут и черт из лесу, что ли.
- Ты кто?! – сказал ему Зевес.
- Никто, - ответил ему лес,
Но знаю, что лежат обои в страхе.
- Кто это, кто? – спросил нас лес.
- Никто, никто, - задумался Зевес.
- Так не бывает, кто-то есть.
- Испей попробуй, - засмеялся бес
И поскакал Асфодилонским лугом
К ее пастушкам и подругам.
Попробовал Зевс пить из ведра
Число с «пизром» бесконечным.
Вино, вина! Как полон путь наш Млечный.
Была весенняя пора,
Была вода, он воду пил!
Но бес в вино все обратил,
И отключился Зевс беспечный.
Ведь как они там, греки, пили:

Ведро вина на два воды,
А боги погулять любили.
Вот бог и влил «пиэр» в труды.
И после так козел смеялся,
Что эхо стлалось по горам.
Звала она, и он остался,
Да Стража пребывала там.
Изловит, хватъ – на суд царю
Его распутника, гонца.
«А ну их! – я им говорю –
Мы на посту! С того конца,
Из оппозиции мы, что ли».
Как скажут после всякой Власти
Любой значительности, масти.

* * *

И Прометей вернулся к боли,
К Скале, к Орлу, своей напасти.
Он веки узкие разверз
И очутился сквозь и чрез –
Ко льду когтями, что ль, примерз,
В цепях едва мелькнувшей страсти.
- Вулкан! – оклинул он. – Поди!
Скажи, я уходил иль показалось?
- Га-га, ги-ги! – тот взгрохотал,
И полетели вверх камня. –
Да так, наверно, ты устал
От моих высверков и рвенья.
И ты, как я, когда-то спал
И видел всякие виденья.

ПРОМЕТЕЙ *(переворачиваясь лицом к Страже)*.

Я уходил? И вы тут были?

СТРАЖА. Мы? Были, никого не били,

Мы титанических не бьем.

ПРОМЕТЕЙ (к Эдельвейсу). А ты?

ЭДЕЛЬВЕЙС. А мы? Мы – Красота на Высоте.

Льды тают, мы с них пьем.

ПРОМЕТЕЙ. За что мне нравится Зевес,

Так это, кажется, за то,

Что пнем не стал,

Когда на трон свой влез,

Рога не выросли у Зевса.

Не оскудев, не отнялась нога –

Ходить туда, где сладки берега.

Но знаем мы, кто был кумир у леса

И где к кому ступала та нога.

Титан! Рисуй свои картины,

Хотя на миг страданья затаились.

Кругом покой. Чуть синеваты льдины.

Снега, снега, замедленная тишь.

Да резь в глазах

От яркости, от Солнца.

Да звон в ушах

От этой тишины.

Чернеет день, само чернеет Солнце

От рези глаз, от резкости в тени.

Расстроенные, нервные мотивы.

Пейзажи, окаянности и зимы.

Круги, круги. О бедные оливы!

Как вы без нас? Да как без вас и мы.

Опять, боюсь, предначертанья лживы,

И мысль ужасна, и уста немы.

Страшусь переворотов и восстаний

В своей не мной придуманной яви,

Орлом истерзанной, в крови.

Еще ведь не сошел кумир, светило,

Ведь только его краешка коснись,
И сумерки во всем, что уже было,
Слагают песнь, что нам слагает высь.
Что наши дни, что ночи, что стенанья,
Что тыщи лет, что розы - это Жизнь?
По собственной душе чреда, скитанья.
Все боль, страда, гляди – не обнажись
Пред всеми. Таишь себя? Таись,
Таи удел свой и себя вельми,
Все тайно, что посеяла в нас Жизнь.
Зачем Зевесу знать твое такое,
Что ты взрастил во мраке и глуши?
Для них – Скала, и ты на ней героем!
Да, ты такой –
Для всех – титан, герой!
Но втайне, одиночество храня,
Ты только о себе и говоришь,
Что жаждешь не борьбы и не коня -
Мечте все виноградники сулишь,
Простую хижину и тот «пиэр» в ведре,
Что только что привиделся тебе.
Но смертный тебя видит на горе!
Живи и так, как люди, в горе
По слабости – греша,
По славе – на спеша,
А все нам виноваты люди, море.
Герой им нужен, чтоб свергать царя!
Другой им, может, даст чего поболе.
Давай себя венчать, давай моря качать,
Чтобы они раскачивались доле.
Швыряло рыбу прямо в невода –
На то вода.

Вулкан снова начинает поыхивать трубкой.

ПРОМЕТЕЙ (*беспокойно*). Поэта жду, а он не летает.

На крыльях мысль приносит мне одно.
Эллада расцвела, она уж доцветает,
Пока с друзьями пил свое вино.
Квадрат в кругу. «Пиэр» в моем квадрате, -
Какой замысловатый контрапункт!
Сам не уйду, пусть Зевс освобождает.
Но раз сказал, раз говорят цари,
Так, значит, надо ждать ее мне – Ио;
Рогатой Ио – это имя той,
Кого я жду! Чье имя знал,
Ни разу не назвал.
Мне Ио и Любовь! Мне Ио и Свобода!
А Зевесова жена, но без кольца,
Которая родит нам Ионида,
Вот он и сбросит соего отца,
Даст мне Свободу! Со Скалы свободным
Уйдет в судьбу титан ваш – Прометей
Свободно – возрожденный!
Что ль, вызвать к нам ее воображеньем?
Иль подождать, пока она родит?
Чтоб не спугнуть ее одним движеньем,
Не оттолкнув ни Ио, ни Харит.
Пускай танцуют, любят, облачают
В покровы снов и истину, и ложь.
Так хорошо. Пусть Керы полетают,
Не то за тыщи лет с ума сойдешь.

Появляется призрак Ио – в тумане, в облике рогатой коровы.

ПРИЗРАК ИО. Что скажешь?

Ну вызови еще, ну вызови!
Дай время, я тебя освобожу.
Все сделаю, что мне, титан, прикажешь.

ПРОМЕТЕЙ. Давно сижу, сижу давно.

И где Поэт? И с ним крыла Икара?

ПРИЗРАК ИО. К тебе лечу, сама к тебе хочу.

Появляется явственная, настоящая Ио, с колокольчиками на шее.

ПРОМЕТЕЙ Слышать бубенчик.

ИО. Боги дали крылья.

Сюда и принеслась к тебе, звеня.

ПРОМЕТЕЙ. Тут нет травы, тут снега изобилье.

Гляди же, не простынь тут у меня.

ИО. Пока, вся в мыслях, призраком стою.

Но час пробьет, и я тут стану всем.

ПРОМЕТЕЙ. Кому свои оставила «пизэр»?

Мне не до льда, не до беды,

Пусть пьют вино, гляди – следы!

Всю амфору на полведра воды.

Где Стража! Почему Вулкан ворчит?

Я так привык, я жертва у него.

ИО. Не говори, молчи им, Прометей!

ПРОМЕТЕЙ. Тебе лишь я не нужен как герой.

Тут, на Скале, как все я перед всеми.

Тебя в юдоли вижу я земной

Желаю быть с одной –

В Европе так,

А в Азии – в гареме.

Вот путь другой и подсказали:

Как из наложниц стать тебе женой.

ИО. Чего, кого?

ПРОМЕТЕЙ. Женой мучителя – Зевеса.

Хоть я и горд, а вот устал.

Да шутка ли, уж тыщи лет

На троне Зевс, и столько же я тут.

Его клян, клянуть не перестал.

Так вот же! Стань его женой,

Не то родится сын, а те убьют, того глядите,

А подрастет – вдвоем освободите.

СТРАЖА (*улышав*). Ого-го-го! Ого-го-го!

ПРОМЕТЕЙ (*на звук*). Вот птичка! Бдите, бдите!

(*Оборачиваясь к Ио, превращенной опять же в Призрак*)

Вот с нею и летите.

И Время торопите.

Призрак Ио исчезает. Прометей лежит без движения.

ПРОМЕТЕЙ. Какие нас виденья посещают,

Какие страхи, ужасы, миры

Сидят, укоренясь в нас до поры.

А ныне что-то вороны вещают.

Не яви, а исчадья Сатаны,

Подпущенные Стражей и Зевесом.

Свобода, что ж, прости меня, прости!

И так века держали взаперти, из интереса.

Наплывает мелодия.

«Черный ворон, ты не вейся

Над моею головой.

На добычу не надейся.

Черный ворон я не твой».

ПРОМЕТЕЙ (*шевели сухими губами*)

Орел мой звук и этот страж Орел -

Вот что за жизнь я приобрел.

Слова с мелодией издалека.

«Что же ты когти-то распускаешь

Над моею головой?

Иль добычу себе чаешь?

Черный ворон, я не твой».

ВУЛКАН (*молча, поыхивает трубкой, Прометею*)

Кто прилетал к тебе, герой?

ПРОМЕТЕЙ. А песню слышишь?

ВУЛКАН. А ты слышал ли про монтаж?

ПРОМЕТЕЙ. Тиресий, что ли, ты – провидец?

ВУЛКАН. И кто это сказал, не знаешь?

«Цари никогда не любили поэтов,

Поэты всегда не любили царей».

ПРОМЕТЕЙ (*шевелия губами*). «Черный ворон, я не твой».

За кадром издаലെка, как бы из будущего.

У Времени, может быть, главная мета

В Пространстве Земли и людей:

На книжках всегда рисовали поэтов,

На деньгах рисуют царей.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Та же Скала. Прометей сидит на Камне в своей излюбленной позе, подперев голову кулаком.

МЕРКУРИЙ. Весь мир пред ним во Времени, Пространстве,

В душе его едино заключенных.

Скала дает такое постоянство,

Такой невероятный мир, обзор,

Вулкан же стимулирует процесс

Одним своим присутствием, Огнем

Своим подземным угрожая

Скалу взорвать, Свободы дать глоток,

От какового Прометей уже отвык.

Орел терзает печень Прометею.

«В здоровом теле и здоровый дух», -

Так говорят у смертных там, в долине.

Тут, у титанов, это все не так.

Орел терзаньем сил умножает,

А это держит тело, не дает

Ему распастся, омертвев, исчезнуть.

И все же боль картины изменяет

В Истоках Мира, Жизни и Любви.

Глухие боли, выходя из тела,
Перемежают клубы душ, извивы
Безмерных черных мраков бытия;
Они, клубясь, Скалу обременяют,
Оставив лишь себя вершине Дня
Сиять снегами – Солнцем, Мыслью, Словом.
И, не достигнув пика, с острия
Они куда-то ниже упадают,
Через ущелья злых, кромешных мраков
В долину устремляются, где люди
В мечтах великолепные живут.
Огонь им дал материю - проникнуть,
Создать себе одежды, хлеб, жилье,
Держаемым возможностью мечтаний
Приблизиться к бессмертным, к олимпийцам,
К богам из окружения Зевеса,
Держась на расстоянии от трона,
От самого Зевеса, какой обязан ныне
Считаться с плебсом;
Они живут отдельно от всего.
Ты это сделал, жалкий Прометей!
Лежащий тут во стонах и отребьях,
Молящий втайне, чтоб Вулкан – злодей
Не сжег твою Скалу, где ты и твое тело.
У всех одна надежда – на Светило,
Родившее в них дух его, Свободу,
Какая не покинула его.
Вулкан хитрит, как побывал у Зевса,
Зевс, что ли, ранг ему повыше дал?
Приблизил к Власти, увеличил силу,
Из-под Олимпа огненную лаву
Сюда к нему подземными ходами,
Упрочив мощь, злодей, перекачал!

Убил как бы два зайца, слил два смысла
В один: из-под Олимпа, на котором трон,
Убрал опасность от себя, от Власти,
И тут угрозу для людей создал.
Вон как разбух, возвысился трубой,
Из ада непомерно курит.

ПРОМЕТЕЙ (*вслух*). Вулкан все этот! Окуривает

Нас двоих – людей; Вулкан и я,
Его отросток ада и Скала моя!
Для смертных выбор: ужасы, покорность.
Или, как я, тут, на Скале, терзаться,
Героем у людей считаться.
А жить когда? Жизнь строить, города.
Но Жизнь ни то и ни другое.
Свободы в выборе том нет,
Иллюзии вобрал в себя Поэт, -
Вот что создал Зевес –
Хитродержавный царь богов!
Царь – эхо, громовержец, иго!
Ни дед его Юпитер, ни отец Зевеса Крон не таковы.
Те царили в лоб, в натуре
Без лжи подземной, выгод.
Он всех, кто при Олимпе, приучил
Ходить не прямо, а кругами, вкось.
Не вместе все, а врозь.

Вулкан, приоткрывая один глаз. Затем прикрывая оба. Во лбу у него вспыхивает третий глаз – багровый, огненно-раскаленный. Вулкан начинает куриться, выкатывает глаза.

В закрытых, словно ватюю, ушах
У Прометея то ли тут, а то ли там,
Где Амфиарей в своих подземных недрах
Бдит обостренно, глухо, лично сам,

Ловя тут его каждое движение,
Внутри себя,
Снаружи отдаленны голоса –
Серебряные, серебристый ландыш,
В лесу дрожащий на крутом ветру,
К серебряному веку устремленный, -
Такое пенье будит, ужасает,
Уносит в сферы где-то над собой,
Неведомая музыка свисает
Из белого, цветного, вспышек звуков,
Идущих от предметов бытия
До мук души, от радости до горя,
Внутри каких отчаянье и бездны.
Серебряное пение с Поэтом
Ассоциирует череду рядов, тоску гармонии при этом,
Ложится в профиль, звукопись его
И какофонию всего,
И мучит дух, еще сильней дерзает
В несбывшемся, не в силах превозмочь,
Так вопиет утрами, так терзает
Войти в Скалу и растворить в ней ночь.
И Зевса профиль стонет и вздыхает,
Вдали мелькает.

ПРОМЕТЕЙ. Зачем меня ты мучаешь, Вулкан?

Зачем такие хвори насылаешь?
Уж пусть Орел меня совсем задолбит,
Чем ты, твой свист; молчишь, как истукан?
Тупым ножом жаль перерезать глотку?

ВУЛКАН. Предвестие, что скоро изольюсь.

Тебе-то что – топчи себе молодку,
Бояться надо смертным.
А вас, титанов, нам чего жалеть?
Вон твой двойник живет и в недрах, братцы.

Тебе Свобода – на Скале сидеть,
А мне – в свободе выразаться.

Появляется Жизнь вместе с тенью Поэта.

ЖИЗНЬ. Ты лжешь, Вулкан! На Жизнь не посягай!

На крайнее, чтоб угодить тирану.
Гармонию внутри себя взрывавай,
Ужасным Красоту не заменяй,
Не наноси, несокрушимой, рану.

ТЕНЬ ПОЭТА (*с голосом Жизни*). Что – Красота? И так несокрушима.

ЖИЗНЬ (*продолжая*). Идем, герой! Явились за тобой.

Взять со Скалы, пусть прекратится бой.
Ты Жизнь продолжишь где-нибудь в долине,
В прекрасном виноградном уголке,
Вином продолжась в Ио, в сыне.
Бог, покорись! Отдай себя Зевесу!

ТЕНЬ ПОЭТА. Не покоряйся, если ты – герой!

ПРОМЕТЕЙ. «Цари никогда не любили Поэтов,

Поэты всегда не любили царей».

ЖИЗНЬ (*исчезая*). Бог, покорись! Бог, по-ко-ри-и-и-сь!...

Пока возможна-а-а жи-и-знь!..

ПРОМЕТЕЙ. Что это мне – явилось, в самом деле?

Иль свист серебрянный донес?
Орла им мало, так терзать мне печень
Те Керы богомерзкие взялись,
Что они знают о душе моей?
Я, может быть, ослабил бы усилья,
Пресек гордыню волею своей,
Мне ветер дал в прямые руки крылья.
От прашуров лечу, который век.
Я раб полета, бог Свободы я,
Я не могу уйти от искушений,
Живу, от боли адской вопия,
С упадничеством да никаких сношений!

Иначе никакой я не титан
И не потомок тех, что вниз спустились
К Сакральному Кресту. Преобразились,
Волнами по земному потекли,
А мне оставили в наследство
Свое тут представлять мне детство,
Серебряные нити голосов
Из незабвенных царств и прошлых снов.

Появляется Власть (с тенью Первого мистика).

ВЛАСТЬ. Видал Зевеса? Только что мелькнул.
Меня послал, чтоб я тебе сказала.
Ведь это он Вулкану намекнул,
Чтоб тот сорвался, приоткрыл забрало.
Вулкан – дурак, но как слуга хорош,
Все в точности до чертиков исполнит.
Сам любит Власть, рад насладиться властью.

ПРОМЕТЕЙ. Ну что ж.

ВЛАСТЬ. А то ж, а то ж,
Что всю долину магмою заполнит.
Потоп устроит, смертных погребет,
Тебе не жалко?

Пауза. Серебряные свисты, свербя, лезут в уши.

ПРОМЕТЕЙ. А тебе?

ВЛАСТЬ. Ну, где ты видел Власть,
Чтобы жалела смертных?
А смертные, чтобы жалели Власть?

ТЕНЬ ПЕРВОГО МИСТИКА (*вслед уходящей Власти*).

В Аспазию собралась,
Вся наружу.
Муж ее – Труд,
Все завтра скажет мужу.

ПРОМЕТЕЙ. И ты туда же!

Все вы туда, ко всем.

То на Скалу, теперь вот со Скалы.
То просто бог, а то еще герой.
Я сросся с ней, я сам тут стал Скалой!
Зевс приказал, и я тут насовсем.

ВЛАСТЬ (*уходя, со всей строгостью*).

А все же покорись!
Иначе разбужу Вулкана,
Хоть смертных покарай.
Ты будешь виноват, все будет на тебе,
Огонь чрезмерный вырос от тебя.
Ну покорись, ну по-ко-ри-и-ись...

Власть исчезает.

ПЕРВЫЙ МИСТИК (*задержавшись*). Не покоряйся.
Титан остается один (в полудреме).

ПРОМЕТЕЙ. Я сплю еще? Мне кажется все это?

В мистическое ль красятся тона,
Но голоса, но голос сфер, Поэта –
Серебряная нить, сверхтонкая волна.
Она все громче, тяжелей, грубее,
Уже басы, уж трубы, как стволы,
Ревут вовсю, а рост цветов слабее,
Во все пространства входят Карталы.
Гром битвы, твой зубовный скрежет,
Металла звон о щит, о бронзовость войны,
Стрела взвилась, свое уж отлетала,
Надломленная посеред спины.
Отпела в ней, в колчане отсидела,
Отхлопотал и век, бронзовотел.
Эпоха от железа огрубела,
И люди отошли от высших дел.
Вулкан опять дымит в свою трубищу.
Уже не дым, а пепел от него.
Ложась на землю, ищет себе пищу –

Пока живых в каком ни до чего,
Живут себе в садах и виноградах,
Интриги свои мелкие плетут
И больно зреть мне мадригалы сада,
Смотрю туда – воспринимаю тут.
- «Как жалко их, - сказали мне сегодня. -
Всех тех, кому вручил ты огнивьё».
- «О смертные! Вы стали чуть свободней.
Все это ваше! – значит, и мое».
Все это так. Все полисы, дороги,
Причалы, паруса и корабли.
Все это помогли устроить боги,
Конечно, изменили лик Земли.
Но я из первых, от титанов Неба,
Кто направленья духу очертил.
Я подсказал им вкус вина, победы,
Я дал Огонь! В дух души обратил!
О Силы Высшие! Да как же мне не жаль
Моих детей, людей медноголовых.
Зальют долину, выжгут ведь Грааль,
Всю чашу изопьют, сорвут покровы.
Ушел алхимик! Мистик этот ярый!
Но в душу мне сомненья поселил.
И почему они хоть ходят парой –
С Поэтом Жизнь, Власть с этим, что без крыл?
Крылатые приговорены к ударам.
А сон летит по августу, по Ведам
От имени Аида, Сатаны,
О чем нам Заратустра и поведал.
Подумать только – Керы как взлетались!
Колотятся вокруг твоей главы.
Устои все ослабли, зашатались,
Ощерились шакалы, волки, львы.

Мистическое лезет из Огня,
Уводят Керы ад в поползновенье.
Еще одно, еще одно мгновенье,
И из руки вдруг вырастет змея.
На волосы Медузе и Горгоне
Змеища та вместе с Керами падет.
И там, где люди, где живет народ,
Окажется все в магме, воплях, стоне.
Мне жаль их всех. Все можно прекратить,
Пока оно еще не начиналось.
А то ведь магма может не остыть,
Остыну сам скорее, с горя малость.
Какие мне страдания Зевес
Предрек жестокосерднее
Всех прежних?
Приходит Мистик, тянется к ним бес.
Является орлиным мерам вслед,
Серебряному постуку монет.

Поворачиваясь к Вулкану.

Уйду! Спущусь в долины к людям!
Предупрежу, о бедствиях скажу!
Зачем я тут, кому такой я нужен?
Когда Вулкан пугает всех: сожгу!
Я по цепи тем камнем ударяю:
- Эй, Стража! Ты куда хоть? Подержи!
И поддержи, и огради Свободу с краю!

* * *

В ответ сквозь свисты ветра, как в пролом:
- Мы, Стража, канонических не бьем.
А вдруг...
- Что вдруг?
- Одно из двух.

Опять на трон,
Кто был когда-то не казнен.

* * *

И вот сквозь свисты ятагана,
Сквозь грезы голос из Вулкана:
«Нам вместо рук даны вот эти крылья
И вместо сердца плазменный мотор»

* * *

ПРОМЕТЕЙ *(так и опустясь на Камень)*.
Вулкан! Что слышу? Непонятно.
Хотя бы ты расшифровал.
А то, а то, а то абстрактно
Машину времени сломал
Тот бес, что Власть запеленал.
О Господи! Цепь держит нас века.
Уж лучше со Скалы упасть, пока
За Властью бросятся, - пропасть,
Сорваться, сгинуть, сгнуть, украсть,
Чем ты – Никто, когда беда!
Как знак подать? Низы обеспокоить?
Поэты смотрят ведь сюда.
Всех остальных там, может, больше вдвое.
Власть зорче охраняют холода;
Как к ним туда направить голоса –
Серебряное рвение Вулкана?
Как волосы Медузы на веса
Туда им сбросить – в Азию, в Европу?
Подобно лаве конной, ржанию и топу,
Чтобы узнала каждая страна,
Что тут зима, а там у них весна,
И к ним вот-вот ворвется Сатана

Прометей встает с Камня и становится перед ослепительно белой Скалой. Руки крестом откинута в стороны, цепи звенят.

ПРОМЕТЕЙ. Сакральный Крест! Крест Божий, Сокровенный!

Спаси людей! Дай богово воздать!
Не падай духом, памятник нетленный,
Чтоб каждый мог в нем Знак Беды узнать.
Горю на белом траурным крестом,
Готов на все для всяких достояний.
Все осеняю пламенным перстом –
Грядущее из мук, смертей, страданий.
Сплотитесь в Жизни! Чтобы что-то смочь.
Вулкан вот-вот зальет и вашу чашу.
Уж пеплом заслонило Солнце. Ночь
Перекроила злую долю вашу.
Рвет время в клочья, все отсюда прочь!

ВУЛКАН (*приоткрывая один глаз*).

Однако как оно сказало!
«Всех осеняю пламенным крестом –
Грядущее из мук, смертей, страданий».
В Зевеса целься, а держись меня.
«Вулкан вот-вот зальет и вашу чашу,
Уж пеплом заслонило Солнце. Ночь
Перекроила вашу долю, нашу.
Рвет время в клочья, все отсюда прочь!

Приоткрывая другой глаз.

За что, титан, спасти тебе людей?
Ты дал Огонь им – что они титану,
Прикованному вечностью к Скале?
Хоть плюнули бы на ладонь, на рану.

ПРОМЕТЕЙ. Чего мне ждать? Скала всего дождетя,

Когда они из бездны, из всего
Поднимутся - Пространства своего?

ВУЛКАН. Другого сотворят себе кумира.

А Власть чего смеется?

Что ж ты про Власть не скажешь ничего?

ПРОМЕТЕЙ. Какой ты друг мне? Зевсов раб, прислужник.

Мы с Зевсом, может, кровные враги.

Законы разные у нас – Поэтов нужных

И у земных властителей,

Из творчества смысл вывел Аристотель.

ВУЛКАН. Все эры разные.

ПРОМЕТЕЙ. Законность же одна!

В подлунном мире, в солнечном сиянье.

ВУЛКАН (*включая во лбу свой третий – багрово сверкающий глаз*).

Вот, погляди! А я тебя просил ведь:

Мир блюди! Всему, что впереди!

Из кратера вылетают камни, черные клубы дыма заслоняют Солнце.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Там же. Те же. Напротив друг друга – Прометей и Вулкан.

ВУЛКАН. Видал силищу! Будет еще хлеще,

Когда ты сам себя не переменишь.

ПРОМЕТЕЙ. Чего менять? Живем с тобой мы

По разным ведь законам –

От разного во зле и восхищеньи.

Тебе зло сотворить живущим

Раз плюнуть, удовольствие одно,

А мне страдать от этого,

Мученья претерпевать, одно мне на одно,

На собственные раны. Редкий случай.

Тебе и то, брат, нравится

Меня душить и мучить.

ВУЛКАН. Назвал меня ты не случайно братом,

Не ритма ради, красного словца,

А потому что тоже был когда-то

При Власти, в команде у Зевесова отца,
А через Власть приказывал и мне.

ПРОМЕТЕЙ. Какая Власть! Какой там Кронион!

Осколком был я всяческих идиллий –
От пращуров неведомых времен,
Они всегда мне голову мутили.
Вот почему Огонь я людям дал!
Поднял Поэтов, сам в народ ходил,
Возжег очаг, дорогу указал.
И Кронион в титанах прописал
Мое не элладическое имя!
Себя хотел поэтами прикрыть,
Как шкурой леопарда, трон покрыть.
Вот и Зевес, едва на царство влез,
Так все меня под трон, под царство, в лес.
Все домогался, сам там и остался.
Теперь вот на Скале своей сию
И слушаю граниты, их шептанья.
Повремени, Вулкан, что расскажу
Под лав твоих подземных клокотанье.
Чего скажу под водопад камней,
Из жерла до полнеба возлетевших,
Под пеплы, под щебенчатый поток;
Взлетят и упадут
На город, приютившийся к горе –
Ни там, ни тут, а где-то нас пониже.

ПРОМЕТЕЙ. Ты про кого? Подальше, как в норе?

ВУЛКАН. Везувий – дальше, Кракатау – ближе,

Весь век двадцатый он перемутил.
Вверг в войны, в беды, в хаос и проклятья.
Взял и взорвался ярче тысяч солнц
И небо от светила заслонил.
Пошли неурожай, недород,

Интриги, распри, род
Качнулся и загнил.
Ведь люди – дети Солнца, говорят.
Кому долдоню я? Ты, кажется заснул?

ПРОМЕТЕЙ. Ну да.

ВУЛКАН. Ну хорошо, все покажу, когда проснешься,

Поменьше и поближе к нам сюда.
Я покажу тебе Везувий,
Последний день Помпеи.
Страдания только душу освежат
Уснувшие желания разбудят
И в ад крошечный годы превратят.
Страх не исчезнет в изверженьях, в чуде.
Кому – котлы, что землю согревают,
А грешникам – где все они кипят.

*Отворачивается от Скалы. Ветры начинают дуть с моря, свисты сла-
гаются в голоса, едва слышимые, различные хоры. Это - Океаниды.*

ПРОМЕТЕЙ *(едва шевеля спекшимися губами)*.

Зачем вы тут? Вы – дщери Океана,
Играющие синевой волной.
Я знаю волю дядюшки-титана,
Он тоже ведь мне шлет привет большой.
Чтоб поддержать,
Приободрить бы морем!
Истолковалась по морю душа.
Волна с волной мне запахи доносит,
Крик чаек, альбатросов, рыбаков.
Послушаешь вас, хор Океанид,
Как от Вулкана, ляг и помирай.

ОКЕАНИДЫ ПОЮЩИЕ, ТАНЦУЮЩИЕ ХАРИТЫ.

Крепись, герой! Над кратером красуйся!
Эллада нас послала, Океан.

Несем немного соли, надо ранам,
Но много песен всяких, тан-н-н-...
А то, а то... ах, танцев, да?
Как отстрадался, так уже Никто.
С вершиной вместе.
Тут я перед вами,
Но говорю вам, кажется, не то.
Хоть не пророк, но Счастья сколько надо,
Ведь путь к нему, страданиям вопреки.
Вулкан замыслил страшное,
Скажите, чтоб знали все,
Не только Зевс да я.

ОКЕАНИДЫ ПОЮЩИЕ. Хитоны свои лучшие надели –

Для тебя, для тебя, Прометей!
Мы скользим по волне, по волне –
Для тебя, для тебя, Прометей!

ХАРИТЫ ТАНЦУЮЩИЕ. Скользнула сандалия

С лодыжки моей,
Плывет, как корабль по судьбе,
Эллада, Эллада, Ита-а-лия!
По всем направлениям к тебе!

ПРОМЕТЕЙ. Устал уж к вам прислушиваться, девы!

Устал любить, приглядываться к вам.

Вулкану. Послушай, дорогой, ты слышал их?

Ведь это пена – голос Океана.
Иль, кроме недр, не слышишь ничего?

ВУЛКАН. Мой Прометей, я все-таки мужчина,

Ведь женщины мерещатся и мне.
Все эти бредни, сны, вся их причина –
В твоей обременительной судьбе.
Уйдут они, я после них начну,
В себе тоску хоть чуточку развею,
По недрам завтра утром проведу –

Увидишь кой-кого, любую фею,
Такую цацу я тебя найду!
Из тех, с какими подвиг обретают.
Пусть Керы над тобой еще витают
И что-то неизвестное творят.
Земля как бы пирог меж двух огней,
Печется снизу и от Солнца сверху.
Какой Огонь из двух Земле главней?
Спи, отдыхай, прокручивай картины,
Чтоб утром был готов
В Огонь по грудь, в пучины.

ПРОМЕТЕЙ. Зло отмени! Перенесись подальше,
Долину лавой не сжимай.

Вулкан исчезает. Титан сидит, подперев голову кулаком.

ПРОМЕТЕЙ. И думы в круг, и думать надоело.

Идти в Огонь, на плаху, а зачем?
Боюсь за них, страшусь, - какое дело!
Боюсь, а ведь свободен, между тем.
Свобода в чем – не лезть, куда пихают.
В любой Вулкан, чтобы до тла сгореть.
Ведь им всегда все Власти не хватает.
Нас не зовет, когда сидит и правит.

Прометей перебирает звенящие цепи. Становится к Скале, руки по сторонам, образуя Сакральный Крест.

ПРОМЕТЕЙ. Смотрите все, которые внизу!

Решения он не переменял.
Вулкан взорвется, я предупреждаю.
Все! Я вас предупредил.
Бегите же, исчезнет Атлантида,
Тоска Земли под Океан уйдет.
И Понт Эвксинский со своим потоком
Взрывную силу вдруг приобретет.

Все Зевс народы метит, человека,
Чтоб взять в Огонь послушный и меня.
И мучит Гею он, так было век от века.
Тут цепью я сию один, звеня.
Энергию полезную Земли
Он превращает в бешенство, в рули.

ВУЛКАН (*очнувшись*). Стони, герой! Мне стоны надоели!

Свет Солнца – на Скале воспринимай!
Чтоб корабли на мель опять на сели,
Я дно им углубляю каждый май.
Придется покропить тебя маленько,
Посыпать пепелком тебя слегка.
Чуть-чуть над ухом котелок побренькал,
Глядь, у плеча уж сломана рука.
Не на века! Рука твоя срастется.
Все заживет, как на собаке,
После вина, питья и драки
Фортуна все же улыбнется.

ВУЛКАН. Дерзи, дерзи! Таил бы все в груди!

А то ведь переломчик, братец, жди.

Прометей в бессилии опускается на Камень.

ПРОМЕТЕЙ. То с Солнцем дни потоком лились,

То ночи с пеплом все, как одни.

«Куда, куда вы удалились,

Весны моей золотые дни?»

ВУЛКАН. Кто что сказал? Кому сказал когда-то,

Какая разница Земле?

ПРОМЕТЕЙ. Вулканом пыхает на кратер,

А ты, Вулкан, как в пыль залез,

Так в зле, в золе Скала насквозь!

Дым в облаке, с водой соединишь,

С какой-то пемзой, галькой серой врозь.

Ложится, превращая снежность в грязь.

Дожили мы! Как со Скалою серы!
Сбежала Стража, улетел Орел.
Зато не долбит в печень и от серы
Не видно граней, притупилась боль.
Все это вижу ночью я воочью,
Как сходят камнем снежности на ноль,
Что обещал Везувий, это точно,
К утру стереть. Кислотные дожди
Уже пошли, хорошего не жди.
Все валят, валят, валят, бесконечны,
От пемзы крыша пухнет на глазах.
И день как ночь. Хотя бы ветер встречный
Запутался в деревьях и слезах.
И все же сумрак, мраком обнажая,
Мешая свет с прогалом между туч,
Душа болит, судьбу изображая –
Потери рода, первородный луч.
Остановись, мгновенье! Ты ужасно.
И виноват не я, а ты, Вулкан!
Народ не вымрет, с волоска он пьян,
А будет смят он мыслью честной, ясной.

ВУЛКАН. Не обвиняй! Нас обвинять опасно.

Не люди мы. Нам надо, чтоб ужасно,
Прекрасное уж надоело нам.
Теперь не так. Цари и боги
Стали строги,
Уравновешивать добро и зло устали,
Как день и ночь, тем паче,
Как черное и белое на стали,
На бронзе века не иначе,
Дневное переходит в ночь,
И сутки прочь, живое прочь!
Все вспять пойдет,

Опять назад поскачет –
Лавина гордая времен.
Я вот тобою обвинен,
А ведь народ о том не плачет,
А Власть, а Зевс про то молчат.
Твоя Свобода не нужна
Голодным, сырым и больным,
Нужна холеным, трезвым, злым.
Когда такая вся страна,
Что ей Скала всего одна.

ПРОМЕТЕЙ (*вспыхивая*). Ты лжешь, Вулкан! Про Жизнь, про Власть

При Зевсе, на Олимпе!
Какую вы развили страсть –
В два горла пить, в три горла жрать, -
Такая мразь при нимбе,
Такая-то картина,
Где все равно придется пасть
Зевесу от десницы сына.

ВУЛКАН (*угодливо*). Не бойся, Прометей! Чего тебе бояться?

Героев мы не жжем,
Мы сами можем на костре сказаться.

ПРОМЕТЕЙ. Я уже слышал это где-то.

Ах, да! От Стражи к дате.
Других послушал – выдал за свое,
Зевс воспитал вас так.
Что говоришь – а что творишь?
Все пепел сеешь,
День превращаешь в ночь,
И сутки прочь, сереешь.

ВУЛКАН. Так ты не спишь,

Почив коротким сном?
Продленный вечер, сумеречность мыслей
Рождают часто сумеречность дня.

Ты тускл душой, и скоро из титана
Вот этой жалкой ветошкой станешь,
В отребьях превратишься в старика.
Лишь только цепи новыми заменят.
Им все равно – что солнца блеск и свет,
Что отблеск, что в цепях истертых
Куда бежать, зачем бежать?
Чернее ночи сумрак дня
Как раз из моего огня.
Поспи, вздремни, мой друг титан,
В чуть красноватом свете, чтобы
Смятеня не входили, злобы
В тебя, зачем?

ПРОМЕТЕЙ (*в полудреме*). Зачем? Нас не заметить чтобы.

ВУЛКАН. Светись, как днем,

В фальшивом облике своем!

ПРОМЕТЕЙ (*борясь со смехом*). Я не фальшив! И врать не научился!

К чему бы вы с Зевесом ни склоняли.

ВУЛКАН (*смеясь откровенно*).

Ишь, под Скалу, как мышь в круппу забился.

Сморило сном! Дух Керы вой уняли

И повели по дебрям, повели.

Ну что же, утолю твои печали,

По всем каналам лишним провели,

И проведем по страшным дням и постным.

Посмотрим, ветер, что ты за герой!

В лавинах недр победоносных

Сгоришь, как ферзь, как облак злой.

Мы этого позволить не дозволим,

Сначала сбор в долине проведем,

Где смертных завтра ж начинаем холить.

То крыши рушить, двери затворять,

То газами морочить –

Навечно. То пемзой тело крючить,
Получше как замучить.
Дремли и виждь, о Прометей,
Когда еще подобное увидишь!

ПРОМЕТЕЙ (*шепча сухими губами*). Мы узники! Мы всякое видали!

Когда-нибудь Власть еще будет
Просить прощенья у того,
Кого жестоким Керам
В долине той намерена предать.
И у меня, кумира их, титана,
От жалости к ним сердце разорвать.
Неужто это явь иль, может, дрема,
Все сумеречнее состоянье дум?
То белого, то черного основа –
Багрова чернокудрая подкова
Качается в глазах, в зло повергая ум.
Огромных яблок, ширящихся страхом,
Вмеща в то, что даже он, титан,
Еще не ведал за тысячелетья,
Румяна, покрывая ужас, лгут.
Лицо противится, не хочет видеть страсть,
Что Зевс с Вулканом всем предначертал,
Что Смерть грозит долине, этим смертным,
И надо всем склонившаяся Жизнь,
Над каждым она машет опахалом
Из перьев страусиных, чтоб хоть каплю,
Живительного воздуха вдохнуть;
И морщится в садах румянец яблок,
До суши выпивает сок земли,
А он у Океана молит влаги,
Чтоб тот пролил свинцовые дожди.
И тучи направляют злые Керы,
А сам он перевозчиком у лодки –

Ложится ниц в окно дырявой сферы,
Чтобы за Стикс людей перевозить
И пить все чисто до единой стопки.
Так в провиденьях у него, героя ночи,
И пролетают мертвые часы.
Ночь в день превращена,
А сутки – в ночи,
Где час длиннее, жизнь еще короче.
Та нить, какую Сатана
Геенны вяжет. Вот она –
Та нить, всего одна,
Другая Зевсу отдана,
Чтоб дергал тот, когда глядит Луна,
Когда Вулкан исполнит древнее сполна...
Так и лежал во снах своих титан,
Сходя с высокого на низкий.
Когда Вулкан отсюда вовсе близко,
Не дотянула руку - одалиска,
Ни до чего ей в этой группе риска,
Хотя и ты включен в их дерзкий клан.
На склоне дней иди, влачись за ней.
И ты – Вулкан! И ты – мой бог, титан!
О Прометей на склоне дней,
Тебе великий подвиг дан!
Создал себе, создай и ей
Свой тайный Ветер из Огней.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

*Прометей на Скале, стоит перед долиной раскинув руки Сакральным
Крестом с цепями, звенящими на ветру.*

ПРОМЕТЕЙ. Борьба во мне, меня все к людям тянет.
Туда, в долину, у подножья бед,

Куда из ненасытной тьмы утробы
Потоки лавы скоро потекут –
Огнедышашей, смертоприносящей.
А то назад, опять в нутро глядят –
В Вулканов ад геенны преходящей,
А там, внутри, гремящее ядро.
В борьбе Вулкан все время шепчет:
«Усни, умри иль самозащитись!»
И он меня кромешностью проводит,
Как коридором Власти и Огня.
Чаны везде и головы в чанах,
Уж Керы не витают в облаках,
Они тут в своих тесных, узких сферах,
Искросыпя, шипя и рассыпаясь,
По огненным безбрежностям лежат,
Себя в грехах великих очищают.
Катарсис да не тот, а несколько другой.
Те сферы огнедышаше дугой
В чаны себя вмещают, чем и избавляют
От всяческих мечтаний, прений, пут.
Вулкан ведет портретной галереей
По сероводородам Сатаны,
Уж не сюда ль бросалась Лорелея?
Сюда-сюда, с обратной стороны.
Гудит Вулкан, режут его утробы –
Унизить, уничтожить, запугать.
Чтоб все наоборот, от ада чтобы -
Свободное, земное показать.
Безлики Керы, все тут безымянны,
Тут правит магма, имя только ей
Дано не на закате страшных дней,
А когда выпьет, потечет пространно,
Уж лавой станет, конной лавой, Змей

Тогда Дракона имя сочетает с ней.
И странно. Рождают Магма и Вулкан,
А переваривают чаны и чины -
В чертей и бесов.
Все тут, кто был когда-то смертным наверху,
Шел против царей и всяческих законов.
Действительно, рождают их Вулкан и Магма,
А те – из промежутка Азии, Европы,
Аж жутко, – торчат их спины, руки, ноги, попы
Из чанов, как стрелы из колчанов, -
Молчат все тут, где ад, все лгут и лгут,
Что хорошо, а что еще?
Вулкан у леса пошептался с Зевсом,
Цари гуляют тут под ручку просто.
Вулканы Властью тут располагают,
Как быть и что им делать – знали, знают.
Вот и сейчас Вулкан в бок Прометею
Возьми и ткни свой вислозадый прут:
- Ложись в бадью ... вон ту, к Хемингуэю...
Пуста пока, не скоро ему тут...
Смекнул титан:
- А может, уже был он? В том двойнике,
Что тут теперь Никто?
Ответил Зевсу в образе Вулкана:
- Я лучше буду там,
Где Зевс нас приковал. А то...
- Чего «а то»? Не стронций.
- А то еще лет миллионов сто
Стой на Скале, хоть и под Солнцем!

* * *

И было жутковато Прометею –
Живому среди мертвых и геенн.

Вдоль их прошелся, даже не потея,
Лишь волосы трещали, страх и тлен.
За ноги, плечи, шею, взмахи, руки
Хватались обреченные на муки.
То Сатана, то Зевс в его обличье
К титану лезли, на ухо шептав:
«Очисти Скалу! Смени ее наличье,
Оденься в птичье!
Старик! Ты все, отхлопотал уж,
Свое отдал, воздал, оттрепетал.

ПРОМЕТЕЙ (*очнувшись*). В чану бывал? И превращен в Ничто?

И не вхожу в чужие атмосферы?
Рожден я авестийцами, а то,
А то вдруг отрекутся степи, горы
И Океан, тогда какой же я титан?

Поворачиваясь к Скале.

Как в Зеркало гляжусь!
Как отполировал
Скалу спиной
За прожитые годы!
За Жизнь свою, что тут была, видал?!
Но тем-то и горжусь,
Скала моя! Гранитные породы!
Хоть не очищен, но зато прогрет,
Проверен, заморожен, посвящен
И сокращен - весь мир передо мной, его пространства.
Всю Землю вижу, хоровод планет,
Все их сцепленья и непостоянства,
Но дух дрожит по слабости своей,
Все тянет вниз, в долину, к той подошве,
Где день последний будет у Помпей,
А что ж вы, боги, знали ведь, а что ж вы?
И пемзой сыплет. И внутри чадит.

И сумеречность. И тени все серее.
Как в зеркало, Скала в себя глядит,
И нет границ Пространству, Прометею.
Поэт, восстань, приди и помоги
Титану в его слабости, герою!
Казалось, бы Поэзия – второе,
Ничтожное, но хоть себе не лги,
Уж ты-то знаешь: чтобы у Скалы
В цепях держаться, высоко стоять
И в ветрах не оглохнуть,
Не вмерзать во льды, -
Антенной будь! Ты – небожитель с Солнцем!
Ты пьешь его, свет черпаешь до донца!

ПРОМЕТЕЙ *(глядя в огненный глаз Вулкану).*

Да, вот что мне печалью омрачает:
Багров дымок у кратера всего!
Вулкана Власть Жизнь с Керами венчает,
Вот он как взбух от этого всего.
Клубами пыли перекрыл долину,
Булыжниками Небо обложил.
Что живо еще, делает лишь мину,
Живешь, пока владелец крыши, крыл,
Порой жестоко ссоришься с Вулканом,
В цинизме распоясавшемся, в том,
Что говорит он, тащит в степь арканом,
Как конь ретив, как подловат во всем, -
А сам тупой, разнородный, лживый,
И ведь сказал, что поздно он встает.
Чтоб меньше быть с царем,
Пнем состоять при Зевсе,
Когда он зло планирует, напасти
Для равновесия слоев.
Вот люди к ним туда и попадают.

А рождены не для того, но шею гнут,
И как живут, как Жизнь свою кончают,
Не попадая в ее сферы тут.
Шмыгнул когда-то весь туда, без меры,
И вышел, приочистясь, помудрей
Из недр Гермеса, из владений Геры,
Где все дома без окон, без дверей.
Где равновесье, что оно, скажите?
Вот на Скале, все океаны вылив,
Пространство лучше видим, сознаем,
Земному – воздаем.

ВУЛКАН (*невольно*). Не обобщай! И с Зевсом не вяжись!

Вулканы, бедствия, народ –
Все сгреб в одно, в единый сброд.

ПРОМЕТЕЙ. Сам что творишь? И ведь творишь извечно.

Из недр берешь, из общего котла,
Продуманно, жестоко, бессердечно,
Ты людям причиняешь столько зла,
Ты – стержень Зла! Ты – ось его у Зевса!

* * *

Так высказался, будто взял и плюнул
На злой огонь подземный, цвета флоксов.
Вулкан за тем еще покрепче дунул
Да и забыл о нем, своим увлекся.
А Прометей во тьме жестокосердной,
Во снах и полуснах изнемогал.
И все искал в Пространстве знак безмерный,
Все с трона Зевса мысленно свергал.
Он, тучи разогнав, качал Скалу,
Ночь прогонял, наказывал Луну,
Что собрала к себе всю эту Мглу,
Что всех пригрела – бесов, Сатану.

Проснулся утром, а Вулкан как перст,
Стоит и чистит ноги о порог,
И Прометей, красоты окрест
Отвергнув, так ему изрек:
- Так вроде пеплом нас вчера посыпал?
И с серым тоном все вокруг связал?
- Так снег же ночью втрое больше выпал
И белый вид Скалы нам показал.

ПРОМЕТЕЙ. Спасибо Океану, он придумал
Урок дать Высшим Силам несвободы.
Чтоб ввысь взбирались, не избегая сходу,
Чтоб тьму включали, всякие народы.
Пространства, что внутри себя создал,
Связал я с Временем, с Землею по минутам.
Сам из себя я гения слагал,
Чтоб разобраться, кто чего напутал.
Какие связи дьявол извратил,
Чем естество земное развратил,
Где Индия, где Нил, кто и зачем к нему туда ходил,
Куда течет их Брамапутра?
Вот для чего нужна мне тут Скала,
Я – на Скале, и близко небо, звезды.
Чтобы душа могла стать силой грозной,
Тюрьма моя и стала многослезной.
Решают Зевс, Дух Времени, Пространства,
Нас заключая в четырех стенах.
Хоть Время вечно, да не вечны царства.
Ошибся, Зевс! Что понял я на днях.
Мне со Скалы Пространства развернулись,
Я их стократно увеличил в снах.
«Шумел камыш, деревья гнулись», -
Виденья, что ли, в песнь перевернулись,
Я обратил слова их, душу в прах.

Я вижу мир, каким он был всегда.
Все сочетанья, все углы паденья.
В одно связав их, я все на то направил,
Чтоб Землю, миг, охватывая разом,
Подчеркивать не смерть, а продолженье,
Чтоб волю свою, Жизнь свою и Разум
Отдать всем смертным, людям всей Земли.
Чтоб хаос, создаваемый Вулканом,
Его подземным бешеным огнем
Унять, распределить разумно мы могли.
Чтоб ночью спали, а трудились днем,
При свете Солнца, радости лучей,
Когда ты – богов, Сатана – ничей.
Периоды обозначены Землей,
Все дышит в ней, как и она сама.
В таком дыханье звуки возникают
От тренья и движения частиц,
А уже ритмы ритмику слагают,
Основу мира, Океанов, лиц.
Основ основа – Красота, гармония,
Порядок звуков с сочетаньем слов,
Свободно проходящая сквозь нас, -
Вот это музыка и есть,
Основа всех основ.

ВУЛКАН (*приоткрывая хитроватый глаз*).

А как же я – без Красоты живу?
А властвую ведь, всех в узде держу.

ПРОМЕТЕЙ. Ты – грохот, какофония, ты – Страх,

Им Красоты не надо. Их основа –
Изнанка Жизни, угнетенье духа,
Перекроитель граней ты, с каким
Всегда был холод, голод и война,
Обильно проливаемые кровью.

Ты – грохот, канонады!
Сказал, и сердце радо.
Однако, кто еще вам – это скажет?
Как камень, в сердце ляжет.

*Глубока, кромешина, аспидна ночь. Угнетенная влажность, прерывисты
всполохи молний. Едва слышимо ворчанье Вулкана. После длительной вспышки
глухо и темно в душе Прометея.*

Какие точки матери Земли
Я вижу разумом отсюда!
Какие тайны зреют, как угли,
Раскалены в предвосхищеньи чуда.
Как глубоки и странны сочетанья,
Неужто Зевс не ведал, что ни я,
Ни даже Крон с Юпитером не знали,
Что на хвосте царю несет его змея?
Хотя и знали, все свое он тянет,
Чтоб Власть держать,
Одним он кровь питает,
А другим дождь пить дает.
И жертвовать богам,
Самим свой яд носить на вые.
Вот Красота! Хоть может, и не та,
Как думается нам,
А все ж такие точки! Где-то у Перу
«Эрнинию» – божественный ребенок,
Течение холодное, собою –
Планктоном оживляет Океан;
На Рождество обычно так бывает.
И рыба тут кишит, и птица прибывает,
И инки Солнцу храмы воздвигают,
Цивилизация «Малико» процветает.
Но вот в течение двух десятков лет
«Эрнинию» не поднимает вод,

Божественный ребенок бога ждет.
И глад, и хлад, и жертвоприношенья.
Пустыня. Кровь одних, чтоб выживать другим.
Все рухнуло. Все сушу упрекают.
Или, наоборот, все Океан:
Зальет всю местность наводнением,
И весь разрушен план.
Сломался механизм Земли у стен.
И гибнут люди – миллионы тлены.
Война с людьми, все эти стоны, клоны.
А все от Солнца. Перекрылись вены
В день катастрофы оной,
И потому, все потому –
Свободы не хватило и ему.

Вулкан приоткрывая глаз, слушает голос Прометейя.

Скользнула у Хариты с полноги
Сандалия, божественно осталась,
На полупальце все же задержалась,
За полсекунды мимо пронеслась.
А где-то сушь, опасность не видна,
Но уж империя, страна обречена.
И где так было? - пораскинь мозгами.
В Египте Нил с завидным постоянством
Пять тысяч лет так разливался.
Но...

ВУЛКАН. Что «но»?

ПРОМЕТЕЙ. Иссякли воды – пал Египет.

ВУЛКАН. Так в Индии,

У эфиопов ныне –

Одно и то же, боже!

И ничего. А мне держи ответ.

Такие точки на Земле, такие зоны!

Меж Азией и Полинезией.

Случись там что, так хоть и далеко,

А маг всего дождется.

Так в теле человеческом:

В боку болит, а в пятке отдается.

ПРОМЕТЕЙ. И что?

ВУЛКАН. А то, а то!

Вот что мне люди в недрах говорят,

Тебе молчат.

ПРОМЕТЕЙ. Тебе – под страхом смерти что ни скажешь.

Так что она, твоя ил-лю-зия?

ВУЛКАН. Вулкан взорвался! Понял? –

Кра-ка-гау.

Как в Тра-пат-то-ни

Скачут сразу два мяча, когда атака горяча.

ПРОМЕТЕЙ. Мяч, меч, меча.

ВУЛКАН. А пылью небо застелило,

Всю Африку, Европу облегло.

Двадцатый век. Всего перемутило.

Вот динамит! Каков чертило!

Судьбу земную им и очертило!

В квадрат углами – помогло.

Вот и скажи, не правит Зевс

Землею ль сонмами, людей.

ПРОМЕТЕЙ. Ишь, как болтать-то научился!

Молчал, молчал и разразился.

ВУЛКАН. Я столько раз переносился

В любую точку, в пиршества,

В пролитье крови, в торжества,

Что, может, сам в себя влюбился.

А Зевс сиди себя на троне.

Свой трон сиди и возглавляй,

Себя на нем лишь представляй.

ПРОМЕТЕЙ. Постой! Чего-то все не то.

Чего же я тогда сию,
Скалу спиной шлифую,
Страдаю, мучаюсь, блефую,
Но ты мне друг ли - не скажу.

ВУЛКАН. Нет у властей друзей,
Есть интересы, а их подкидывают бесы.
Вот за кого и пьем вино.

ПРОМЕТЕЙ. Ишь, как заговорил.
Значение вулканов
Тут предо мной изобразил.
Твой Кракатау Солнце скрыл,
А править сам себе, без Солнца,
Ведь не сумел,
Что мы без Зевса!

ПРОМЕТЕЙ (*переворачиваясь на другой бок*).
Как все клубится! Пахнет серой!
Неужто расковался так Вулкан,
Что все сказал
Про Жизнь основ?
Иль это все продление снов?
Когда же повстречаюсь с Герой?
Все расспрошу. Не верю что-то, странно,
Что грезилось про связь все тех же снов
С Неведомым – другим, основами иными,
Своих ослов –
С чужими.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Та же Скала. Прометей на том же Камне в своей излюбленной позе, весь в копоти, черный с лица.

ПРОМЕТЕЙ. Я черным стал, как расу вдруг сменил
Стал вроде африканцем, эфиопом.

Таким бы мне перенестись на Нил,
Так походить по Азиям – Европам.
АЗИЯ (*появляясь*). Я тут! Услышала – пришла.
ЕВРОПА (*следом*). И я! Услышала – явилась.
ПРОМЕТЕЙ. Где будет больше войн, скажите?
ВУЛКАН. У Азии – была. Одна сплошная,
С равным промежутком.
В Европе – будут. Но на то Европа,
Чтоб выдавать за мир войну, себя.
Ты, Прометей, ушами-то не хлопай,
К войне мне приучать-то велено тебя.

ПРОМЕТЕЙ. Что скажете, великие подруги?

Ты – с Крыши Мира
И ты – где царь, Олимп?

Обеим сразу – Европе и Азии.

Мы – скромные служители эфира,
На двух работаем
С усердием одним.

Показывая обеим.

Глядите! Волны волнами текут.
Но как пришли, как сели на Олимп,
Так и пошли мы из легенд обратно к ним,
Туда, где Разум, – за бессмертием своим.

АЗИЯ. Как смертных нас качает.

ЕВРОПА. Крест сокровением венчает.

ПРОМЕТЕЙ. К истокам нас природа возвращает,

Туда, где Разум, там Свобода!
А где Свобода – Разум всей Земли!
Нас половину в войнах погребли.
Откуда взялись? Столько льется крови,
Побольше убивают, чем Вулкан.
Погоду мира на несгуду войн
Сменили; менталитет

С тех пор пошел иной –
От Разума Земли.
Следы коровьи ведут туда,
Где клан идет на клан,
Чтоб одному за счет другого выжить.
Железо из Земли сумели выжать,
Хотели на котлы его пустить –
Шурпу варить,
А бесы, их властитель Сатана
Давай в котлах варить еду другую,
Какую в битвах делает война,
Натягивая тетиву тугую.
Чтоб злей плясал на Керах Сатана
В сраженьях, в битвах, так ведут дела,
Котел такой устраивают, что ли,
Чтобы сварить поболее, жгут до тла,
Тут отвлекут, поменьше боли,
С другого края варят вволю.
В войне великой, на Земле Железной,
Какой еще когда-то только быть,
При женщине одной, но беспокойной
В котле шурпу затеяли варить.
Так про котел лишь намекнули,
Как те шатры свои свернули
Во мгле железной.
Зменный вал в степи безбрежной
Был учрежден на сотни верст.
Котлы, котлы, -
Драконов хвост.
И Карталы, и Карталы.
Где Хайра – наш живой источник,
Машину времени тревожу.
Кладу, как рыбе пеликан,

В мешок под клювом,
Морщу кожу.
Как обожает их Вулкан,
Со мной лежащих у Скалы.
И я маленько обожаю:
Тот ветер веет к урожаю,
А прах – к железу Карталы.
Дай только сгинет печь чужая,
Свернется по ущельям ночь,
В цепях Свободу обнажая,
Уйду, чтоб духом превозмочь
Свои иллюзии и мраки.
И опасенья, боли, страхи.
Спущусь туда, на дно долины,
Пусть сон продлится, день мой длинный,
День бесконечный, сон больной,
На Жизнь в неволе обреченный,
С кольцом Зевеса обрученный, -
Я не могу, не то со мной.

ВУЛКАН (*просыпаясь и сладко потягиваясь*).

Ты что там шепчешь, друг мой, друже?
Неужто за ночь стало хуже
Среди иллюзий и агоний,
Неравновесия и грез?
Следов не вижу я погони
Ни на Скале, ни на спине –
Следы угроз ничьих и слез
Из черных роз и эдельвейсов.
Ты черен, как по льду роса,
Глядящая на небеса.
Дрожишь? А в ухо – бейся, грейся.

ПРОМЕТЕЙ. Тебя я видеть не могу!

Задумал что на берегу.

В долине тихо. Явь во мраке.
А со Скалы сигнал идет.
Сигнал – когда взбреднут собаки,
Взорвется мир. Сейчас, вот-вот.
Будь проклят ты, Вулкан щербатый!
Перенеси, перенесись.
Все равновесья в ступе вкупе
С тобой, откуда ни возьмись.
А смута там, где всякий сброд,
Вулкан – где пепел и народ.

ВУЛКАН (*приоткрывая третий глаз*).

А Власть ты понял? Слушает ли вас?
А я как грохну - все мне на поклон!
И кто сидит да дым пускает,
Тот ставит голову на кон.

ПРОМЕТЕЙ. Ты в дерзостях - прямой,

Тебе открытый нет,
Зло умножая злом.
Ты делаешь то зной, то наводненья,
Где цепи рвут одни,
А сочетают звенья
Другие.

Но есть Властитель, он и над тобой!
Не Зевс, к какому ты взываешь
Из лицемерья, из борьбы с собой.
С ним, как и с Властью, ты игру играешь.
А ведь стоишь ты прямо перед ним,
Как божий перст, как херувим
И в то же время житель рая.
Что Зевс перед тобой! Я понимаю.
Одна гора его, хоть и Олимп.
Одна страна его, хоть и Эллада.
Одна эпоха, царство перед ним.

Скала и та ведь не его,
Она – моя! Отсюда мыслью я
Охватываю мир, так надо!
Свобода всех принадлежит мирам.
Как Жизнь, на каждого одна
Во всех, во всем, не только в нем.

ВУЛКАН. В ком, в ком?

ПРОМЕТЕЙ. В Зевесе, в лесе, в темном бесе.

Он царством лицемерно правит.
Вообразил же, что меня сломил.
Я – в сферах общих, на Свободе,
А он – всего Олимпу мил,
Врет всем, лукавит всем в народе.

ВУЛКАН. Хоть и лукавит, а все же правит.

ПРОМЕТЕЙ (*вдохновясь успехом Вулкана*).

Не думай, что Земля твоя,
Властитель есть и поглавнее.
Кто самый главный? Ни ты, ни я,
А – Гея!
Вам изменяет Солнце! Каплет кровь
С моих цепей не в Землю, а на Небо.
Скалу из серой сделал белой вновь
Всего-то луч какой-то, отпрыск Феба.
Главнее Солнца в мире бога нет!
Он всего главнее! Больше, выше!
Вот сослан за море Поэт,
Овидий...

ВУЛКАН. Тише, тише! Тут на крыше!

А то взорвусь! Так выйду из себя,
Что покажу, кто жарче всех в долине.
Все тянет не туда тебя,
Все мучишься, все мерзнешь тут, на льдине!

Вулкан самодовольно заглыхает.

ПРОМЕТЕЙ. Язык свой прикуси. Как вор в законе.

Не естеством рожден – из ничего,
Пыхтишь? А Зевс сидит себе на троне,
А ты работай, дурень, на него.
А ведь и он, и все друзья его -
От нег, самодовольства, силы Зла
Таких, как я, кто держит небосводы
И без каких Земля не без угла,
Хиты твои не принимая.
Хитер Зевес! Ему под сапоги
История в ее обличье новом.
О Прометей свободнорожденный!
Ра-ра, Бог Солнца, есть внутри, ей-ей!
К избитой клювом печени твоей,
К душе твоей больной, изнеможденной
Прибавился еще и этот Змей,
Какой вместо цепей, как Лакоону,
Грудь обовьет судьбой непробужденной
И кольцами цепей не по закону
Естественного
Давит и глядит,
Как червь сомненья гложет:
Кто что возьмет, а кто чего положит?
Едва унял Вулкана, усмирил,
Утихомирил нрав его капризный,
Чтоб не излился лавой, не сгубил –
При предпоследнем дне Помпеи – Жизни.
Лишь пеплом серым, серой покропил,
И то уж по долине никого.
Под крыши убежали, сели в ил;
Душа болит, а сердце тает.
Кого еще, любого не хватает,
С кем бы Огонь понес, тебе я мил.
Тут на Скале бесценен дух Минервы,
Вот-вот взорвется, что тут остается?

Дух сероводородный этой скверны
Проник уж, бьется
О клюв усердия Орла.
Сердца сердец, всеобщие дела!
Туда в долину с ним перенесусь.
Явись, Гермес! И покажи искусство –
Раскуй меня, не то с цепей сорвусь
И разобьюсь, и чтоб им было пусто!
Вулкан, мне свои недра показал,
И эти твои недра – в мадригал,
Зевес все врет. Все это ложь, сказал,
Где ни за что Вулкан его лобзал,
Всю его челядь, всех его придворных,
Что тонут в злате, роскоши, разврате,
Как нож по сердцу – каждому внутри,
Пока бедны, покамест не в палате,
А в плащ-палатке, словно гвоздь в двери,
На ключ запри, как ни мудри –
Вулкан такому кстати.

Позванивания цепью, Прометей подходит к краю Скалы. Как в трансе, спускается вниз, к подошве горы. Сорвавшись, висит на цепи над ущельем, Вулкан нижет громы и молнии над ним и под ним.

ПРОМЕТЕЙ. Сорвался бы, да боги на беду,
А то бы так и грохнулся о камни,
Обремененный тяжкими цепями.
По роковой долине я иду,
Усыпанной бульжниками, галькой
И толстым слоем пепла, шлака,
Как в преисподней, в недрах вурдалака.
Такою серой, сероводородом
Несет от павших птиц, коней, людей.
Кому в затылок врезался кругляш,
Кого душило ядами метана.
О мертвый город! Зевс – убивец наш!

Что натворил при помощи Вулкана.
Из всей семье никто, никто не выжил!
Молчит старуха. С год –
Как погребен народ,
Жестокие деяния судьбы.
Я представляю, как тут погибали.
Как воздух превращался в огонь и газ,
Как легкие всю эту дрянь вдыхали.
Мозги взрывались, как у нас сейчас;
Детей и женщин, стариков, мужчин
В тугие саркофаги одевали,
И тело выгорало изнутри,
Пустоты омерзительно зияли.
Так гибнут Керы в недрах у Вулкана,
В котлах геенных, Жизнь уходит в пыль.
Во прахи - прах, в бывшее – быть,
На плахе благ вот девушка,
Предлиная коса, –
Толкни ее, рассыплется в песок.
Красавица – роса под утро,
Опять все та же рифма – Брамапутра,
Мой ужас! Кто тебя извлек
Из мрака смерти, ада представлений.
Не Сатаной уж, а едва живым,
Оставшимся при чуде избавлений,
Едва не превращенных в дым, -
Стою один.
Вот что такое рок!
Порог и тот порок, пророк,
С каким Вулкан тут проявил свой гений.

* * *

Прошел за город Прометей.
Тут были виноградники, дороги
И хижины для тружеников многих,

Им Прометей и высказал, как строги
Огни, и, если повернуть,
Пророки и пороги,
Каких никто не мог перешагнуть.
Как убегали, так тут и лежат.
И лишь один чуть ногу тянет, стонет.
Лежит в ружьё,
Жарою выпитой в ложбине.
Да кто же он? Там этот призрак твой?
Двойник лежит на льдине. Мой!
Ртом в пыль! Туда, в ручей!
И крылья рядом, взяты у Икара.
Летел к Скале, а тут упал – ничей,
В ничьих пространствах, млея от пожара.
«Подумаешь, Поэт! Сгорел, и все!» –
Вулкан ему сказал бы. –
Вон мастера какие! Воины, жрецы!
Вся карусель! Чтецы!
«Вначале было Слово или нет? –
Ответил бы ему он, дабы схода
Связать хоть как-то всякие концы
Поэтов в иерархии народа
Там, где и размещается Свобода. -
Придется Жизнь всю заново рождать, -
С Поэтов, со Свободы начинать!»
Поэта Прометей в руках держал,
Клал голову на острое плечо.
Откуда только взялся тот кинжал,
Что тот Поэт недавно обнажал?
Примчался на пожар. Икар дерзал!
Когда летел на Солнце, на Скалу!
Не ожидал от дня такого дара,
Таких проклятий не желал бы Злу.
Вулкан! Ты – автор, ты глава пожара,

А я, огнем их полуобессмертив,
Героем сделал каждого, поверьте.
Все злость твоя, твои дела и бесы
Перечеркнули страсть мою нести
За всех былые муки ада.
Живи надеждой, будет хорошо!
Что ж ты, Вулкан,
Такая вот громада,
Чихнул, рыгнул, ругнул, давай еще!
Героем звал, в друзья мне набивался,
С заветною вершиной не расстался,
С моей Скалою рос не по часам.

ВУЛКАН. Скажи еще спасибо, не взорвался,

А то ты был бы там, где все, и сам.

ПРОМЕТЕЙ. Скажи, кого хоть тут я представляю

Своим обличьем конским по уздцам?

ВУЛКАН. Умойся снегом, кровью запрещаю.

ПРОМЕТЕЙ. Какая кровь! С людьми сгорела там.

Прометей озирается вокруг, отстраняясь, как от кошмаров.

ПРОМЕТЕЙ (Вулкану). Я долго спал? Чего ж не разбудил?

Такое мне приснилось – просто ужас.

Спасибо лаву на людей не лил,

Вовсю я дул на город этот, тужась.

Я город лучший выстрою из снов,

Как выстрадал уж веру смертных в Счастье.

А ты, а Зевс твой жалкий – без гробов

Людей хоронит, тело рвет на части.

Ревь и стогнь!

Кому поднимаешь ты Огнь!

СЦЕНА ПЯТАЯ

Та же Скала. Прометей сидит на Камне в своей излюбленной позе.

ПРОМЕТЕЙ. Смотрю в Поэта - вижу пустоту.

Да был ли мальчик, был ли сам Поэт?
И был ли я у тех вулканных бед,
Что натворил лукавый мой сосед.
Глядел ли, видел жуть людскую ту?
Орел меня за цепи воздымал
Сюда, на одинокую Скалу.
Он в клюве цепь звенящую держал,
А я хвалил за это – за хвалу,
Какую он погибшим воздавал
Сквозь камень слез, пока дремал Ваал.

Замечая кого-то за Скалой.

Ты возникаешь? Тень твоя иль сам –
Двойник мой безутешный?
Я говорю, и по твоим устам
Слова текут, как я страдаю, грешный!
И как один, и как бы раздвоен,
С Поэтом я и без Поэта, мага.
Под знаком Рака скрыт и затаен
В снах Сатаны, по катакомбам мрака.
И все же, Призрак Слова, расскажи,
Как ты попал в последний день Помпей?
Как пересек чужие рубежи
Как оказался под эгидой Геи?
В предначертаньях Зевса, у меня,
В стихиях Зла, подземного Огня?
И как ты падал, как седлал коня,
Кого винил и умирал, вина?

ТЕНЬ ПОЭТА. О Прометей! Прости меня, прости!

После тебя вернулся я в Элладу
И, написав какую-то балладу,
Ее хотел я Зевсу отнести.
Поднялся высоко я на Олимп,
Где сам Зевес, где все палаты, боги
Сидят по-благородному. Прилип
К столу – избиты камнем ноги.

Зевес такой, владыки все такие,
Они поэтов держат при себе,
Сосут их кровь, все их мечты благие
В себя переселяют. При себе
Тебя, покорного, содержат. До ничтожеств
Тебя доводят, пой им свое, выкладывай,
А совесть, а совесть душу гложет,
И Слово убегает из нее.

Да был ли мальчик, был ли этот транс?

Всю душу вынул, высосал Зевес.

Какой-то называют это – стресс,

Какой-то называют то – миманс.

Гигантский стресс – от трона прямо в лес

К дубам, оливам, соснам, к богу, лаврам.

Сбежал туда и крутится, как бес,

Бежит, как пес, по твоим снам и лаврам.

Поэт у трона бесовством объят,

Зевеса подпитает, подновит

И ждет карат себе среди всяких див,

Как на ладошке линии олив,

Все ждут, когда вина ему нальют,

Когда он говорит, когда он тут.

ПРОМЕТЕЙ. Так опуститься, ты ж Поэт!

Рожден Свободным!

Двойник мой! Был ты там или нет,

Тебе, же все равно, мой друг, -

Скажи на милость!

Я даже и представить не могу,

Кого вскружил ты в Зевсовом кругу.

А что ж сюда про то не доносилось, -

Скажи на милость!

ТЕНЬ ПОЭТА. Доверенные так себя ведут,

Доверенным доверена тиара.

Но лишь при мне его хулить начнут,

Сгораю я, как город от пожара.

Велят и мне пройти по Прометею,
Свергателю богов, Скалы, Свободы,
Хулителю бесовскому да в шею его, в шею!
И – в кандалы!
«Какое бесовство? – сказал им я. –
Бес черен, Прометей же белый, белый!
Сын Света, Солнца! Благородный, смелый!
Не как под ним какая-то змея
И, грешный, я!»

ПРОМЕТЕЙ. И ты?

ТЕНЬ ПРОМЕТЕЯ. А то. А то.

Поэт другой там,

Я – Никто.

ПРОМЕТЕЙ. Как Одиссей.

Иди и сей, иди – работай.

ТЕНЬ ПОЭТА. Вот я к тебе и прилетел

С моей заботой.

ПРОМЕТЕЙ. Забота общая у вас,

Такое горе!

Сожгли Помпею среди нас,

Хотели – море.

ТЕНЬ ПОЭТА. Я к ним бежал,

Я к ним летел,

Чтоб их предупредить.

Попал в обвал, в обвал попал,

Один остался жить.

ПРОМЕТЕЙ. В бессмертье метил, вот и жив.

Видать, не так уж плох.

Не перешел еще межи

И капельку продрог

ТЕНЬ ПОЭТА. Прости, Поэт, меня прости.

Прости, Поэт, поэта.

ПРОМЕТЕЙ. Когда б по донцу поскрести...

ТЕНЬ ПОЭТА. Прости, мой брат, за это!

ПРОМЕТЕЙ. А ну попробуй посвисти,

Верни мне серебро.
Что потерялось, где найти?
Попробуй к музыке свести
Тот свист его на полпути –
И самого Поэта –
В сияньи нимба, света.
Увидят и услышат боги – простят дороги,
Какими в терниях идем.
Хоть каплю серебра вдвоем –
В одно с собой кладем.

Ветры начинают дуть, посвистывая в щели сырой Скалы. Возникает серебристое пенье в снегах и людях, в высшей материи, в анналах истории.

ПРОМЕТЕЙ (окончательно просыпаясь и отряхая кошмары ночи).

Вот так тут и живем
В потоках дня.
О мое Солнце! Вдохнови меня!
Как ты Бодлера вдохновляло
И создавало перевод.
Умру, когда тень мадригала
И в нас тот век переживет
И только так тебя поймет.

КРАСОТА. «Прекрасна я, как в камне спящем эхо.

И кто-то пал, ударясь мне о грудь.
А в ком Любовь, тот создан для успеха.
Он – мой Поэт, он – вечность, Млечный путь.
Парю в лазури, лебедь молодая,
Белее снега, холоднее льда,
Я – Красота, недвижна и горда я,
Слеза и смех, - я выше их всегда!
Они сожгут себя, мои поэты,
В трудах души, во цвете своих дней,
Чтоб только я питала их сонеты,
Во имя благосклонности моей.
В два зеркала возьми и оглядись:
Прекрасен мир, покуда длится Жизнь!»

Прометей сидит на Камне в своей излюбленной позе. Появляется рогатая корова Ио.

ПРОМЕТЕЙ (*отпрянув*). Чур, чур меня! Кто это, - Ио, ты?

ИО. Шла вот по Млечному пути,

Паслась где – не поймешь,
Да вот зашла к тебе, как ты?
Кто тут, кого пасешь?
Гуляла звездами за Солнцем,
По травам и кустам,
По козерогам, ракам - стронция
Поднабралась я там.

ПРОМЕТЕЙ. А сын твой где? И что Зевес?

Ты, говорят, жена,
С Зевесом ныне ходишь в лес,
Зеленый пан все в душу лез,
Но ты совсем одна.

ИО. Мне силы высшие даны,

Женой велели быть,
Чтобы родить от Зевса сына,
Тебя освободить.
Живу с царем, теперь – богиня,
Вот крылья и даны.
Хожу по Небу – звездам, линиям,
Считаю Зевсу дни.
На троне с ним сидит другая,
Зевеса первая жена.
А я, рогатая такая,
До звезд низведена.
Хожу по ним, навесив ведра
На острые рога.
Качаю туки свои, бедра,
И топчет пыль нога.
Вот видишь – ведрена погода,
Хоть ведра вешай, что ль.

Острее месяц год от года,
Луна все та же, боль.
Хожу под Солнцем и Луною,
Травлю свои луга.
Зевес все там же, подо мною:
Интриги, балаган.
Придворных по ранжиру ставлю, -
Не по родству, уму.
А то умру, чего оставлю
Тут сыну моему?
А ты чего к богам не ходишь?
В цепях сидишь тут зря.
Без крыл – летать уже не можешь?
Мы – боги, нам без крыл нельзя.
Я жду тебя, бывало, ночью,
Сады тобой напоены,
И вижу так тебя воочью,
Превозмогаю сны.
Ни сам Зевес, ни все проныры
Зевесова двора,
Не проникают в те порфиры,
Что держат до утра,
Что наше, что всегда любимо,
Что называется Любовью.
Луна опять проходит мимо,
Еще одну готовлю.
Так и живу с царем Зевесом,
А вести шлю тебе.
Все, все рассказываю бесам
И ничего себе!

ПРОМЕТЕЙ *(усмехаясь)*. Какая верная жена!

Какие интересы!
Какая подлая Луна
Нам посылает стрессы!
Как рогом ты увлечена,

Поэта ночью любишь,
А утром верная жена,
Царя и царство губишь.

ИО. Зевеса – да, а царство – нет.

Люби меня, титан!
Ты – бог от Неба, Небом дан
Тебе твой титул, бред.
Уж Зевс держать тут, на Скале,
Не может, дерзкого, тебя.
О Прометей! Вперед, алле!
Ходи в мой сад, летай любя
В мою серебряную сень,
В мою магическую лунность.
Мелькнет за садом чья-то тень,
А мне все чудится трибунность
Твоя в цепях, на той Скале,
Откуда духом, Прометей,
Ты ходишь по Земле!
Сходи же, приходи скорей!

Ио исчезает.

ПРОМЕТЕЙ. Она ушла, корова, гордо
Идти по Млечному пути,
Носить наполненные ведра,
Ритм риторически вести
По платоническим затонам,
Соединенным с суетой,
Морганатическим уклонам,
По травам белым и зеленым,
По Жизни - сложной и простой.
Я не сказал ей, а зачем? –
Что крылья есть, желанье тоже,
А не могу ведь, между тем,
Снять цепи сам, унижить божье.
Сидел бы Зевс и думам предавался.
Сказал не то, а он ведь царь богов.

Вот и считайся с Геей, как считался,
Знай, распорядок на Земле таков.
Как только Власть, Олимп ослабнут.
Ужесточиться может Жизнь,
Дорога делается круче.
Не наступи, титан, на грабли –
Возьмется град, взметнутся тучи,
Чтобы осесть навроде
Бытийностью в народе.
Но с трона не сойдет Зевес –
И царь, и сын острожит.
Ведь сам на трон когда-то влез,
Так нам вещает от небес,
Помазник наш божий!
О, Ио, не смущай героя!
Герои не на то, чтобы смущать,
А чтобы свою душу помещать
Недалеко от Бога.
Зло Зевса, что же, вижу, вижу,
За то и Зевса ненавижу.
За боль, мне причиненную,
За Зло для всех людей,
За униженье положенья,
Всех звезд моих расположенье
Из поколения идей.
А дай стрелу – не выстрелю,
Не буду!
Зло помножать,
Свободу обижать,
Но злым на Зевса буду!

Прилетает Орел, садится на печень, начинает копаться в ней клювом.

ПРОМЕТЕЙ (*морщась от боли*). Три тыщи лет

Долбит, долбит, долбит!
Орел не бог, уж мог бы помереть,
А кровь чужая да чужой обет

Сил прибавляют палачу и лет.
Уж сколько их, уж возраст свой забыт,
Уж невозможность сыплется с него.
Но, забывая старость, ветхость, бдит
Орел мой вживе, как аббат Прево.
Опять машина времени включилась,
Грядущее отсчитывает мне,
Орел таков, как клюв, скажи на милость.
Долбит меня - мурашки по спине.
За что любить Зевеса мне!
Он мой тиран, мучитель!
Огня беспрекословный бог и царь!
Ты тоже, Прометей, воитель,
Сиди себе, на Солнце плечи жарь,
И где твоя обитель?
Какую посещают мраки,
Кошмары мнятся и миазмы,
Ночами ходит Сатана;
Чтоб охладить энтузиазмы,
Уж сфера новая видна.
По зрам Солнце, светом перейдя
Мои богоподобные жилища,
В тень загоняют ужас ночи, дня,
Среди которых серебро мы ищем,
Свист ветра, отзвуки Огня.

Поворачиваясь к Вулкану.

Вулкан, к тебе чего никто нейдет?

А все ко мне, как видишь, все ко мне.

ВУЛКАН. Я сам хожу, куда мне надо, вброд.

Река твоя из-под меня течет.

ПРОМЕТЕЙ. Предчувствую, опять они придут,

Какие-то великие сто женщин.

Там у Зевеса паутину ткут,

А тут бы все свисало бы на вещем.

Вот-вот мелькнут. Что им скажу в ответ?

Чем поверну их в слезы грозы, розы?
Устали от войны, от всяких бед,
Хотят прилечь к поэтам под березы.
А те не любят женщин – им Вулканы,
Им кратеры, им подавай полет.
Ждут время на зализыванье раны
И женщину, которая поет.
Серебряные посвисты слышны
И голоса почище серебра.
Висят оливы, попевают вишни,
В садах тревога, голосами свыше
Исходят серебрами из добра,
Хотя и светоносны, так лучисты
Во мгле цветистой, спать тебе пора.
О Прометей! Устал и ты
От призраков и фей.

Появляются Европа и Азия, завершая спор.

ЕВРОПА. Да что ты, Азия! Что грех твоих историй!

И Заратустра подселен ко мне.
Твоих презрений, мемуаров – море
О раннем христианстве, Гиркане.
А что твой «черный князь»?
В чем с авестийством связь?

АЗИЯ. Лопе де Вега! Покороче – Лопе

Сгорел намедни в творческом огне.
Живут в своей задрипанной Европе,
А за бессмертием бегают ко мне.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Трон на вершине Олимпа, Зевс на троне. На лестнице, ведущей к нему – приближенные, Ио сидит рядом с царем богов.

ЖИЗНЬ (*выступая вперед, Зевсу*). Сказали, что Вулкан унес немало.

И на тебя указано перстом.

ЗЕВС. Так смертные же,

Временно у нас тут.

Не на совсем. Не боги.

ЖИЗНЬ. Царь Зевс, вы очень строги.

Без подданных останетесь, боюсь.

ЗЕВС (*наклоняясь к Ио*).

Нам женщины еще понарожают.

Да, Ио? Однако скажем

Вулкану: все-таки нельзя

Подряд всех смертных, так нельзя!

Что скажете мне вы?

Указывая на приближенных, стоящих по Правую сторону лестницы.

Вот вы! Моя опора.

ГЕРМЕС (*кланяясь в пояс*). Да куча вздора!

ЗЕВС (*ободренно*). А все тот Прометей! Там, наверху,

У той Скалы – сидит и воду мутит.

Кузнец, ты плохо приковал титана.

Глаголит много, извращает сути.

Проверь-ка цепь, задание дай Орлу

Для устранения изъяна, - верно? –

Чтоб состоял при печени всемерно!

ЛЕВОЙ СТОРОНЕ НА ЛЕСТНИЦЕ. А вы что шлете на Скалу?

Вину ему вменяете какую?

ГЕФЕСТ (*выступая вперед*). Зачем же так: «задание – Орлу»,

А всю вину валить на Прометея?

Вулкан мы проглядели, не иссяк.

Проснулось Зло в злодее.

Вот и сказался мрак.

ЗЕВС. Ну-ну, полегче, все-таки Вулкан.

И ты тут все-таки на лестнице, при мне.

Хоть ты и слева, а сказать бы мог

Не так как палкой по спине.

Не то, что справа, -

Моя держава.

Однако прикуси язык.
Я знаю, кто вам Прометей
И кто на цепь его решал,
Аки собаку, посадить.
Но я велик, что и велит
Тебе, Гефест, прощать.
Ты тоже бог, ты строгий бог,
Решай, как быть?

Обращаясь к правой стороне.

ГЕРМЕС. О царь! Ты прав,
Нам надо укрощать свой нрав.
А то такого нагородим!
Себя же за нос водим.

Голоса снизу лестницы, неизвестно чьи: « Кузнец Гермес опять пролез»

ЗЕВС. Ну, вот и все. С Вулканом так,
А с Прометеем еще глянем.
Когда в другой раз не устанем,
К Скале вернемся мы. Итак,
Чего еще?

МЕРКУРИЙ. Да Ио что-то тут сидит,
А где царица?

ЗЕВС. Та уже спит. А эта – львица!
Видал, как рог ее востер?

ГЕФЕСТ (*ворчливо*). Таких в костер! Еще чего-то натворит.

Ты добр, о царь! Как Крон был встарь.
И где теперь твоя бабушка сидит?

ЗЕВС. Опять про Крона! И не поминайте мне,
Такого имени не знаю.
Есть даже пятна на Луне,
На Солнце нет, считаю.

За шумела, заговорила вся лестница – и справа, и слева.

О ты, великий! Так велик,
Как только Солнце нам велит
Тебя тут славить!
Еще на срок оставить!

Отдаленные голоса с лестницы, неизвестно чьи и откуда.

Кузнец Гермес опять пролез.
Какой же хитрый!
Кривой и разбитной, элитный.
Сидит в оливах средь весны,
Еще не натащился из казны.

ГЕФЕСТ (*упорно свое*). А сорок первый бродит босиком!

По снегу прямо косяком!
Все пяткой снега метят.
А тут считайся чудачком
С мудрейшими на свете.
Вот увидал и что сказал - торчком?
И нехорош уже, заметим.

ЗЕВС. Вот видишь сам, как я велик.

Ты нас хулишь, а мы все терпим.
Не правду ведь сказал старик,
Неправда!

ВСЕ ХОРОМ. Неправ, о да!

Туда-сюда!

ИО. О царь! И мертвый рассмеется,

Как тебе это удастся?
Смешить, когда такое горе –
Народ все меньше, что ни год.
Вулкан грозит и сохнет море.

ЗЕВС (*вставая и ударяя посохом оземь*).

А все нам этот Прометей –
Всего причина, вот злодей!
Кто красит в мраки светлость дней!
Кто вывернет такое Слово,
Что разболится голова,
Дрожит основа!
Свободу соберет в кулак,
На Камень сядет в размышленьи,
Чтоб каждый видел, как дурак,
Мол, что-то тут у нас не так.

Есть что-то, но – без продолжений.
На этом все. Нас ждет Олимп,
Чтоб взор с вершины насладить,
Чтоб путь наш в сторону не сбился,
Пойдем на край свое испить,
Да чтоб кадык не завалился.

ГЕФЕСТ (*упрямо*). Здоровья вам, подолее сидеть!

Однако только Гее – земным владеть.

ЗЕВС. А Гея ведь богиня тоже. Кстати,

Меркурий, брось Гефесту меди –

Монету с профилем меня

Под Солнцем

Выбить

Среди дня!

Весь двор вытекает вслед за Зевсом. У трона остается Ио с Гефестом.

ИО. Подумать только – где и кто я?

Зевс рыжий, маленький, рябой.

Не нужен мне ни трон, ни что другое

В объятьях зла...

ГЕФЕСТ. Само собой.

ИО. Пойду бродить по всем пространствам –

В Египет, Финикию, снова

По Эфиопии, по морю

По Элладийскому пройдуся,

По островам, дорогу вторя,

В корову снова превращусь

С рогами, выменем, хвостом.

ГЕФЕСТ. Я не о том.

Конечно, море Ионийским

Недаром будут называть,

Но этот путь считаю низким.

А с Прометеем как нам, мать?

Свою последнюю надежду

Лишь на тебя да Ионида

И возлагает дух мятежный,
За всех страдающий, невинный,
Богонесущей чистоты.

НО. Да знаю, что я потеряю!

И что потом приобрету.
Живя с Зевесом, пустоту
В себе всемерно ощущаю.
Все отдаю своей идее, -
Скалу разбив, освободить
Великий дух от пут злодея,
С людьми хочу, с титаном быть.
С тем, кто принес живой Огонь,
Кто, содержанием наполнив
Такую форму, что хоть стонь,
Хоть плачь, морские волны
Перешвырни за Океан.
Лишь Океан с богиней Геей
Примером единенья дан,
Любовью беспримерной грея
По всем морям и континентам,
Архипелагам, островам
Пройду я не одним моментом -
Полжизни этому отдам,
Чтобы заполнить пустоту,
Дух удержать, любимой стать,
Да тем себя и укреплять.
Все сыну дам начистоту,
Чтоб Прометея обожать,
Чтоб Ионид не свысока,
А снизу ввысь, как из провала,
Глядел на вещь Скалу,
И чтоб его рука метала,
Звон серебрястый издавала.
Почти неслышимое пенье,
Не выходя из серебра,

В небытие звало, в сомненья,
В соединения движенья,
Что, как из птичьего пера,
Преображалось в знаки слов
На глине, камне, в мертвом виде
И выделяло дух основ
И поселялось в Иониде.
Чтоб создавалась в сыне сила,
Что Прометея выносила.

ГЕФЕСТ. Спасибо, мать! Гефест, ветрило!

Появляется Океан. Ио и Гефест, насторожась, умолкают.

ОКЕАН (*прихлынув*). Не бойтесь Океана! Ого-гого-гого!

Я, как и Прометей, титан известный.
Из старых я богов, богов, богов!
Проверенный и тоже честный, честный.
Я – брат отца, я – дядя Прометею,
Люблю я ритмы более всего
И в песнях я их предпочитаю -
Те ритмы более, чем рифмы,
И даже Зевса самого.
Я ритмами одну лишь букву «ф»
Из рода Зевса напрочь выбиваю
И буквой «Т» в том слове заменяю,
И вот другим оно уж стало, знаю,
Опять коровой мудрой стала Ио, знаю,
Опять рогатой стала эта Ио, знаю,
Опять корова обрела рога.
Вина влила в рога – то в тот, то в этот:
«Вкушай, основа! Океан – вкушай!»
Пусть выйдут берега,
И пусть они не где-то
Из амфор пьют,
Где их и бьют,
А тут, где ритмы их крушат!
Океанид – веселых дев, любимых,

И я воспитывал, и я их воспитал!
Плывут пустые амфоры все мимо,
И я за ними, с ними хоть до Рима,
Как ни устал, как пить ни перестал.
ГЕФЕСТ. Подслушал все! По миру разнесет.
Доложат Зевсу, ну а тот всех смаху
Отправит, если что, на плаху.

ИО. Не бойся. Натерпелись страху –
Молочка хлебнет –
На воду дует, вот народ.

ГЕФЕСТ. Мы – боги, ясно - плаха не для нас.
Однако Зевс угробит многих,
Пугая смертных каждый раз.

ИО. Да, я мудра, со множеством идей.

ГЕФЕСТ. Людей, людей!

ИО. Идей!

Угробит. Согласно ведь идеям,
Сидеть бы мне с титаном! С Прометем!
Но держит на Скале его злодей.

Появляется Жизнь.

ЖИЗНЬ. О чем тут спор?
Кто и кого тут держит, мать?
И вот уже гробы летают.
И Керы суетятся, все не спят.
Дневные светы
Силы обретают.

ГЕФЕСТ. Зачем пришла? Что Керами пугаешь?

ЖИЗНЬ. Всегда была и буду я ведь.

А как уйду...

ГЕФЕСТ. Куда и с кем, откуда?

ЖИЗНЬ. Да от тебя к тебе, земное чудо!

Услышит Власть – тебе ж дожить не даст(ь).

ГЕФЕСТ. Мы – боги, мы пока еще бессмертны.

ИО. А я царица, с Зевсом уж сижу.

ЖИЗНЬ. Короче, дело к ночи. Лица, лица.

Все лица в смене дня – по рубежу.

А ночью видят только совы,

Их Зевс в ночи не разглядит.

ГЕФЕСТ. Вон Океан отхлынул от коровы,

Теперь тут Зевс на мокром посидит.

ЖИЗНЬ. Мы – Жизнь! Всеобщая, земная.

Мы глупых отстраняем от себя.

Так и живем: одни – идеей рая,

Другие же – за счет меня, тебя.

Восходит Луна. Стороной движутся тени.

ИО. Тревожно что-то.

Все Луна слыхала

За горизонтом, в Керах.

ГЕФЕСТ. И стены слышат.

Все им мало, мало.

Вон в тех оливах

Затаился князь.

ИО. Все явью станет утром, заседание

Опять Зевес поспешно проведет.

Уж рядом не посадит. Всем заданье

По сбору душ до тыщи доведет.

И сам в миру том хором!

В своих портретах

Множит ложь –

В годах и летах.

ГЕФЕСТ. В чьих, в чьих портретах?

ИО. В ничьих, а чьих же?

Великие побыли и ушли.

Совместно как-то, сразу все, подряд.

Сидели

В кругу, великолепные,

С портретов на себя со стен глядели,

Теперь другие дайте поглядят.

А мы б чего еще от них хотели?

Власть скоро явится. Все минусы, нули.

Восьмерку, сядут резать пополам.
Не знаю, что и делать. Как рули
Направить в рощу, на оливы, к нам?

ГЕФЕСТ. Олив не ест и никуда не ходит.

ИО. Спасаться надо, Зевс уж рядом бродит.

Чувствительно мне, что-то все не так.
Будь Прометей тут, мысли б укрепил.
От Зевсовых интриг, переплетений
Отвел бы нас его свободный гений
И страх бы в явь нам перевоплотил.
Что ль, Мистика позвать:
Что скажет этот Мистик?

ГЕФЕСТ. Зови обоих. Чтоб потом сравнить.

ИО. За так не будут. Что им дать, Гефест?

ГЕФЕСТ. Как и они, пообещай погоду,

Не длинного пути, да лучших всяких мест.
Чего сулят оракулы народу
И что Вулкан нам натворил окрест?
Ты – Ио, женщина, а женщины, известно,
Готовы в щелку влезть, чтоб озирать наш крест.

ИО. Ну хорошо. К Луне вернемся местной

И будем в сочетанье звезд вникать.

*Ио и Гефест всматриваются в Луну. Появляются Первый мистик,
Второй мистик.*

ИО. По одному, двоих не вызывала.

Пусть Белый мистик говорит со мной.

ПЕРВЫЙ МИСТИК (*узкий, похожий на белого червя*).

Что вижу я – из Белого Овала?
Из недр цивилизации второй?

ИО. Египетской? Где все разделено?

Живые – мертвые, огонь и холод, льды?
Все желтое.

ПЕРВЫЙ МИСТИК. Что желтое, то будет голубое.

И лебедь белая плывет,
Изящность вытянув собою,

В тысячелетье скарабей ползет.
От пирамид, тyani дорогу, строй!
Скала стоит, и вечно ей стоять!

Первый мистик исчезает, появляется Второй.

ВТОРОЙ МИСТИК (*толстый, похожий на черного червя*).

Я – Мидия и Гиркана.

ИО. И что же?

ВТОРОЙ МИСТИК. Вещающего – не перебивай!

Ко мне ходил сам Александр...

ПЕРВЫЙ МИСТИК (*перебивая*). Мороз по коже!

Ну не дошел ведь,

В страхи окунулся.

ВТОРОЙ МИСТИК (*продолжая*). Мы предсказали на Двуречье – что?

Олимп за ним, он – Первый олимпиец,

Не то, что бог, сидящий на Скале,

Он мрак познал и кое-что во Мгле.

Оба мистика исчезают. Ио с Гефестом сидят в оцепенении.

ИО. Луна дала, Луна свое взяла.

В ее тарелке – полосы и пятна.

Вот где просветы,

Прободенья знатны.

А мы тут что –

Осколок от планеты.

А где кометы?

СЦЕНА ВТОРАЯ

Там же, в Элладе, в оливковой роще. Той же ночью. Те же – Ио и Гефест.

ИО. Про Прометея мистики ни слова.

И мы их не спросили. Стороной

Скользнули так, как бы с коня подкова.

Египтом прикрывались, Гирканой.

Создать накал по обстановке,

Чтоб задрожал тут воздух, там – Скала.

Задумывается.

ГЕФЕСТ. Не делай так, не надо остановки.

Не задрожит – энергия мала.

ИО. С ума сведет меня такая эра.

Где Прометей, а где сегодня я ?

А между – пропасть крупного размера,

Боль по Любви, в стенаниях змея.

Что там Поэт, всего одну восьмерку

Разрезал посередке на нули.

Как остров элладийский по Нью-Йорку,

Пусты пространства, шерстью поросли.

ТЕНЬ ПОЭТА (*возникая неожиданно*).

Где ритмы, а где рифмы, где Скала?

Где смысл, еще какие острова?

Где ты сейчас, а где она была?

Когда искал я для нее слова,

Свободные от грез, лишь пламена

Там возникали, в близости от звезд.

Он спас меня, Огонь в меня вложив,

Я был с ним рядом. Где всегда и был,

Где он поныне корчится от боли.

Он мне раздвинул ночи, рубежи,

Хочу, чтобы по ниточке, по воле

По паутинке тоненькой, не лжи,

А истины спускались в корабли,

Тут в них нужда на хлеб и соль Земли;

Чтоб истины грузились в корабли,

Везущие по трюмам тонны соли,

И повернули так ее рули

Те истины, спускаясь в корабли,

Чтобы везли весь хлеб, всю соль Земли;

А те, плывут по морю расстояний,

Все трюмы повернули к Прометею

И ждут когда он, выверив рули,

Направит, золотые корабли

На золото, на Разум всей Земли.

А тут лишь ветхая посуда в анналах
И та в желе погрязла,
Я извлек желе – и вперед, алле!
Плыви, корабль, в моря на всех каналах!
Вези, чего послал нам Прометей!
А если бы, свободнонарожденный,
В сердцах интуитивно пребывал,
На лагеря из бывших злоключенных
Опять бы не накатывался вал.
Девятый вал, опять дрожит Эллада.
Все ходят волны, как и корабли.
Как бритвой, разрезали бы нули,
Еще и топором его хотели.
Но Зевс сказал: «Не надо!
Ну что вы, в самом деле!»

ИО. Молчи, Поэт! Зачем тебе все это?

Ну воспевал бы пламена у звезд.
Вон Прометей, и то какая мета!
Все строит свой громокипящий мост.
Поэтов много сразу не бывает.
Тот пишет, а другой перебивает,
А все в одном –
Вверх дном, как амфора с вином.

ТЕНЬ ПОЭТА. Двойник его я! Сила прибывает,

А это, значит, он себя вмещает
В мою словеснопламенную рать:
«Какую страсть на шее горделивой,
Лесная глушь пересекла, как нить!
За Красоту в момент ее счастливый
Всей Жизнью вдруг приходится платить».

ИО. Неужто ты? А может, Прометей?

ТЕНЬ ПОЭТА. Во мне сидит какой-то вирус, атом.

Застрел во сне, и никаких чертей!
Вдвоем мы с ним, у всех ума палата,
Я Прометеев вроде и ничей.

Себя хвалю, как перс Хафиз когда-то.
Хотя когда-то было, но и будет,
А уж любим, уж любит каждый зря там.
Цветы – во флоре, в саркофагах – люди.

ИО. Просила не тебя, а Прометея

Об этих саркофагах помолчать.
Он – вечный,
Он – эпоха, он – идея,
Не исчислимы его плахи, рать.
А ты, Поэт, чуть-чуть повремени,
Поднаберись свободного пространства,
Поэты гнут в себе непостоянства,
А ты верши роскошные убранства,
Блудниц, но верных со следами пьянства,
Воров, но честных по законам транса,
Громил от мира Слова, дела, танца,
А где еще им брать свои огни
В трехгранной равнобедренной Пальмире?
Слова, Поэт, пока в пустой квартире,
Свободно в колыбели возноси!

ТЕНЬ ПОЭТА (*ворча*). Умна, умна! Поднабралась от Зевса.

Хотя читать еще не можешь, да!
К Скале бы уже сделала два рейса,
Совсем переместилась бы туда.

ИО. Понятия нет – «рельсы», «рейсы», «пейсы».

Как современен антураж!
Мираж в том смысле, что не будет Зевса,
Ад заберет его к себе в тираж.
Поэт! Судить его не мне,
И все те кланы где-то в стороне.
Ты строишь гомерические планы,
Хотя они как будто на Луне.
Опять толкну тебя я под бочок,
По Млечному пути тропа на самом дне,
Где ты идешь, качая бедра, ведра,

Какой ты все же глупый, дурачок.
ГЕФЕСТ (*появляясь*). Смотри на полную Луну –
Какие бедра, недра! –
И вешай сексуально ведра.

ИО (*поворачиваясь к Гефесту*). И что же все же сказали те еще?
Придется завтра вызывать.

ГЕФЕСТ. Стою, Луною обольщен,
Не к мистикам иду,
А ни к чему опять
Стоять в оливах иль сидеть
И на Луну глядеть.
Если Зевеса медь надеть,
Так в тронном, на Олимпе,
Замру, мне надо замереть
Перстом на жарком нимбе.
Готовься, мать! Уж правая рука
На звездных высях молока.

ПОЭТ (*ворчливо*). Вконец Луна измучила меня.
Машина времени гоняет по эпохам.
Тут – каждый смертный требует Огня,
Там – сам иди по его жалким крохам.
Огонь вложил в них трепеты меня.
Давай еще, какого беса!
Аборигены требуют Огня
Теперь уже от самого Зевеса.

Поэт уходит, остаются Ио с Гефестом.

ИО (*о Поэте*). Скажу ему, чего нам не хватает -
Энергии, что гонит не свое.
Тут зона, но не та, что нас питает,
А та, что забирает всю ее.
Ушел - измучен, дух - полуничтожен.
Иди, иди, к титану отправляйся!
Поэту и такой сюжет возможен,
Восторга нет, иди к другому кайся.

ГЕФЕСТ. Не оттолкнув, не приняли Поэта.

Какая-то стена – чужой Поэт.
Истрачены слова в усилиях сюжета,
Есть пламена, но песнопений нет.
Да мы его не выслушали даже,
Не слышен стон, не зрим извив судьбы
В той непомерной из земных комет,
В какой несем мы души и гробы.
За Прометея же, однако, в землю ляжет!
А ведь всего-то смертный, как же, дед.
Не просто лавой по степи лететь
До искр пучок в тугую бронзу, в медь,
А сам в седле, как курица, ощипан.
Он мыслей сброд мечом своим сечет,
Все саранча за саранчей течет, -
Вот Азия!

ГЕФЕСТ. Ну, а Европа?

ИО. Не об Элладе я, а ни о чем.

Сидит, уткнулась в Океан плечом.
В разбавленном вине себя и топит.
Лишь иногда проснется, лезет вспять –
Вот и опять...

ГЕФЕСТ. Молчанье – золото,

А слово – серебро.
Не вставили б перо –
Большого веса
Под крыло Зевеса.

ИО. Не трусь, Гефест! А попроси Гермеса,

Он выкует тебя одежды в бронзе.
Сидишь тут...

ГЕФЕСТ (*злась*). А наось, вы-ку-си!

Я все же бог,
А не отродье.
Ну хорошо. Поспорили, и хватит.
Не то и нас попутает Зевес.
То нас вздымать, то в латы одевать,

Не затащить ли Прометея в лес,
Чтоб со Скалы там снять?
И сколько можно там держать
Титана, великий царь Зевес?

ГЕФЕСТ. Ма – боги, да?

Смотри сюда.

ИО. На смертных и смотрю, на наших смертных.

На тех, кому он свой Огонь принес.

Он бросил Факел среди толп несметных

И на Скале сидит, весь превращен в вопрос.

Вон мистики – какие взоры, воры!

Чего средь нас не нагородит век!

ГЕФЕСТ. Иной бывает тут,

Недотянув до Неба.

ИО. Иной дожил, миры ему милы,

Дымы из труб.

Есть и такие – ходят, просят хлеба.

ГЕФЕСТ. Ты что-то, Ио, терпишь Прометея.

А не тебя он любит - Небо!

ИО. Люблю его, но проверяю Змея,

Его бронзовокованную медь.

Шелом закрытый, змеями обвитый.

ГЕФЕСТ. Слова другие, хитрые пошли.

Явись, титан! Сойдите, гидры злые,

С той высоты, где он сидит вдали!

Колосс Родосский, да и ты сойди!

Не вечно же маячить впереди.

Вдали проходит чья-то тень.

ГЕФЕСТ (*насторожась*). Видала – тень! Слыхала – звон цепей!

Какой-то водянистый, серебристый.

Как белое вино, туман из кубка пей,

Поток всех чувств, однако же лучистый.

Как вспыхнуло, как все во мне зажглось!

Настроиться на бронзу удалось.

ИО (*пугаясь*). О боже! Неужто мы смогли

Тень вызвать? Мистики послали.
Прошел-ушел, и Керы с ним ушли
В тот мир иной, но он же ведь живой!
Чего ж его мы видим, как в кристалле?
За мистиками – Зевс.

ГЕФЕСТ. Молчи, жена! Не поминай Зевеса,
А то не тень прибудет, а когорта.
Тут и убьют, посередине черта,
К утру долижут кости духи леса.

ИО. О, Высший Бог и остальные боги!
Не черт, а кто? Кого послали вы?
Тень, призраки и звонов звон в немногих –
В цепях, в крови, по следу - пыль и львы.
О Прометей! Неужто хватит сил
Миг этот как-то чем-то удержать!
Титан мой милый,
Мой герой любимый,
Вот от кого готова я рожать
Хоть каждый год.
Но Ионид зачат Зевесом,
И сын его – освободитель твой.
Вот Зевс с тех пор и путается с бесом,
Вот и слышать в оливах волчий вой.
Любимый мой, хоть что-нибудь скажи!
Сбрось, призрак, свои белые одежды!
Стань явью хоть на миг и докажи,
Что ты есть ты, открой же свои вежды!
Взгляни хоть раз под тень чужой молвы.
И выпей свой туман, свои дожди
Из кубка той – Зевесовой травы.
Скажи – услышу, встань и подожди.

ПРИЗРАК (*едва слышно*). Жди-и-и, жди-и-и.

ИО. Слышал, Гефест? Как дождик моросит?

ГЕФЕСТ. Пустой овал. В овале – ничего.

Пропал овал, как не было его.

ИО. А я его слыжала,

Сама титана своего,

Без всякого обмана.

ГЕФЕСТ. Такой восторг, такое сладострастье -

Сто амфор разобью в куски, на части!

ИО. А Мистика ему послали все же.

ГЕФЕСТ. Как бы послали,

Как бы не послав.

ИО. Ты что-то в мыслях путаешься, лес.

Шумишь, дубрава, видимо на воле.

Ревнуешь, что ли? Говоришь, как бес.

Прислушиваясь к лесу.

Но ничего, мы и втроем привыкнем.

Мы и сейчас с Зевесом, как втроем.

Коль с фаллосом до лета не поникнем,

То весь Коринф насквозь переплывем.

ГЕФЕСТ. К чему Коринф хоть ты-то приплела?

ИО. Я там была,

Там травы по колено.

И там молилась, там его ждала.

И там вино пила. Сирена

Мне пела пасторали

В пастушьей хижине, как где-нибудь в раю.

Где Прометея мне и показали,

Впервые видя - по сей день пою.

ГЕФЕСТ. Уж больно говорлива ты, корова!

Кабы давала столько молока,

Слов сколько ты произвела, строка.

А то вот тугокоса, черноброва,

А как корова. Передой пока.

ИО. Уйди, Гефест! Хочу побыть одна.

Ко мне вернется призрак этот, знаю.

Над головой Луна, и та полна

Надежд на встречу. Встречу осеняю.

Уйди, Гефест! Хоть до утра, а утром,

Когда вдвоем придется отвечать
За эту ночь, за шаг по перламутрам,
Луна в кустах, сумеет промолчать.
Смотри, какая в мире Красота
Сверкает в каждой капельке листа
На каждой ветке, негой налита,
В костер упав, в глаз попаданьем метким.
Я без Любви совсем изнемогла.
Все тут сама, одна, без Прометея,
Завидую я участи Орла –
Быть каждый день с ним хоть и за злодея.
Хоть клювом долбит, но ведь все при нем,
В одной среде, одни пары вдыхает.
Какой изобразительный прием,
Еще тебе Луну изображает?
Эллада спит, не спит один Олимп,
Красоты ночи чутко охраняя.
Над ним все звезды, сны же все под ним,
Кто из богов их там пересчитает?
Уйди, Гефест, подальше и молчи.
Мой Призрак – он! Он тут мое виденье!
Титан мой в очертаниях ночи,
В ушах не серебро из песнопений,
А те глаголы из его речей,
Что без названий, без определений.
Не существует маленьких ночей,
Как и больших, разрозненных явлений.
Кроме него, любимого; из снов
Нырнул в подлунность, где-то затаился.
О призрак Прометея! Что ж без слов
Качаешься, как столб, в кусты забился?
Скажи хоть слово, для коровы - Ио.
Ну просто так – по-нежному, спокойно.
Как завтра быть, сказать кому чего?
Держаться как на царствии достойно?

Создали эту Красоту дожди –
Теплы, легки и бестелесны.
«Жди-и-и меня, жди-и-и», -
Ей тени выдали, словесны.
А ночь по-прежнему с Луной
Свои заводит отношенья
И посылает стрелки в бой.
Молочна ночь. Кровосмешенье.
Проходит Стража. Колотушка
В руках у сторожа глуха.
И залетела в ухо мушка
От третьих криков петуха.
А завтра к ним туда – в дубовый
Зал тронный, к Зевсу на ковры.
Положат ноги на костры
Перед столом дугой, подковой,
Перед глазастою братвой,
Всесостоящих при Зевесе.
Играют, как слоны плотвой,
На нервах чувств, на драме стресса.
Так что мне делать? Как нам быть
С правозащитником Гефестом?
Привыкла Зевса не любить,
Но дорожить высоким местом.
Ну посоветуй, Прометей!
Мигни хоть глазом, хоть лучом
Мне со Скалы в разгар ночей.
Зевс хитрый, все молчит, злодей,
Не говорит мне ни о чем.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Олимп. Трон Зевса на самой вершине. По лестнице, ведущей наверх, стоят две стороны приближенных. Верх замыкает Подкова, над ними возвышается Зевс, Ио – перед Подковой.

ИО. Олимп горит весь Солнцем сияя!

Подкова черной кажется в тени.

И тенью трон укрыт, Зевесов клан.

Зевес молчит, а судьи каковы?

ПОДКОВА. Кто ты такая? К трону не пускать!

Рогатая корова! С кем была ты, с другом?

Твой след огнем уж надо очищать.

Иди – иди Асфодилонским лугом!

Иди – иди, к подругам!

ИО. Я – Ио. Я сижу на троне с Зевсом.

Вчера лишь только рядом с ним сидела.

ПОДКОВА. Огонь поставить! Сесть перед Подковой!

И ноги ей в Огонь, пусть посидит

И говорит.

ПОЭТ (*с самого низу, с Лево́й стороны лестницы*)

При слове «пафос» закрываю книгу!

При слове «щедрость» раскрываю вновь!

ИО (*корчась от боли*). Трещат подошвы! Что творите?! Мигу

Даєте вечность, смерть мою, любовь!

О Прометей, свободный мой, люблю!

Смотри, как Ио мучают твою!

Смотри, и Солнце! Как я тут терплю!

Тут черен день, а я уже в раю!

Все Солнце тут обращено в меня!

Да, черен день! Нет сна чернее дня.

ЗЕВС (*кивнув сидящим за столом*).

Чернее дня.

ПОДКОВА. Ну хорошо, иди. Садись, сиди.

Зевс разрешает, Солнце вместе с ним.

Мы сделали, о Зевс, как ты велел.

Бела, как мел.

И дерзость ее тает.

С царем сидит, а за себя не отвечает.

Опустив голову, Ио проходит к трону, садится справа от Зевса.

Смотрит по лестнице, ведущей вниз.

ИО (*находя глазами Гефеста*). Та, справа, сторона – вся черная,
А эта, слева, – белая из белых.

ЗЕВС. Нет, слева – черная из черных,
А справа сторона вся белая.

ИО. Иду одна Асфодилонским лугом
И щиплю травы вечные, от звезд.

ЗЕВС (*в сторону*). Энергия смешалась, вид испуган,
А я всех слов еще не произнес.

ПОЭТ (*выступая вперед*). Как я иду! Словами как венчаю!
«Открыл он перстень, высыпал из перстня
И, ей подав, сказал чуть слышно: «Пей».
Наверно, яд. Змеинный почерк, знаю.
Из пирамид египетских, известно.
Еще сказал ей царь: «Жить будешь долго, –
Сам извиваясь в мыслях, как змея. –
И мудрой станешь навеки, свободной.
И говорю тебе я это, я!»
Лестница недоуменно молчит, потом взрывается криками:
«Что говорит он! Кто ему позволил?»

ПОЭТ (*продолжая*). Она взяла и выпила навроде,
А может, незаметно пролила.
Как это было прежде в моде
Там, где корова по лугу брела.
Восток таков! Обычай с Востока.
От пирамид египетских, от рока
До сфер Олимпа, до всего потока,
Со всяческих возвышенностей, Скал.

*С торжественно поднятой головой Поэт сходит по длинной лестнице
вниз, под взглядами всех остальных. Уже внизу Поэт договаривает недоска-
занное наверху.*

ПОЭТ. Все Ио выпила, что ей Зевес подал,
И села рядом, опустилась телом.
И, стоя, весь фавор рукоплескал.
И все казалось ей на свете – белым.

ГЕФЕСТ (*на лестнице, не выходя из ряда*). Да, да! С Зевесом рядом села.

Сама же чуть кивнула, где с утра
Цепь на Скале ей тоненько звенела,
А реки начинались с серебра.
Глядел, как Ио мучилась, глядела –
Рогатая корова на лугу,
И видел, как спина ее седела,
Как на Скале был Прометей в снегу.
В тугую узость скручивали стан
Ей параллели все и вертикали.
И боли, что предпосылал титан,
Его насквозь там и пересекали.

Поворачиваясь лицом к Поэту.

Спасибо тебе, пламенный Поэт,
Что имя тайн не произнес ни разу.
Не вставил слово «пафос» в свой куплет,
Жить будешь долго ты, помрешь не сразу.

* * *

Ушли поврозь с Олимпа: царь царей
И белая рогатая корова.
Зевс что – властитель суши и морей,
А Ио что – родить хотела снова.
Но только не под именем его,
А под другим, кого она любила,
Кого всегда спасала от всего,
Что при дворе свершалось, зрело, было.
Какую страсть, какие же невзгоды
Переживают всякие круги.
Когда сидит, хоть и наследный царь,
Но, разминая косточки и чресла,
Все б измышленья вкладывал в букварь,
Шатал миры, игру идей и кресла.
Судьба сама корову повела
К Оракулу Дельфийскому, ко храму,

Чтобы узнать, что будет с нею, с сыном,
Взойдет ли на Олимп сын Ионид?
И Прометей на Скале Кавказской,
Томящегося тут во имя Солнца,
Во имя смертных под эгидой Геи, -
Кто от цепей, когда освободит?

Таинственно дорогами на остров
К развалинам дельфийцы привели.
Лежал на берегу какой-то остров,
Смерть корабля мерещилась.
К Оракулам Дельфийскому стремились
Сыны и дочери всяческих народов.
Какие-то круги при ней чертились,
Углы клонились, мрак со всех сторон.
Велели сына спрятать у ключа,
Ее одну к пещере привели.
Хитон одели белый. Как могли,
Рога накрыли ветошью. Свеча
Была дана ей, чтобы видеть
Оракул мог ее лицо, весь ее лик.
Был явлен глас:
- «Кто мог тебя обидеть?
И так ли он безумен и велик?»
Остановилась, вздрогнула корова,
Не видя в темноте его, – Никто.
А все же кто-то – без одежд, покровов,
В пещере странной, гулкой и пустой.
- Никто, Никто, - двоилось Ио чудо -
Я принесла не горечи обид -
Боль за героя, Огонь принес он людям,
И вот за то он на Скале сидит.
- Чье имя носит?
- Бог он, Прометей.
Но из титанов – честный, благородный.

- Да, Зевсом заточен, и справедливость просит
Освободить. Твой сын освободит!
Умрет герой – свободным!»
Она ушла, покинула пещеру,
А глас оракул множил из-за плит:
«Иа-а-а... Ио-...о-о...», но в меру.
И далее: «Ио и Ионид».
Все остальное досказал Оракул
Уже на берегу, всем парусом звеня.
Благое ветер доносил, однако,
Порывы слов под капельки огня:
«Веди его, священная корова,
По горю, островам, всему народу.
Познает все, когда дойдет до трона.
Тогда оценит и свою свободу,
И ту, какую он воздаст.
«Воздай! Воздай!» - кричал им в спину ветер.
«Воздам! Воздам!» - он морю отвечал.
В рогатую корову призрак метил,
Но Ионид, не слушая, молчал.
Путь прочертив в системе одиночеств,
Поистине – без всяческих обид,
За маяком осталась где-то осень.
И все же ему «поставили на вид».
Идти дорогой, ноги в кровь сбивая,
Нести в себе свой одинокий груз.
«Воздай! Воздай!» - скрипели двери рая.
«Воздай! Воздай!» - твердилось наизусть.
Сын вел на поводу корову – мать,
Ей узелок на спину положив.
В Египет шли пустыней, в Фивы, кстати,
Едва дошли, едва остался жив.
Он был мальчишкой... царской масти, рыжей...
Когда там пирамиды увидал,
Он что сказал: «Они Скалы той ниже,

И та Скала всех ближе, ближе, ближе».
И грош последний нищему отдал.
У самого подножья пирамиды,
Священным рогом упираясь в ночь,
Мать с сыном, повидавшим тоже виды,
Пытались пепел страха превозмочь.
И вот какой был вынесен урок:
Если Скала росла сама собою,
То эти пирамиды – рок, порог!
Кимвал свобод, забытых не тобою!
Днем по пескам, а в ночь по чистым звездам,
По вымытому Млечному пути,
Рогатая идет официально,
Неся рогами имя, честь в чести.
Пусть знают все то имя, те свободы,
Каких он жаждет на Скале своей!
И имя на дощечке – «Прометей».
Молва бежала впереди немногих,
Но каждый голос слухом обрастал.
И Ионид не по годам блистал
Умом своим и ветхостью одежд,
Кошмаром ног и ужасом надежд,
Какие обещали ему боги.
Корова шла, копытом разгребая
Пески пустыни, неземной массив.
Валились оба к вечеру, взывая
К богам, чтоб дали до оазиса дойти.
«Свободу Прометею!» - так гласили
Рога, провозглашали: «О, алла!»
«Безумная! – иные говорили,
Услышав, где корова та была.
«Священная!» - другие говорили,
Узнав, за что страдает Прометей.
Несет корова год пустое вымя,
А сколько лет еще осталось ей?

Однажды (в Эфиопии уж были)
Приснилось ей, что Прометей упал.
Повис на полскале и почернел,
Как многие из тех, что рядом плыли.
А Прометея воскурял в то время
Вулкан ритмически пыхтящий,
Как печка, Демон настоящий,
А ей все снились тема, бремя,
Где постоянно Прометей
Нес спорадическое семя
Жестокостью своей.
«Виждь и иди!» «Воздай и жди!»
Чуть впереди
От двери к дверце,
От городских ворот по черным
Тавернам в ряд, торговкам вздорным,
Внимая стучу дня и сердца,
От черных слов, дымов, костров,
Быков, свиней, собак, коров
От всяких лиц, соображая,
Как это Солнце может черным быть
И сокращать всех смертных там, где мы,
Ведь не грешны внутри мы, не черны -
Такие ж люди, как и все. Любить
И Солнцу делаться покорным.
Он там, где шли они по черным,
Крутым дорогам, остры камни.
А сколько всякого добра
В анналах давних.
От страусиного пера
Взял что-то с дивной птицы
Промчаться наперегонки ко льву,
Да где там, с львицей
Такой гоняться не с руки.

Хотели с миром всем сразиться;
Когда они перегоняли,
В песках брел длинный караван,
Верблюды свысока плевали
И шли боками на таран.
Бывалые – везде бывали.
На то корова и священна,
Чтобы хоть чуть соображать.
Она учила сына денно
И ночью, как и куда когда бежать.
Так и дошли в перипетиях
До светлокожих, крупнорожих,
Кому особый статус дан, -
До моряков - финикиян.
Но был особый тут народец,
Особы боги, тьма внутри,
Заглянешь вглубь, как бы в колодец,
Увидишь звезды – фонари,
Но этих яблочек не бери.
Кабиры это вместо яблочек.
Сам Телемах с такой столкнется
И поперхнется в той фабуле своей
Подобранным ни к месту камнем -
В сегодняшнем, вчерашнем, давнем.
Я вижу, глядя наперед,
Идет волна, грозит море,
К нему поток крови протек,
По островам, где кровь и горе,
Эллада – диво впереди.
«Вижь и иди! Вижь и иди!»
Вот что нам надо, что красиво!
Уж параллели жмут, гляди,
По вертикалям жжет и манит.
То Иониду соль земли
Ниспосылает Прометей –

Подрос уже, мозгами варит.
Уже и тучи подросли,
Текут от моря на восток.
Шлет Прометею до Скалы
Таинственность, нетленность,
Покрутит вехи и рули
Ту мысль, каких понарожали
Отцы-вожди, творцы Земли.
«Иди и виждь!» «Воздай, воздай!» -
Их привели к финикиянам.
Корова. На рогах доска.
«Свободен Прометей». Тоска.
Ни бороды и ни усов
Еще пока у Ионида.
Едва отбились тут от псов,
Что им подсунула Фемида.
Кабиры замкнуты, угрюмы,
С Востока веру принесли.
И проникать он стал в их думы,
В колодце мысли залегли.
Кабирку встретил – оглянулся,
Приободрен, как Телемах,
А ведь и тот на кол наткнулся,
В колодце первозданный страх.
По грани мистики прошелся,
По всяким выпрненным местам.
Едва обратно не вернулся,
Еще чуть-чуть – остался б там.
Кабиры, вещие кабиры!
Как жаль, что некого спросить
Про ключ, их сферы и эфиры –
До звезд протянутую нить.
Спросить титана бы, отца,
В миру героя, Прометея.
Пути не видится конца,

Сигнал любимого лица
На расстоянии слабее.
Пора домой, в свои края,
В Элладу, ивушка моя!
Зашли к кабирам в катакомбы,
Вела кабирка. На ногах
Пески дорог, лишаи, тромбы,
На шее – бирка, судьба – эфирка,
Другая марка, та же дырка.
Взглянул еще - она красива!
И стало жарко – дева, дива.
Корова увела едва,
Был он один, а стало б двое.
Вела из Финикии фею,
Слова летели, где гора,
К Скале высокой, к Прометею,
Мол, вырос сын, женить пора.
Что хочет лепится из глины,
Гончарной опытной рукой.
Всю ночь ждала, чем ночь отметит,
Что скажет им бог Прометей,
И чем они слова те встретят,
Чтоб было все, как у людей.
Лишь утром легкий сон явился:
Титан в одежде белой, той,
В чем часто приходил к ней, снился,
Не героический такой.
- Как с сыном быть?
Что делать дальше,
По странам дальним походив?
Он отвечал:
- Эллада звяньше,
Идет война! Все из-за див!
Для Ионида испытанье.
Пока подальше от лобзанья,

Про мир тверди!
Мол, Прометей того и хочет.
А смерть пусть видит – созиданье,
Бессмертье в молодой груди.
Где льется кровь, там зло и горе.
И что я вижу впереди?
Идет волна, побольше - втрое,
И к ней поток крови протек.
Мать, по стране его веди,
По островам - покажешь диво.
«Виждь и иди!» «Виждь и иди!»
Вот что нам надо, что красиво!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Оливковая роща у Олимпа. Луна. Ио сидит в одиночестве.

ИО. Уж пройден путь по Небу и Земле.

И днем и ночью. В жизни, мифах, тайнах.
В сандалиях, босой, на корабле,
Во встречах неожиданных, случайных.
Глаза мои уж потускнели, тело
Упругость потеряло, даже вес.
Не все, что было, сделано умело,
Не раз к душе приценивался бес.
Крутил натуру, на ухо шептал
Такое, что по молодости гнал.
А тут гляжу на берег свой, в овал,
И вижу, берег что-то потерял.
И реже посещает сны герой,
И Зевсу я уж больше не нужна.
И вот уже живу сама собой
И лишь воспоминаньями полна.
Избиты ноги камнем по дороге
Душа изрыта, где бы ни была.
Разлатаны копыта. Очень многим
Я Прометея имя принесла,

Свой трепет Мира, факелы Свободы,
Уж не как бог, а просто человек,
Страдающий за то, что взяли моды
Огнем, им принесенным, сжечь – и в бег.
По убиенным ими же самими –
Плач в лицемерии и дыме.
А боги – олимпийцы наблюдают,
Испепеляя, приближаясь к ним.
Мудра – мудра, и опыта хватает,
Кабирских знаний из кабирской стаи,
Бдит эфиопский черно-белый нимб.
Однако войны греков поражают,
На полис полис – малоазиаты
Идут, едва не каждого хватают,
В куски Элладу рвут и прямо в ад,
Откуда уж не вытащишь назад.
Эпоха войн. Грядет Огня смятенье.
Упреками душа развращена.
Аббревиатура от любой культуры,
Безумная корова, цепь и звенья.
Зачем несла? О чем она звенит?
Не Прометей уж – сын ее в сомненьях,
В раздумья погружен, их Ионид.
Уж как три дня ушел к Олимпу, в пренья,
О Зевсе ничего не говорит.
Нашел отца, и что ему с того?
Что на душе его сейчас творится?
Выходит не налито ничего
В те кубки, где герой ему приснится.
Луна-луна, умерь свой пыл и бег
По тучам, по Элладе, по Европе.
Смеяться разучилась, уж не смех,
А крик лягушки по болотам, в топи.

Мимо проходят Мистики, останавливаются перед ней.

ИО. Ах, это вы дух матери смутили!

Вещали что – про миссию мою?
Они мне Ионида загубили,
Он сам ушел, теперь уже в раю.
Или в аду, на полдороге где-то.
Так поколеблен образ дня и слова.
Скала стоит, трепещет вся основа
Хоть вы меня царю не предавайте!
Подите поищите Ионида, как он там
Бредет по царским нравам и годам?

ПЕРВЫЙ МИСТИК. Поближе стойте к милостям, гробам.

ИО. Умны - умны, во сны меня ввели.

Черны вы оба, красились всегда.
Зачем явились? Как на шею чирей.
Сходите, скажете потом: как борода?
Великий Зевс! Сидит себе, насопясь.
В букварь уткнулся, с ним и спит, как бес.
Букварь неаккуратен, знатна пропись.
Шумит, гудит Асфодилонский лес.

ПЕРВЫЙ МИСТИК. Он сам придет, уже сюда собрался.

ВТОРОЙ МИСТИК. Надел забрало, наточил кинжал.

ИО. Уж лучше б у себя там оставался.

Велико око, наконецник мал.

Мистики исчезают. Ио опять одна.

Неужто Зевс готов опять явиться?
Кинжал наточен, разорвет штаны.

Сама себе, будто не замечая тени в саду за оливами.

Какие люди тут, какие лица!
В лучах Луны, сетями ловят грыжу
На той реке по этой стороне.
Неужто сплю, людей подлунных вижу,
Не зрящие – проходят и ко мне.

Швыряет камень в сторону тени.

Чего ж вы не кудахчете? Иначе
Возьму топор и прекращу вам дни.

Он тут как раз сегодня, под рукой,
Тем паче, мы с вами в одиночестве, одни.
Сейчас мы вас отправим на покой.

Бросает топор в сторону тени.

ЗЕВС (*выступая вперед*). Постой, безумная корова!

Чуть не убила самого царя!

ИО (*опуская руки*). Ах, Зевс! Зачем сюда, основа!

Чуть не убила, да?

Да вы, цари, бессмертны,

Нельзя вас никому убить.

ЗЕВС (*протягивая к плечу руку*). Как не любить

Коровушку такую?

Луне - все мысли,

Ночью будем жить.

ИО. Я все одна. Сижу вот, куликую

И от тебя выслушиваю ложь.

ЗЕВС. Все та же, тот же нор у коровы.

Все там же те же острые рога.

И что еще там?

ИО. Ну, здравствуйте! Будьте вы здоровы.

Одна я тут на поиске врага.

ЗЕВС. Зачем же так? Я все-таки властитель,

Мне ничего не стоит погубить.

ИО. Вот я и говорю тебе, губитель,

Мне все равно, зачем мне дальше жить?

Скажи, куда мне сына Ионида

Определил? Убит он иль живет?

ЗЕВС (*смеясь*). Да что ты, что ты!! Нет, такого вида

Я не имел. Ну, мать, ты и даешь!

ИО. Шутить не стоит, в сердце колет.

Мадрид еще когда построят.

ЗЕВС. Да мы, цари все знаем наперед.

Что я - ослышался про этот про Мадрид?

ИО. Не в рифму, значит, что-то непонятно.

ЗЕВС. У мистиков, наверно, обучалась внятно.

ИО. Скажи, где сын, куда он заточен?

ЗЕВС. Да брось ты, Ио! Спит без задних ног,

Вон протянул себя через порог.

Мы с ним сошлись, во всем договорились...

ИО. Скажи на милость!

ЗЕВС. ...я царство отдаю ему земное,

А небо, а Олимп беру себе.

ИО (*кутая плечи в платок*). К утру, наверно. Стало холодать.

Луну уносит с юга снежный ветер.

ЗЕВС. Нежный вечер.

ИО. Нет, снежный! Ветер!

Он, как и все тут, долго не живет.

ЗЕВС. Скажу богам. Вернее, богу,

Какой заведует погодой,

И кто у нас?

ИО. Да Гeya, Гeya! Женщина у нас

По мягкости погоды на Элладе.

ЗЕВС. Вот видишь, мать,

Рогатая корова,

А то б тебя погоды узнавать

Да яблоки со смертных собирать.

Иди к дворцу, безумная корова!

Живи под боком сына своего,

У Ионида.

Вот, вашим именем хочу назвать я море.

Как лучше – Ионическое, что ли?

Иль Ионийское, скажи.

ИО. Букварь читай!

О горе мне, о горе!

Я думала, отстал ты от меня,

А ты все так же –

Тащишь на коня.

В крови по локти, а отмывает Сатане

Глаза и когти,

Стая!

ЗЕВС. Ну хорошо, ну отдохни,

Потом во всем меня вини.

Я жду, я постригаю ногти.

Собирается уходить. Глубиной сада прозрачно проходит Прометей.

ЗЕВС (замечая). Ага! Встречались!

Иль я его ждала! Придя едва.

ИО (вздвигнув). Удивлена сама я малость.

То никого, а то вас сразу два.

Договорились, что ли, собрались?

Что скажет Зевсу Прометей?

ЗЕВС. Он – тень лишь, призрак,

Не Жизнь сама, а живность.

ИО. Скажи на милость!

ЗЕВС. И все молчит на злобу дней, как мы.

Ну да. Обычно призраки немые.

ИО (показывая на Зевса). Они – не мы!

Те призраки.

Букварь читают прежде,

Чем на Скалу направить вежды.

Орлом терзают без одежды,

В цепях содержат, как невежды,

Они – такие!

ЗЕВС (в сторону Призрака). Простить хочу, но не могу.

Я царь несчастный. В том кругу,

Где я, там дважды

Один приказ не отдают.

ИО (кивая на Призрак). А он не слышит иль не хочет

Твоим жестокостям внимать.

Кричи, кричи, царь, что есть мочи!

«Иди и виждь!» «Воздай, воздай!»

«Воздай!» сегодня же, опять!

ЗЕВС (Призраку). Ты меня слышишь?

Слышишь? Дай мне знак.

Ветерок, тень Прометей начинает колебаться, постанывать, позвякивать цепью.

ЗЕВС. Какой-то серебристый звук
Вошел в мои глаза и уши.

Появляется Поэт, Зевс вздрагивает от неожиданности.

Я все сказал, переводя.
Едва слепил такую фразу –
Большого веса,
Как вот он...

Показывая на тень Призрака.

...играет роль вождя,
А ты – роль не царя Зевеса.

ИО (*уходя*). Ну вот вы тут-то и схлестнитесь.

А я пошла, безумна я,
Чтоб Призрак, Царь, Поэт и Витязь...

ПОЭТ. Где витязь, кто?

ЗЕВС. Да Ионид, он скоро будет,

Он к нам сюда
Уже спешит.

ИО (*дождавшись конца перепалки*). Чтоб Призрак, Царь, Поэт и Витязь,

Сплетясь в одно тут, как змея,
Не сели на добра коня,
Не обманули бы меня,
Не обмакнулись в кровь огня.

Ио уходит.

ЗЕВС (*провожая ее взглядом*). А все ж, боюсь, в суть не проник.

К нему она ведь, к Прометею.

ПОЭТ. Он мне сказал, что я – двойник.

Все передам, сказать сумею.

Ио, возвращаясь, становится за оливу.

ЗЕВС. Я – бог земной, он – вождь небесный.

Мне смертных множить и кормить,
Дух возводить, ему ж водить
По звездам сонм свой бестелесный.

ПОЭТ. Твои, о Зевс мой, - Жизнь и Смерть.

Все больше Смерти год от года.
Как ни злодействуй, все не так,

А Красота, Свет и Свобода –
Они от Солнца, не твои.

ЗЕВС. Но и, но и -

Не для всего народа.

ПОЭТ. А Свет?

ЗЕВС. Что свет? Его как нет.

Есть Солнце.

ПОЭТ. Значит, есть Свобода!!

А если так, то почему

Там, на Скале, плач Прометея.

Орел титану на куски рвет печень,

От имени народа.

Злодей ты!

ЗЕВС. Какой же я тебе злодей?

Весь отдаюсь, все для людей.

Считаешь, не нужна им Власть?

ПОЭТ. И, как всем сестрам по серьгам,

Ванильный запах к пирогам,

Так ты держись злодея –

И будешь ты безбедно жить!

Кому Свободой дорожить, того – к врагам.

А без Свободы, без свобод – не жив народ.

Лишь прихвостни на лестнице стоят,

Особо справа.

Они в глаза тебе глядят –

Корми, держава!

ЗЕВС. Свободы людям не нужны, наоборот,

Свободы – роскошь; пекарь,

Пеки хлеба, лечи народ

И головой кумекай.

Права, достойные страны,

Для че-ло-века нам даны!

ЗЕВС. Все тянешь врозь. Чтоб жили вкось.

То в гроздь, то в кость тот гвоздь.

А нам собраться нужно, люди!

Что уже было всем, что будет?
Хоть посмотри за горизонт -
Сюда – оттуда.
Волна к волне, война к войне –
Во глубине.
То нам «ата», то нам «льезон»
Уж не один сезон на блюде.
Ты не один ко мне ходил,
Чтоб я народ освободил.
Сидела молча бы ворона,
А тут, услышав, понесла:
«Корона зашаталась, корона!»
То тут, то там она была.
«Трубе труба, уж закрывают отруба».
Летает в два крыла быстрее Орла –
Ворона.

ПОЭТ. Я Прометею доложу,
Когда слетаю.
Вот почему я тут кружу
Воронью стаю.
Вот почему всего я жду,
Конца не видно.
От волн, от стаи
Тиран ввергает нас в беду,
А нам обидно.
Того сюда, того туда,
Опять на личность
Идет охота, как всегда,
На энергичность.
На энергичных, ярких самых
Свободных, все осознающих
Идет охота; смерти, драмы –
Вперед идущих.

Вбегает Ионид, он в одежде воина – с мечом и щитом, бросается к Ио,

обнимает ее.

ИОНИД. Иль со щитом, иль на щите.

Вернусь к тебе, мать, с Фермопил!

Прорвались тучи, перс с Востока

Смертельно Родине грозит.

Я уйду в отряд из Спарты,

Где царь спартанский Леонид

Собрал нас триста.

Так все быстро,

Иду на битву – храбр, неистов.

Умру, быть может,

В стрелах свиста, -

Достойны мы, не слабы те, -

Иль со щитом, иль на щите!

ИО (*так и опускаясь в бессилии наземь*).

А как же царство, Прометей?

Иль не наказан будет Змей?

СЦЕНА ПЯТАЯ

Все трое убегают – Зевс, Ионид и Поэт.

ИО (*поворачиваясь лицом к Луне*). Смертельный враг идет извне!

Спартанский царь и бой!

Но распри, дым по всей стране,

Вставай, иди любой!

На всю Элладу перс идет,

Отец твой был герой!

Он первым был всегда. И вот:

«Мой сын, иди второй!

Иди на бой с врагом туда,

Пока ты молодой!

Ты будешь первым там всегда,

А твой отец второй.

Веди, отец, на бой, в огни,

Элладу заслони!
Сын будет первым, ты – второй,
Твой сын, наш сын – герой!»

Из олив выходит тень Прометея.

ТЕНЬ ПРОМЕТЕЯ (*едва шевеля губами, Ио читает слова по губам*)

Звала меня – и я пришел,
Что хочешь ты сказать?

ИО. Пора, титан, тебе и в строй,
Вниз со Скалы слезать.
Приду к тебе я, пригремлю
Туда, в твои дрема.
Мечой я цепь перерублю,
Сниму ее сама.
Мой дом, где ты, где я с тобой,
Пусть злится злоба дня.
Мечом перерублю, рукой
Ту цепь, что для меня.
Хочу, чтоб из цепей Гермес
Ковал нам острый меч.
Вставай, герой, хочу, чтоб слез
И произнес им речь.
Элладу надо уберечь,
Врага руби с плеча.
Сверкай, твой обоюдоострый меч!
А с ним моя меча!
Уходим мы втроем в поход,
До Фермопил и я.
Платок мой синий, мой народ,
Герой, мой сын и я.

ТЕНЬ ПРОМЕТЕЯ (*со Скалы, громко*). О мать! С тобой, как за горой!

Приди и виждь себя!
Твой сын уж там и я с тобой,
Пусть буду я второй.

Второй пусть буду я, второй!

Уходит вся семья.

Ты там у нас уже герой,

Ты, мать твоя и я!

Ио протягивает руки к нему. Над ними – сиянье Креста Сокровенного.

Тень Прометей исчезает, всходит Луна. Ио остается одна. Бой Часов,

Цветы Белого острова, четкие очертания Нимба.

ИЮ. Крест Сокровенный. Шлю тебе

Поклон наш и слова.

А враг вот-вот придет домой.

Сын – на войне, муж – на Скале,

В тревоге я в своей стране,

Ползет сюда Змея.

Но смута тут, боюсь и я,

Что женщин мало среди дня.

Из всех ущелий бытия

Ползет, ползет во глубине

Тот гад, боюсь – не справлюсь я,

Ему не все ведь рады.

Оракул в Дельфах предсказал,

Что не согнусь, не сдамся я,

На мне броня, гремит металл,

Провидец обещал,

Никто за всех не хочет в бой!

Сын – на войне, муж – на Скале,

Мой сын пока живой.

Боюсь, страдаю и молю,

Душа напополам, -

Наполовину тут, где сплю,

Наполовину – там.

Иду к нему, он на Скале,

Иду к тебе, герой!

Мы будем с сыном на коне,

Он будет первым на войне,
И мы не в стороне.
Душа моя опоры ждет,
Одни отпоры мне.
Мечу плечо мое несет
К цепям твоим, к стене.
И все же я в своей стране,
Когда идет война.
Война внутри, война вовне,
Уходим мы втроем в поход,
До Фермопил и я.
Платок мой синий, мой народ!
Отец, наш сын и я!
И я, и я на ней одна!
Я всю Элладу подниму.
На грозный, честный бой!
Отец – герой и сын-герой,
Я буду там второй!
И только бог мой как Скала,
Глазами на Олимп,
Спит напролет, к ночи прилип,
Пыл проявляя в том,
Что у олив во снах своих
Они лежат у Фермопил –
И братья, и сыны!
Я требую:
Когорты в масть!
Фаланги – в грань свою!
Я требую – упасть в бою!
Чтоб рядом с сыном пасть!
Страну, Элладу заслонить.
Что ночь, то станет днем.
«Так жди меня, и я вернусь!» -

Стою я на своем.
Звезда глядит, как из колодца,
В котором можно уколотся
Трубе с трубой, беде с бедой,
Водичка с кровью льется.
Сын, где ты, где ты? Мальчик мой!
Не засыпай в ложбине смывой,
Сын только что убитый,
Лежащий и поныне
В моем убитом сыне.
Провидец, где ты? Как убиты,
Спят где-то Фермопилы.
Дороги в Грецию закрыты,
Лбом выбиты могилы.

Олимп. Трон. Зевс в глубокой печали.

ЗЕВС. И жить живу, и годы надоели.

Устал на троне этаким сидеть.
Веди их, увлекай их, в самом деле,
Остановился – Смерть!
Рабы не те, что камни долбят смаху,
А те, при Власти, что со мной сидят.
И, повинувшись жадности и страху,
В глаза людей улыбочиво глядят.
По лезвию иду, так изощрился,
Порезать даже пятки мне нельзя.
Там где-то сам Вулкан излился,
А тут интриги искоса глядят.
Зато другие восхваляют Змея,
Ну кто еще интриги так плетет?
Иные ничего ведь не умеют,
И что еще, мой доблестный народ?
Ушли одни, и ты один остался.
Единственный мой слушатель Пингвин.

Мой кот. Ночь где-то прошатался,
Теперь на трон уселся, спит один.
Проснулся, да? Как полыхнет глазами –
Зеленый, фосфорический огонь.
Мы с ним тут боги, мистики и сами.
Мышиный мусор и кошачья вонь.

Бросая в сторону.

Эй, Стража! Сейчас же прогулять кота!
А то нам атмосфера тут не та,
Не та тут атмосфера.

Стражник уносит кота.

Всем дважды повторяй, тупые!
Берут их из глуши,
Понаберут – лишь вертят вы,
А по карманам гвозди и куши,
За грош продали бы такие.
Эй, Стража!

Появляется другой Стражник.

Зачем хоть по карманам гвозди!

В сторону.

«И у него, наверное, как у всех»

СТРАЖНИК (*улыбаясь*). Рифмую: грозди!

Для винограда или для ключей.

ЗЕВС. Ого! Ты чей?

СТРАЖНИК. Без разницы нам с этой алебардой.

То охраняй Скалу, из амфор пей,

А то храни царя, а угощают бардой.

Противная, аж скулы вяжет.

Вот как начальник Стражи вмажет...

ЗЕВС. Я все же бог и царь, а ты мне что?

Напропалую лепишь, вот деревня!

СТРАЖНИК. Зато я честный. Я не то что - то,

А что – не это. Я – Никто!

С планеты мы с другой и части света.

ЗЕВС. Ого! Понахватались как в деревне!

СТРАЖНИК. Нам плотют за живого – не за мертвых,

Мы мертвых охраняем спрехвала.

Мы в бой ходили, мы из той когорты,

Что самой храброй анадьсы была.

ЗЕВС. Ого! Ты просто академик,

По рощице с Платоном не бродил?

СТРАЖНИК (*кладет наземь алебарду, садится на порожек*)

Все клонишь, царь, ты к этой самой теме?

Кабы не бабы, ты бы дольше жил.

ЗЕВС. Ну ладно. Сходи возьми кота и принеси.

Пойди на кухню, там перекуси.

Скажи, мол, царь велел налить из тех запасов,

Что приготовил для себя и асов.

СТРАЖНИК. А такое «ас»?

ЗЕВС. Потом узнаешь – когда машину времени включаешь.

Ну что там, Керы хорошо летают?

Особых лиц катают.

СТРАЖНИК. Все это не про нас, нам пить бы квас,

Вино себе пусть оставляют.

ЗЕВС. Кто ты, откуда?

СТРАЖНИК. Мы – скифы. Минуя рифмы, рифы,

Втроем сюда добрались.

Мы народмышленный, тут выслужились,

В круг такой вписались.

ЗЕВС. В какой?

СТРАЖНИК. В любой.

Да вот стою и говорю с тобой,

Свободный малость.

А если что – к себе я, к сколотам, уйду,

В семью свою.

Тут заработал – и домой,

А то – пропью.

ЗЕВС (*улыбаясь*). Вот ты какой! Ты спас меня.

Совсем тут сдох из-за огня,

Какой пылает в мире.

Огонь – в войне, война – в огне,

И я не в той квартире.

СТРАЖНИК (*улыбаясь*). В чужой порфире.

ЗЕВС. Иди на кухню и поешь,

Заполнишь брешь.

Остается один, сидит на троне свободно, слегка развалиясь.

ЗЕВС. Вот так, такие-то эксцессы!

Перед мыслительным процессом.

А мне - разминка.

Как Аристотель скажет – льдинка,

А ограни ту амфору – гудит.

Вон Ио – лишь «поставила на вид»

На заседании «подкова»,

А до сих пор она кипит

Внутри себя,

Корова!

Достает из-за голенища амфорку, прикладывается к ней, утирает губы.

А все же Ио, эта Ио

Опять встревожила меня.

Хоть отстранили, хоть и мимо

Проходит нашего Огня,

А все же эта Ио, все же

Меня пугает и тревожит.

Дельфийский ясновидец передал,

Что от нее неладное случится,

Мол, упадут в один большой провал

Большие лица!

Она сейчас, подумав обо мне,

Глаза свои с моими сокрестила.
Как у кота, зеленым в Сатане
По-сатанински, дьявольски сверкнуло.
Останови же, музыка, свой бег!
Проверь еще Скалу, титанов брег!
Вглядишься получше в изначала,
Пока нас Жизнь не укачала.
Там сын родился, общий он у нас,
Был общим мой, ее экстаз.
А то такое валят на царя.
А зря.

Трон исчезает в сиянье Олимпа. Зевс уходит, появляется Ио, оглядывается вокруг.

ИО. Сказали – Ионид вернулся,
Он живой!
Бежала, запалась, сюда к нему.
Где он? Где ты, мой мальчик!
Мой герой!

Вбегают Ионид, бросается в матери.

ИОНИД. Я знал, что ты придешь!
И так сюда стремился!
Отец мой где, неужто на Скале?
Все там еще, все не освободился?
А что же царь там думает во Мгле?

ИО. Ну расскажи, как было в Фермопилах,
Мой мальчик, воин доблестный, герой?

ИОНИД. Нас было триста.
Царь с Пелопонесса, царь Леонид
И все его спартанцы,
Который каждый стоит пятерых.
Ну еще я... из Аттики... с Микен...
Но мало, мало...

ИО. А все-таки победу принесли.

ИОНИД (*воодушевлясь*). Ущелье было узко. «Черепахой»
Щиты составив, мы за ней укрылись.
Царь Леонид и все его спартанцы
Поклялись умереть за свой Пелопоннес.

ИО. А за Элладу всю?

ИОНИД. Мы клялись за Элладу,
За Грецию за всю втыкали меч!
Свой обоюдоострый в камни, в землю,
Лбом забивая острие на треть!
Царь Леонид и все его спартанцы –
Герои настоящие, они
Не дрогнули и бровью, когда персы,
Царь Дарий, разом выпустив все стрелы,
Затмили Солнце, заслонили день.
Ударились те стрелы о щиты,
Воткнулись в бронзу, щит нас тяжелил.
Если не втрое, так вдвое – это точно,
Их было больше против Фермопил.
Как бились? Что рассказывать мне, мать?
Как тигры, как пантеры, как спартанцы.
Обученные воины, из школ.
Телами мы закрыли то ущелье.
Я уложил, наверное, с десяток
И обессилел, оказался где-то,
Да, где-то под таким верзи-ло-ю,
Ударом его пики оглушенный,
Что свет померк, дышать я перестал.
Очнулся – все лежат:
И греки мы, и персы.
И тот верзила, до какого я добрался,
Пырнув кинжалом...
Сижу, мотаю головой и вижу: птичка!
Такая предо мной красотка, невеличка,

А как поет. И все мне одному...
И мертвым, что лежат, закрыв ущелье...
Вот так и было. Персы не прошли!
Царь Дарий отступил, пошел в Афины морем.
А я ночами брел сюда, как волк.
Боялся конных персов, пеших.
Своих чего бояться – все лежат,
А эти - что их ублажать?
Могли снять шлем, отнять мой меч.
И я, мать, тоже там лежал
И этим все сказал,

ИО. Герой – мой сын! И я горжусь тобой!

Эллада вся гордится вами!
К отцу пойдем, к титану над Скалой!
Хотим мы встречей насладиться сами.
А Зевс сидел тут, на своем Олимпе,
Когда другой царь – Спарты, Леонид,
Там умирал, за Грецию ведь бился,
Так и погиб, в веках он прозвучит!
Тебе, мой сын, по праву эта честь
Принадлежит.

(Показывая на трон)

Достойно это место всей Эллады!
Освободишь титана Прометея,
Конечно, не из-за награды,
Но прозвучит от имени Эллады
Пред всеми твое имя.
Ты стоишь, бледнея,
А Власть тебе вручат Афина иль Медея.

ИОНИД. Ну я бегу, мать! Встретимся в оливах.

На зорьке обо всех поговорим.

Ио остается одна. Садится на место рядом с тронном, где сидела только что с Зевсом.

ИО (*оглядчиво*). Как и была тут,

Рядом с царской Властью.
Жену мой сын сюда и приведет –
Из элладиек иль финикиянок,
Они красивы и детообильны.
И мудрость в детях будет от него,
От Ионида ветвь пойдет другая.

Ио собирается уходить. Поднимается ветер, врывается в тронный зал.

«О Ио, Ио! – слышится ей.
- Не уходи к титану!
Не рвись на крыльях на Скалу!»
- «Лечу, лечу, – шепчет Ио. -
Уж за спиною крылья!
Лечу, я так хочу, о Прометей!»

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Прометей все там же, на Скале. Сидит на Камне в своей излюбленной позе, подперев голову кулаком.

ПРОМЕТЕЙ. Все снится сон тебе один,
Но с продолженьями, в которых
То ты спускался из Афин,
А то Орел тебя долбил,
Но ты от мщенья отказался.
А все же гордое мерило
Держало в трепете всего.
Ты долго жил, все продолжался,
Происходя из ничего.
И вот, став дерзким от мучений,
Ты в продолженьях изнемог.
А Высший Бог по истечении
Зевесу дал и третий срок.

Тем и бессмертен бог царей,
Что Власть не каждого меняет,
Теперь он смертных презирает,
Чтоб Власть держать, во тьме желает
Всех содержать земных людей.
Но, дав Огонь им и сплотив
Первичным Словом от Поэта,
Я в нем развил такой порыв,
Такой испуг, создал прорыв, что и последняя комета
Так не пугает, как его.
Всечеловечность малых где-то,
Любой ценой желал герой
На Небо право обрести,
Служить, наследовать, вести.
Зато сам Зевс с высот Олимпа
Все чаще тянет пить в ручей,
Совокупясь с чертами смертных,
Чтоб быть царем, властителем
Покорных да и непокорных,
Как при себе так и при нем,
Все продолжаться, продолжаться
В зеленом царствии своем.
Так и живем в двух разных направленьях:
Одни, настороженные, взирают сверху вниз,
Другие - снизу вверх с ожесточеньем.

Вулкан приоткрывает один глаз, другой, начинает попыхивать своей неизменной трубкой.

ПРОМЕТЕЙ (*насторожась*). Опять пыхтишь, все ритмы создаешь,
Своим дыханьем, дремами своими?
Ну да, ты греешь нас, тепло Земле даешь?
А как же Ра – во славу и во имя?
Куришь, Вулкан, смотри не издевайся,
Ведь Зла и так хватает на Земле.

С богами ладь, с добром соединишься,
Не с Сатаной же, что дома в золе,
Пустыми города все оставляет.
Теплись, Вулкан, твори людские души!
Преобразуй возможности труда!
Все бы хотел для всех ты как получше,
А получается, сам видишь, как всегда.
И все же, с Солнцем состязаясь в ритмах,
Ты ритмы Океану подаешь,
Материки сдвигаешь, горы – в плиты,
Меняешь полюса и отвергаешь ложь.
Греховное в народах обозначив,
В аду их Керы держишь, не иначе,
Где Сатана, их мучая, сам плачет,
Но музыку из ритмов создает.
И выдает наверх, где правит Солнце
Где даже полноликая Луна,
Красавица ночная, зря в оконце,
Поэту лишь и видима одна.
Соединяйся с праведным, Вулкан!
Все свои ритмы согласуя с Солнцем!
Вот праздник, что земному Жизнью дан!
Но все грозитя, разлагая стронций,
Ты самый древний из богов на свете,
Когда Земля одним сплошным вулканом
Еще была, остыв, глаз дал ты третий,
Чтоб зорче он поглядывал на нас.
Следил, чтобы живое страшным ранам
Не предавало ценности все эти,
Какие тот разглядывает глаз,
Не зря сверкая гневом всякий раз.
И все ж прошу за смертных, не гневись,
Они же люди слабые, с грехами,

Ну глянь, как все цепляются за Жизнь,
Как героичны, не герои сами,
Но все же верят Солнцу, Свету, Дню,
Воде, создавшей с помощью Огня,
Живое все, святое все, - Огню
Придав движенье, Колесу – Коня.
Как, не жалея каждого себя,
Сражаясь в битвах, убивая просто,
Они сумели уберечь тебя,
Меня поколенья хода, роста.
Всего нам много, кажется, уж хватит.
Беречь любого, каждого из них;
А посмотри, чем человечность платит
За человека, за минуту, миг!

ПРОМЕТЕЙ (*вяло звякая цепью*). Мы и так свободны.

ПРИЗРАК ЮПИТЕРА (*не слушая его*). Свободны изначально...

Все кричало...

ПРОМЕТЕЙ. Скала Свободы!

Скала Свободы!

ПРИЗРАК ЮПИТЕРА (*утекая в легкое облако*). Что передать?

ПРОМЕТЕЙ. Кому?

ПРИЗРАК ЮПИТЕРА (*уже из облака*). А Крону-у-у...

Сыну мое-е-му-у-у...

ПРОМЕТЕЙ. Скала Свободы!

Скала Свободы!

ПРОМЕТЕЙ (*очнувшись, Орлу*). Ты слышал эхо? Или привиденье?

Был, кажется, Юпитер?

Долби, долби, дед, проявляя рвенье!

Сил придавая! Раны, все терпите!

На то и при царях они – Орлы,

Чтобы долбить вовнутрь Скалы.

Орел низко, стелясь по Скале, улетает.

ПРОМЕТЕЙ. Поэта ждал – Юпитер появился,

Воображение так уж разыгралось.

Сказал Орлу, так он до неба взвился

ВУЛКАН (*прикрывая глаза*). Тебя я слушал – слушать надоело.

Про детство человечества, про все,

Что ты сказал. А мне какое дело

Жизнь сохранять подряд, любому в ряд!

Пусть покипят

В котле, в моем аду,

Узнают горе, бедность и беду,

Тогда лишь и оценят Землю,

И Жизни продолжительность, и сладость

Из поколения в поколения, пусть несут

И что на Пир, и что на Страшный Суд.

Вулкан исчезает в кустах дыма.

ПРОМЕТЕЙ (*звяня цепью*). Не звон небес я слышу над собой,

Не взмах крыла и не орлиный клекот,

А цепь тюрьмы, цари передо мной

И Сатаны безумный клекот, шепот.

Нашептывай, нашептывай свое,

А я и так про все про это знаю.

Порой мы тут одни с тобой вдвоем,

Порой себя Поэтом представляю.

Но все равно и тем, другим, и этим

В себе я бело-черным увлечен.

Берем ту цепь и пикой острой метим

И в недра вдруг слетаем и несем.

Я жду Поэта, скажет про земное:

Как там Зевес, как Ио, Ионид?

И чувствую, что встанет предо мною.

Проснусь, а в нем все вечное не спит.

И слышу я, как крылья отрастают

И рушится Кавказская Скала.

И Керы, Керы надо мной витают,

В чем мать их всех когда-то родила.
Скала, держись! Не подводи титана!
Не грохочите, недра, под Скалой!
Бессмертны мы, и помирать нам рано
В кипеньи вод, как в мешанине злой.
Скала, торчи! Сияй тут перед всеми!
Как вера, как надежда, знак химер.
Зачем, Орел, опять ты целишь в темя?
Долби уж печень для принятия мер.
Но чу! Опять я слышу шорох крыльев.
Орел ведь тут, но кто же был тогда?
Поэт с Икаром? Мыслей изобилье
Перехватило горло, как всегда.
Поток прорвался, чувства над потоком,
Слова над чувством – все разделено.
И не расслышишь за ветрами толком,
Как смутно бьется, режется Оно.
Оно, Оно! Похожее на Призрак.
Обычные видения молчат,
Но этот шепот, это пенье, тризна,
Свист ветра о Скалу, отборный клад.
Ругнулся Стражник. Кто-то о Скалу
Виском, просыпалось до звона.
И Призрак встал – Юпитер на валу,
Зевесов дед, отец титана Крона.

ПРОМЕТЕЙ (*отпрянув*). Молчишь, как всякий Призрак?

Чего молчишь? Зачем ты тут,

Как с нами оказался?

ПРИЗРАК ЮПИТЕРА (*не дуновение ветра и не шепот Скалы*).

Пришел... освободить...

Освободить... пришел...

И, будто пристыдясь,

Душа в страданиях тут не измельчала,

Не растворилась в пажитях веков.

Юпитеру виденье отвечало:

«Свобода к нам пришла от стариков».

Еще Юпитер признавал свободы

И говорил, что сыну передал.

И лишь Зевес берет такие моды,

Орла содержит в сторожах у Скал.

То – облачко, в которое ушел

Юпитера седого смутный призрак,

Омыв мне словом раны, -

Несправедливый признак,

Что еще?

Он где-то там прольется в Океаны,

А Океаны под Великим Солнцем,

Дав испаренья, души в них вложив,

Расскажут всем, что жив Юпитер, жив

И жив тут, на Скале, он – Прометей,

Кого мой внук жестоко так обидел.

ПРОМЕТЕЙ *(поворачиваясь снова к Вулкану, звеня грозно цепью).*

Злость помогает выжить,

Но не жить.

А силу Жизни

Придает Добро.

Опять Орлу тут вдумалось кружить,

Круги все надо мною вить. Старо.

О, Зевс, как все и зло, и глупо!

Поэта ждал – Юпитер мне явился,

Теперь я Ио с Ионидом жду.

Уж вечер постепенно в месяц влился,

Висит на нем, подвешено, ведро.

Приходит ночь – завистливо и гордо,

И где-то там, в долине, соловьи

Поднимутся по лестнице, которой

Ко мне сюда приходит сама Ио
В подзвездные владения мои.
Она идет по Млечному пути,
Где говорят, что смертные – все братья.
Пришли от звезд, чтоб в звезды и уйти.
Молю тебя, приди, в мои объятия!
Мы – кравенцы, мы, люди, - от коров.
Звенит в подойник молоко, в покров.
Струя к струе, аж в ухе мне свербя.
Звенит, перебивая звон цепей;
С небес летит молочная струя,
Я подставляю рот, тебе – себя,
Моя, моя рогатая корова,
Ты только пей и пой, и снова пей!
Пей это Небо, эти звезды, ночь.
Пой Красоту, Любовь, Надежду в ней.
Уходит Зевс со дна куда-то прочь,
С дороги уползает этот змей.
Пусть соловьи окутают Скалу,
Проснутся люди, а Скала поет.
Все звуки ночи, в пику Змею, Злу,
В себя вобрав, они их отдает.
Кому - ему, кому – кому – кому?
Бери, Поэт, соединяй слова
С мелодиями, музыкою сфер.
О моя Ио! Ты всегда права,
Кормилица высоких атмосфер.
О моя Ио! Приходи скорей,
Уж не титан я – просто человек.
От звезд молочных даже ночью грей
Меня, Скалу, а с ней мой грешный век.
Прости за все! Послал тебя идти
По странам Неба, по стезям Земли,

Чтоб сбила ноги в кровь на том пути
Себе и сыну, утонув в пыли.
Пыльны дороги, каменисты тропы.
От Азии в день по двенадцать верст
Бредут за Солнцем до конца Европы,
Спустясь когда-то с вековых звезд.
Вот Президент всего Земного Шара,
А умирал ведь в деревушке той
(В Санталово), в какой он – да, в какой!
Он умер! – в ожидании пожара,
В избушке покосившейся, земной.
Примажутся потом, перенесут при этом
К себе поближе, к храму от напасти.
Я – Прометей, а был бы я Поэтом,
Как канарейка содержался б в клетке.
О той напасти ревнивы власти!
В такой же деревушке и пишу
Тут, на Скале, в своем воображеньи.
Позваниваю в цепь, чуть-чуть грешу,
Нельзя нам много в нашем положеньи.

ПРОМЕТЕЙ (*странно оглядываясь окрест*).

Ну вот! И дожил на своей Скале.
Пошли не то, что призраки - виденья,
И даже строчки те, что при Орле –
Свидетельства эпохи, подозренья.
Какой-то где-то, тоже на Скале,
Поэт, мне даже не двойник ведь,
Машиной времени припутался ко мне,
А ведь когда потом еще возникнет.

Поворачиваясь к Вулкану, опять закутившему трубку.

Вот так тут и живем, мой друг Вулкан!
С тобой на пару и по одиночке.
Тебе Землей – удел подземный дан,

А мне Зевесом – эти дни и ночи.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Опять надвигается ночь. Прометей сидит в своей излюбленной позе.

ПРОМЕТЕЙ. С ума сойдешь совсем в изнеможенье

От мыслей в одиночестве своем.
Уже не боль от печени, а жженье,
Сплошная рана, мы с Орлом вдвоем.
Орлы, что при царях, уже не белы,
Гербом чернеют прямо на глазах.
От имени царя такое дело:
Приказано тут наводить мне страх.
Садится Солнце где-то в Океане,
Чтоб отдохнуть и далее светить.
Полоска ала. Все Орел на ране,
Все печень продолжает мне долбить.
Царю на пользу все мои мученья,
Вон как за лето ликом раздобрел!
Никто не ждет от трона отреченья,
У Зевса тоже много всяких дел:
Власть сохранить, себя увековечить.
Богов и смертных содержать в узде.
Как бы кого в борьбе не покалечить,
Ну невозможно, мафии везде!
Когорты все, отряды да колонны.
Все кучкой, все цепочкой по тропе.
Пылают не вулканы уж, а домны.
Металлы выплавляют где-то в пе...
...кле пепел сыплется из тел, из многоточий.
Такие битвы видел я воочию,
Когда с царями рядышком сидел.
Не на Олимпе, но при троне бдел.

Глядел на беспредел.
А ныне еще хуже:
Что было там, внутри,
Теперь – наружи,
Как тот тюльпан, что, вздрогнув малость,
Взял и расцвел, закрылся к ночи,
А муха там, внутри, осталась.
Сиди, переживай за всех и прочее
В своей излюбленной темнице,
Где даже карцер пламенится
Невероятной Красотой.
Все остальное просто мнится,
Уже не кажется тюрьмой.

Ночь сгущается. Начинает накрапывать дождь.

ПРОМЕТЕЙ (*выставляя руку вперед под капли*).

Закрылось небо. Спряталась корова
За тучи вместе с первою звездой.
И как-то больше сделалось земного,
Приближенного к жизни молодой
В долине, там, где били соловьи,
Рулады свои жарко рассыпали.
Весна. Оливы розовы. Ручьи.
Уже рванулись, к морю побежали.
Как только дождик хлынет – чьи вы, чьи?
Ничьи, ничьи, ничьи ручьи,
Мы божьи эротические дали.
С чего-то так волнует все земное,
В столетье раз все трогает меня.
Я Ио помещаю под звездою,
Я знаю, колокольчиком звеня,
Она бредет Асфодилонским лугом
И травку щиплет, платье теребя
Одной рукой, другою – держит сына.

Напуган сын, - какая-то клоака, -
И предсказаньем, что изрек Оракул,
И Зевсом – так фактическим отцом.
А дождь, как бы уже перед концом,
Полил сильнее, садит, как из пушки,
А все равно потом пуховый, теплый,
Как крыло кукушки,
Становится короче, все виднее.
Уже светает. Ночь не то, что тает,
А струями серебряно летит
На дно ущелья, где во мгле шатает
Подножия Вулкана и Скалы.
Бегут ручьи сквозь снег вершин и пыль,
Отребья с плеч остуженных срывая,
Все силы уж не телу оставляя,
И ирреальность снова возникает.
Как с голых – плеч струится течь!
Опять виденье. Призрак, но другой.
Не те на фоне неба очертанья.
Опять освободить? Но кто такой?
Дождем размыты чувства и желанья.
«Кто ты? Зачем сюда пришел.
Мой Призрак?»

РАЗМЫТАЯ ТЕНЬ. Я тот, которого ты видишь.

Которого полжизни ненавидишь
В цепях и столах, в болях за меня.
Сказал я Зевсу, дай коня!
Иначе еще более обидишь.
Вот прискакал, чтобы забрать с собой.
Как день размыт! Весь в призраках, забыт.

ПРОМЕТЕЙ. Ах, это ты великий Кронион?

Ты тот, кто плачет все еще по трону?
А что же сын? Тебя где держит он –

Не на Скале ли? Ну, а где еще?
По стону, по пылинке, по аллейке
Сюда пришел мой Крон, мой старый добрый Крон!
Несчастный царь, вдруг потерявший трон.
Хоть ты и тень, но речь твоя чиста,
Ты же не явь, а Призрак, тень с листа.
Читаю с губ, как выправка проста!
В тебе была воплощена Отчизна.

ТЕНЬ КРОНИОНА. А я не Призрак, только тень его,

Еще у Жизни с краешка витаю.
Надеюсь возвратиться на коня,
Опять же сесть, - несбыточно, я знаю.
А все-таки, надеюсь я и жду.
Потом мы ценим то, что вдруг теряем.
Мне бес в ребро, огонь мне в бо-ро-ду,
Я рыжим стал, хожу по аду краем.
Не опален я, не самосожжен,
Я царь и там, и все меня желают.
Там многих всяких девушек и жен,
При виде их я все еще балдею.

ПРОМЕТЕЙ (*иронично*). Зачем сюда, коль хорошо и там?

На троне Зевса где-то на Вулкане.
Так умерщвлен был сыном или сам?
Не заточен, не проклят был заране?
Чего ж ты хочешь, царь мой, от меня?
Ведь не кипишь на краешке в аду,
И не меня сажаешь на коня,
Чтоб я отметил, чтобы вверх в беду.
А я уже привык за всех страдать,
За смертных всех зализывая раны,
Я чувствую на сердце благодать,
Мне хорошо, где воют псы, бараны.
Оно и ты кого-то унижал,

Когда царем богов был, при тебе
Я в должности какой-то состоял,
А ты мой труд присваивал себе.
Вот почему я поддержал Зевеса,
Когда он вдруг позарился на трон.
Молчишь теперь? Скажи из интереса,
Какого, понимаете ли, беса,
Не сдержан был, любовью увлечен?
Меня ты не остановил тогда,
Когда твой сын свой меч на трон вознес.
О Кронион, мой царь! Ты мой Колосс
Родосский! Но беда
Еще одна, страшней мне не нужна.
Сейчас я тут, на высоте, а то
Гореть в аду потом вместо тебя.

ТЕНЬ КРОНИОНА. Меня ты не любил, за что и сверг.

Совместно с Зевсом действуя. Плати
Теперь, плати, плати, мой стерх, -
Журавль в высоком небе, где пути
Твои с Зевесом вдруг пересеклись.
Теперь тебе – пустая высь,
А Зевсу – тварь земная, слизь.

ПРОМЕТЕЙ (*вспыхивая*). Вы все цари Элладовы такие!

Что ты, что сын твой, богоравный Зевс!
Когда на трон идете, вы – святые,
А как на троне – волки, смотрят в лес.
Все люди плохи, сами хороши.
Чего ж вы оба на меня за то,
Что дал я им не золота куши –
Огонь всего, как телу знак души.

ТЕНЬ КРОНИОНА. Не знак души, а трона опасенье.

ПРОМЕТЕЙ. Но трона и спасенье.

ТЕНЬ КРОНИОНА. Расческа для волос! Мой старый друг, колосс!

Не понял ты меня, а ты ведь прозорлив.
Такое имя – Прометея! – носишь.
Я – тихий, очень тихий, как Юпитер.
Вот Зевс мой, это выродок, бандюга!
Ведь сверг меня! То знак наш родовой:
Свергать друг друга,
На место Зевса сядет Ионид.

ПРОМЕТЕЙ. Откуда знаешь?

Пускай себе сидит, кого тревожит?
История назад идти не может.

КРОНИОН (*отбрасывая тень*). Да, откровенно если – сердце гложет.

Все хочется остановить мне беспредел,
Пока твой век живой еще, не прожит.
О Прометей! Ты честен, не злодей,
Умен, любим среди людей.
Лишь ты придашь короне Власть,
Движенье, Жизнь, Уменье, Страсть.

ПРОМЕТЕЙ. Я не избранник у богов,

Они Юпитера избрали,
А я по линии рогов,
С коровой я – одной печали.
Несите вы свой царский крест,
Как люди, чисты и пристойны.
На свете много всяких мест,
Пусть те садятся, кто достойны.
А мне тут, на Скале, страдать,
От всех мои былых страданий
Освобожденье можно брать
Лишь в лоне снов и испытаний.
Одно лишь мне чело на век,
Один, но верный Человек –
Сам я! Внутри себя всегда
И так свободен.

Пусть видят все мои народы:
Скала Свободы!
Скала Свободы!

Кронион исчезает в облаках рассвета.

ПРОМЕТЕЙ. И тень ушла в другую тень.

Так и уходят тень за тенью.
Грядет волшебный, дивный день,
Прислушиваюсь к песнопенью,
Теплу разверзнутых ланит.
Что он сказал, мой друг Пиит?
Тот – богоравный, что Гомеру
Подобен, что продолжит эру
Всех наших духов, упований,
Признаний, слухов, отрицаний,
И наших дел, и наших бед,
И поражений, и побед.
Звените бронзой о мечи,
Мои мистические грезы.
И Белый Остров, хоть кричи,
В седые пролезает розы.
А тут мой белый Эдельвейс,
Шипы отбросив, мерзнет в камне.
Все это было древне, давне,
Во всем то сон, то бог, то бес,
То Сокровенный Высший Крест,
Возлегший с тенью злой, варавьей.
И есть о чем подумать нам,
И поклониться тем гробам,
Теням их предков, что в Земле
Телами только лишь, а духом
Давно со мною на Скале.
Но Керы их, подобно мухам,
Заточены в своем цветке,

Закрытом на другом витке -
Эпох, прозрений, мыслью, духом.
Не верьте ветреным старухам.
Я жду Поэта, он придет,
Другие мысли разовьет.

Появляется Власть.

ВЛАСТЬ. Опять, крамольник, ты не то сказал!

Все Кронион внизу там разгласил.
Портреты лицезреть уж нету сил,
Драконы все мерещатся, сказал.
Опять, раскольник, ты не то сказал!
Овидия отправили из Рима,
И он проехал где-то близко, мимо,
Юпитеры мерещатся, сказал.
Опять, безумец, ты не то сказал!
И Зевс, и олимпийцы все во гневе.
Твой Эдельвейс, в нем пропадает Зевс,
Свобода все мерещится, сказал.

ПРОМЕТЕЙ. Я тут сижу, и он меня не кормит.

ВЛАСТЬ. Кто он, кто ты? Яснее говори.

ПРОМЕТЕЙ. Он – Зевс! А я – титан, пока что в норме.

Попробуй так за мною повтори:

- Скала Свободы!
- Скала Свободы!

ВЛАСТЬ. Ну я пошла. К нему заторопилась.

Ну хорошо, ну хорошо.

ПРОМЕТЕЙ. Скажи на милость!

А я тут посижу, дай посижу.

И что-нибудь еще приворожу.

Власть исчезает. Прометей остается один. Появляется Жизнь.

ПРОМЕТЕЙ. Да что вы все тут, как с цепи сорвались!

То – Власть, то – ты, а то опять Вулкан.

У Зевса указаний нахватались,

Ко мне несете, чтобы мне ловушки,
Как стражнику в его дрянной избушке,
По ходу Жизни ловко расставлять.

ЖИЗНЬ. Да что ты, что ты наш герой,
Титан великий!
Как я уже сказала, ты герой –
За все твои дела, погоды, лики.
Вот про Поэта вести принесла.
Собрался он к тебе с Икаром – сила!
А больно к Солнцу близко пролетал,
Вот Солнце воск ему и растопило.
Тот воск, что те крыла его держал.

ПРОМЕТЕЙ (*вскакивая и звеня цепью*). И что?!

ЖИЗНЬ. А то, - упал!
Во многоточие ушел, пропал,
В тире короткое попал.

ПРОМЕТЕЙ (*яростно гремя цепью*). Меня вам мало! Уж интриги
Вам просто некуда девать!
Несу, несу свои вериги!
Прости меня, Эллада – мать!
За все прости, за их ловушки,
За мой сомнительный аккорд,
Когда я разряжаю пушки,
Трещат могучие верхушки,
А бронзу спер какой-то черт!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Прометей на Скале. Только Орел перед ним да спящий Вулкан.

ОРЕЛ (*аж приплясывая на одном крыле*). Икар живой, Поэт разбился!

Поэт живой, Икар с ним веселился!

ПРОМЕТЕЙ (*сдвигая брови*). Что ты, что ль печени объелся?

В судьбу играешь на моей крови?

ОРЕЛ. Да врет она! Поэт твой не разбился!

Сам видел, как упал, но Сатана

Его к себе не взял, не принял.

Что знает Зевс, то знает вся страна.

Он с черной вестью Жизнь сюда послал.

ПРОМЕТЕЙ. Когда увижу сам, тогда поверю.

Олимпу верь, да олимпийцам нет.

Своим я метром расстоянья мерю –

От лжи до правды, от угроз до бед.

Лети, куренок, щипанный на воле,

Инстанциям своим все сообщай.

Мол, жив, Поэт, не менее – не более,

Но от меня неправд не обещай.

А правда в чем? Своих не губит Солнце,

В крылах Поэту не растопит воск.

Так ты и брось Зевесово подонство,

Пускай еще поднапряжет свой мозг

ОРЕЛ (*недоуменно*). Тебя пойми! Поэт разбился – плохо,

А спасся – тоже не хо.. хо-ро-шо.

ПРОМЕТЕЙ. При выдохе, Орел, не делай вдоха,

А то и сам рассыплешься еще.

Орел улетает, Прометей остается один, сидит в своей излюбленной

позе.

АВТОР. Страдая, Прометей, укрыл словами

Свои проникновения и боль.

Серебряное пенье, ветры сами

К той единице подставляли ноль,

Десятеря мученьями сомненья,

Увенчанные сладостным концом.

Не верил я в поэтово паденье,

Расспрашивал себя в знак отреченья,

Не мирозданье, не парад планет

К себе переворачивал лицом.

Вертелся мир комический в титане,
Как на колу корова вкруг звезды
Полярной, осевой в небесном стане,
Где без Поэтов нет травы, страды.
Пустые звезды смотрят - без Поэтов,
Фантазии верховной лишены.
Мы с Велимиром были там. При этом
В телеге возвратились в ритм страны.
В Санталово ушел, в свою столицу,
Соломенной хатенки господин.
Я до сих пор такие вижу лица,
Их, как всегда, на миллион один.
А Прометей – один на миллиарды.
Теперь их столько, смертных, на Земле!
Куда ни ткни, все экивоки, барды,
Поэзия же в трансе, на нуле.
Есть, правда, век серебряный, конечно,
Все проклятые, стреляные, биты.
А ведь иные будут живы вечно,
Те, что с Гомером, с Прометеем слиты,
Единой нитью, бледной тенью сшиты.
В ком память млечна, Жизнь быстротекуща,
Зажженная Огнем от Прометея.
Поэт, живи! Пробьемся к Юнгу в кущи,
К Скале, где ждет божественный титан,
Которому высокий жребий дан!
Быть ближе всех – к корове на колу,
Ходящей там, Асфодилонским лугом,
К своим друзьям заветным и подругам,
Что жили тут когда-то, ныне там
Вовлечены в совсем иные эры.
Под Знаком Зодиаков, с видом Терры –
Земли родной, где были и ушли...

Вот чем был занят Прометей
На склоне дней,
Когда писал нули.

* * *

И все-таки предвидел Прометей,
Предчувствовал ведь, что-то совершится.
Недаром приходил синклит друзей –
Богов – титанов, Власть являлась – львица,
Явилась сама Жизнь, придет и сам Зевес.
Как черная пантера ходит в лес,
Ступая по травиночкам без хруста.
Все лапы на подушках, будь им пусто.
Исторгнув мрака лошадиный рык,
Подъехала к подножию квадрига.
Пред Прометеем появился лик
Царя богов, как знак Судьбы – задрыга,
Последняя бродяжка в том миру,
Где правит Зевс. Пролез в свою дыру
И вот теперь, немножко под хмельком,
Покачиваясь тенью, голубком,
Подсаживаемый своей Стражей,
Лез на Скалу Зевес, повыше даже,
Но Прометей его остановил.

ПРОМЕТЕЙ. И ты пришел меня освободить,
О царь богов, завистливый Зевес?

ЗЕВС. Пришел. Смотрю. Как можно тут вам жить?
Такой обзор! Застыть,
Так и стоять. Едва на гору влез.

ПРОМЕТЕЙ. Ну почему же?
Каждый день с Олимпа
Я на Олимп раз тысячу на дню
Туда-сюда.

ЗЕВС. Титан! Тебя я не виною.

Но снять с тебя отсюда, с Нимба,
Я не могу, сказал тебе уже однажды.
Как бы любимому коню!
И скрасить день немного - помогу
Своим тут пребываньем царским.
Есть жалобы? Приносят ли вина?
Усердна ль Стража? Гневен ли Орел?
Особа царская все это знать должна,
Каков тут стул? Где спать тут, стол?

ПРОМЕТЕЙ. Спасибо, царь. Мне ничего не нужно.

Я уж давно не пью, не сплю, не ем.
Со Стражею, с Орлом живем мы дружно,
Чего желаю там присевшим всем.

ЗЕВС. Где там, у нас? Ты зришь через пространства?

ОРЕЛ (*наклонясь*). Через тысячелетья, царь, года.

ЗЕВС. В тебе такое ранее заметь я,

Да ни за что б ты не попал сюда.

Скалу пониже...

ПРОМЕТЕЙ (*в сторону*). ... ручей в грязи пожиже.

ЗЕВС. Чего-чего?

ПРОМЕТЕЙ. Да грязно, царь, в ручье.

ЗЕВС. Пускай течет. Чтоб на Скалу корове

Не вздумалось когда-нибудь взобраться.
Так треть Скалы должна вот-вот взорваться.
А эту вот тропу убрать, зачем она Орлу?
Все поручить Вулкану – сделать к лету,
Чтобы зимой лежать уж на полу.
Ну все, прости, прощай.

Как требует молва:

Последние слова.

ПРОМЕТЕЙ. Скала Свободы!

Скала Свободы!

Зевс со святой поспешно исчезают. Ветер звонкими серебрами раскатывается на оттенки. «Скала Свободы!» – слышится на разные голоса.

ПРОМЕТЕЙ (вслед). Свисти, свисти, Олимп не просвисти!

Не подведи нас под свои микитки.
Над тронем флаг маленько покрути,
До войн не доведи, не обери до нитки.
Куда тебе до Разума Земли!
До копей у железной Карталы,
Где уже тыщи выточено копий.
И бронзов наконечник у стрелы,
И конь в пыли, и воин битвы просит,
Меня на войну менталитет,
Лопаты - на мечи, на кровь побед.
Тумены по степям ковыльным носит.
Когда прихлынут, сдержит ли Олимп,
Зевес, на нем сидящий, лунный Нимб
Над головой Эллады восходящей,
На кораблях, под парусом летящей,
В иное устремленные миры?
Все до поры.
И Зевс, и трон, и войны.
Отсюда вижу, со Скалы, я,
Как Оракул в Дельфах иль Тиресий,
Слепец, развивший внутреннее зреньё
От мыслей, свиста и кипенья,
Уж лет под триста, как и в Зевсе,
А все б тащили из страны,
Тем представляя интересы,
Перелагая жуть на стрессы,
Чего не терпят даже бесы, -
Врагу все ценности свои.

Поворачиваясь лицом к соседней вершине.

Вулкан не спит! И видит сны мои.

Клокочет в нем космическая магма.
Мы с ним тут, как всегда, вдвоем:
Война и мир, где мир не флагман,
К себе курс тянет, скашивает к войнам,
Все облакает в карагод огня.
Уж скачет степью на коне
По ковылям, коровам дойным, –
К моей Элладе прямымком.
Мне страшно, больно незнаком
Я с этой болью за страну,
Какая просится в войну.
Филипп придет, за ним и сын
Великий Александр, Великий!
А я лежу среди снега, льдин
И прогоняю мысли, блики.
Не надо ни крови, ни войн,
Чтоб смертью заливать пороги.
Гони тогда Бессмертье вон,
Так говорят, возвысясь, боги!
Мышление четко, слово твердо:
Перемещая времена,
Я добиваюсь, чтобы гордо
Смотрела в мир моя страна.
И за меня, за Прометея,
И за Гомера, за других.
Есть тут Скала, и есть идея,
А на идее – слово, стих.
Приди, Поэт, ко мне, двойник!
Взгляни, как я в тебя проник,
Как я берусь, борюсь, страдаю.
Как я на крыльях прилетаю
То в ту заснеженную Русь,
То в эту Аттику, Элладу,

Которой грежу и горжусь.
Дракон ползет – то рыжий полоз,
То змей горящий - под коня.
Я дал Огонь им, а не голос,
Чтобы орали на меня,
Что я войну принес, возвысил,
Огонь мой – в души и сердца,
А этот змей, а этот полоз,
Что не имеет уж конца,
Вулкан им дал - подземный Огнь,
Уйми попробуй смерть и стогнь,
А все хулили и меня
За что-то, -
Зевесова работа!
Я дал Огонь душе, Поэтам,
Жилищам, окнам, алтарям.
Печам - чтобы готовить пищу,
Дворцам – впотьмах не быть царем.
Я к колесу Огонь приставил,
Машиной заменил коня.
Я в небеса крыло отправил,
А вы ругаете меня.
Вы перепутали огни –
Небесных сфер и тот, подземный,
Который внес в труды и дни,
Вулкан, Зевесу подъяремный.
Вы перепутали вершины –
Два пика у одной горы.
Вы растопили мои льдины,
Водой затопите миры.
Лишь там, у Разума Земли,
Да тут вот, у моей Скалы,
От Океана безопасно.

Все это будет, небо ясно,
Лишь чернобыл степной в пыли.
Лети, степная кобылица,
Но чернобылы не хватай!
Опять мне Керы, бесы, лица.
Опять гробы, опять рыдай!
Лети, лети, хвостом крути!
То рыжим, огненным, седым,
То заметающим следы,
На нем сходящий пепел, дым.
Борись в себе, о Прометей!
За бело-розовые флаги!
Утонет сам во злобе дней
Кровавый почерк на бумаге.
Подвигни всех, коль на Скалу
Оттуда все еще глядят!
Пускай они идут к столу,
Когда сидят, едят, твердят:
- Скала Свободы!
- Скала Свободы!
Даже Зевс и тот, когда тут был,
В дыму исчез.
Народам нужен царь!
Скале – народы!
И Человек на той Скале!
Как бог, как чудо на Земле!
Какой, один за всех страдая,
Не говорит, во сне звезда я,
А просто тут в цепях лежит,
Не покидает, не бежит
От страха, боли, унижений,
Лишь цепью иногда звенит,
Чтобы услышали, что жив,

Бессмертна Истина, Титаны.
Сиди, о Прометей, лежи,
Гляди сквозь боль и через раны
На смертных всех, на Зевса тоже.
Ему обиды не прощай.
Людскую гордость точит, множит,
О том их и оповещай.
Тебе раскаиваться не в чем,
Себя пред Зевсом унижать
Неси высоко в теле певчем
Себя, Свободы знак, печать,
Чем будешь Зевсу отвечать.
Кати, титан, святое колесо,
По небу ночи, сонмы дней.
Пусть носят Зевсово кольцо,
Но и его дал Прометей.

Появляется Жизнь.

ЖИЗНЬ (*склоняется над Прометеем*). Заметь явилась специально.

Сказать – не просто жив Поэт,
А смотрит в Небо вертикально;
Кует железный самолет
Ему кузнец – сам бог Гермес.
Таков прислал тебе ответ
Сам царь Зевес
После того, как побывал
Тут, на Скале, где ты лежал
Весь перед ним в своих цепях,
И Превозмогая боль и страх.
Как и сейчас, всегда лежишь
Или стоишь тут на краю,
Как у богов в чужом раю.

ПРОМЕТЕЙ. Я уж сочувствую, встаю.

Как режутся там, где лопатки, крылья!

Смотри, какое изобилие
Тут неба, воздуха, оплота,
Скалу покину для полета
И вновь сюда к себе вернусь,
Вновь прилечу,
Я так хочу!

ЖИЗНЬ. Скала мала для самолета,

Опять ведь понесут к врачу.
Кого? Икара да Поэта – для взлета.
Тень воздуха, хвост пламенный, комета.
Да мало места, что-то где-то -
Да тут и там,
Где Зевс гуляет сам.
Пускай они идут, летят,
Куда глаза у них глядят.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Прометей один все на той же Кавказской Скале.

И стал он ждать железный аппарат,
А заодно Поэта и Икара.
Все Кер каких-то злых собачья свара
Над ним вертелась. Сам себе не рад,
Стал думать о поэзии, поэтах.
Чтоб не встречаться с головой пустой,
Они творили далеко и где-то,
А ты во фрунт тут перед ними стой.
А сами не стоят и пред царями,
Навытяжку их ставит лишь Любовь.
Они – цари Любви, Надежды сами,
А ты как хочешь – каждый царь, любой!
В миру поэты защищают вал.
Вот написал – с богами вроде квиты,
А как издать, так чох на них упал.

Такая есть на авторов узда,
Она со мной такого натворит,
Что сорок тысяч братьев прочитают
И не один куда-то побежит,
А сразу всех на плахе распластает.
Но не таков титан наш Прометей,
Чтоб палачишке подставлять свой лоб.
А захотел садиться, так уж чтоб
Не промахнулся в логове идей.
Вот был во что титан наш погружен,
Теперь сказали б так, что он пижон,
Забыл и думать о своем народе.
Он вроде царь, некоронованный навроде,
А как кормить, так пой, как соловей, -
За так, как, в общем, всякий Прометей.
Сиди тут, на Скале, и блошек бей,
Торчи в окне афишей на Свободе,
Народный херувим, Мавроди.
Все это быт, он нас куда завлек?
В какие дебри? Враз дать две медали,
Но побоялись зависти и склок.
Как снижен стиль – сам Прометей заметил.
После больших высот, красот, побед,
Скалу Поэт взял и направит сети,
К нему туда и свой кабриолет.
Трагедию судьбы вяжу с романом,
Так оно было, так оно и есть.
Когда мы поработаем над планом,
Так все и происходит, ваша честь.
На Страшный Суд все вынесут потом,
Где бог, разочарованный листом,
По-своему все это назовет:
Где был народ, когда сажал Поэт

Себя в свой грандиозный самолет?

Так посадил себя Поэт

Иль нет?

ПРОМЕТЕЙ. Да посадил тут, был, сидел,

С Икаром вместе сел -

В одной эпохе,

В разные углы.

Гляжу, волнуясь,

Беспокоюсь – вести

Какие принесли

На суд моей Скалы?

Как там моя рогатая корова?

И сын ее красавец Ионид?

Все это Жизнь, напополам основа

С Зевесом, что жену боготворит.

И вот на птице прилетели

Вот еще след железа, свежий след:

Назвался так он: Перси Биши Шелли,

Туманный Альбион, аристократ, поэт.

А звезды в глаз как заново глядели:

Кто чуть с улыбкой, кто таких, пленя,

Назвался так он: Перси Биши Шелли,

Какой всего навьет, как про меня!

Все слово в слово говорили, пели.

Вот его почерк, вот его рука.

Назвался так он: Перси Биши Шелли -

Двойной поэт, двойник от двойника.

А что же тот, которого я ждал

Да так и ожидаю до сих пор?

Поэт Эллады, бог во мне, Ваал,

С каким такой случился диалог.

Не элладиец он, а потому и строг.

И Зевс другой у них на Альбионе.

А все ж Поэт, как боги на ладони.
Он говорит – я слушаю и внемлю,
А я скажу – запишутся слова.
Так и живем при диалоге с немью,
Живь за словами понята едва.

ПОЭТ. К тебе летел я с искоркой Надежды:
Весь мир о болях дня оповестить.
Вот птицу и подсунули невежды,
Забыли там чего-то подвинтить.

ПРОМЕТЕЙ. Не с неба упадешь, погибнешь в море,
Как всякий истинный Поэт.
Зевесы бдят, все боги любят горе,
А ты – Поэт,
На много тысяч лет.

СЛОВО СЕБЕ (*шепотом*). Так расстреляют, разотрут, повесят,
На яхте ведь утопят и тебя.
Скорее тонут те, что больше весят,
Вот говорю, а это про себя.

ПОЭТ (*громко*). Ты сам Поэт! Ты – первый из поэтов!
Зажжен от Неба, Вечного Огня!

ПРОМЕТЕЙ. Я не про то и даже не про это.
В вас пламень жуткий – это от меня!

ПОЭТ. К тебе летел – беседовал с Икаром.
Он рассказал, как растопило воск,
Но не восторгом Солнца, не пожаром,
А жаром сердца, так работал мозг.
Железны птицы будут лишь в двадцатом,
А мы уже освоили ее.
Зато потом упрутся в этот атом
И расщепят нам Слово самое.
Провозгласи-ка вакханальность лордов,
Зевесов дух провидь, возговори.
Они же нас, Поэтов, все по мордам.

ПРОМЕТЕЙ. Ты сам Поэт, вот сам и говори.

ПОЭТ. Хоть ты не первый, но у нас герой,

Титан великий, богом нареченный.
Вон как торчишь тут со своей горой,
В надежды, в тучи, в цепи облаченный!
Поэзия вся смотрит на тебя,
Поэты ж верят в бога Прометея,
А значит, как в Поэта и себя,
Когда ты есть, когда живешь, радея,
Жива страна.
Уходят облака –
Душа видна
Века.

ПРОМЕТЕЙ. То Керы, все усопшие ко мне,

Привыкли облаками подниматься
На самый пик, до самых истин, братцы,
А там хоть ночь, хоть день на самом дне.
Поэты всех времен, соединяйтесь!
Как призраки мы бродим по Европе,-
Убьют, перестреляют, перетопят.
А после, люди, дико извиняйтесь!
Дадут двоим одну копейку в лапу,
А то и той копейки не дадут, -
Вот что мне Керы на Скалу несут.
Все, значит, надо делать в меру,
Но все лопатой под себя гребут –
Цари, хмыри и ми-ли-ци-онеры.
Так было и так будет,
Особо там, где Карталы,
Где шахты, копи,
Где куют мечи,
Вот там уж лава силы копит,
Огнем уж катится в ночи.

Все взад – вперед,
Где был народ.
Оттуда на Восток и Запад.
Вот Славу чем в себе беречь –
В цепи развертываться встреч.
ПРОМЕТЕЙ. Вон видишь – Эдельвейс,
Такусенький, а, как мечом,
Пронзает камень.

ПОЭТ. Пронзит Скалу.

ПРОМЕТЕЙ. Скала Свободы!

Скала Свободы!

ПОЭТ. Остаться тут с тобой?

ПРОМЕТЕЙ. Иди в народы,

Неси идеи

Моей Скалы, от Прометея!

А все ж подумай о Поэте

В том, элладийском, двойнике,

Куда его сатиры эти

Девали где-то на планете,

Зевесы с пламенем в руке,

А не у сердца, в двойнике?

* * *

Двойник с Икаром улетели

В железной птице, испарясь,

А в Прометее, в самом деле.

Свеча, тресца, горела всласть.

Переходили вслух слова,

И возвращалось к ним молчанье.

Все диалоги – сны, молва,

Побег из тьмы – от одичанья.

Гаякая боль, что хоть кричи,

Когда Орел терзает печень.

Но докричатся уже нечем,

Вот и молчи, вот и молчи!
Видал, как ловятся поэты
Эллады, Неба и Земли
На интонации твои,
На всех кудесников заветы!
Вот и держись, вот и держись,
Вольнообильный Прометей!
Какой великой станет Жизнь,
Какою праведницей станет,
Из Жизни вырастет твоей.
Как Эдельвейс, она восстанет
Всем белым светом на Земле.
Мой белый цвет – мой белый пламень,
Огонь мой белый на Скале!

И опять вечереет, спускаются сумерки. Из всех ущелий ползут черные тучи, они заволакивают всю систему Скалы. Прометею уже трудно дышать. Где-то в тучах лизжут небо красные сполохи.

ПРОМЕТЕЙ. У Карталы! У Карталы!

Пошли вдруг огненные лавы.
И дождь пошел. Уж не пуховый,
Не мягкий, теплый дождь, кукушкин.
Как провалился кол дубовый,
Загрохотало – это Пушкин!
Запахло падалью и серой,
Ударом молний – это Гете,
Утес клеймило мразью серой,
Какой-то дрянью, - из Бодлера.
Как будто черные собаки
Там, наверху, перегрызясь,
Тут за клубились с визгом в драке,
Несясь туда, где всяко мразь
В шатре, изодранном ветрами,
Сидит и правит ими, камень

Держа в одной руке, в другой -
Камча с ременной бахромой.
Степной властитель! Что Зевес
С его привычкой олимпийской!
Чуть что – от страха в поле, в лес,
Однажды на чердак залез,
Когда уж запугали слишком.
Для кузни требовал Гермес
Тряпья для чистки всех желез.
И даже горнов, что ль, из бронзы,
А горны оны –
Для обороны.
Собаки тоненько завыли,
Как по покойнику беда,
Титану сердце обвалили,
Насквозь всю душу проломил
Все эти дамы, господа.
Так и сидел на камне этом,
Как тыщи лет, всегда сидел
Наш Прометей – зимой и летом,
И не ссыхался, не седел.
Хоть и страданья полной мерой
С Земли и Неба ртом хватал,
Когда такой вот ливень с Керой
На гребень снов ему упал.
Он спал, а дождь его хлестал.
И пробуждался, коль кристалл
Бил по зубам, а целил в глаз.
Такие муки не для нас,
А для поэтов, Прометеев,
Они лишь могут тут сидеть,
В долины низкие глядеть,
Где их Зевесы, их злодеи,

Вино под крышей пьют, балдея,
Когда тут бедный Прометей
Совсем продрог в раскате дней,
В разгуле ночи. В общем, впрочем,
Плати за пламенность идей,
За тот пользительный Огонь,
Что ты несешь в гнездо сорочье.
И что такое царь Зевес!
Когда он на Скалу полез,
Как возмущалась природа
На шаг властителя народа,
Какой он сделал по тропе,
Вздымаясь вверх сюда, к тебе,
О Прометей! Титан наш дерзкий!
Герой войны, олимпиад -
Все дождь, все град, все холод мерзкий -
Все это врозь и все подряд.
Сюда стремятся и летят,
Скалу смывая и калеча,
Так стало часто, каждый вечер.
Зато не стрелы, как в степи,
Не конница, не колесницы
И не Вулкана львы и львицы;
В дугу согнись - молись, терпи,
И день расчистится в пути,
И дождь пройдет, и Солнце глянет,
Собака выть уже устанет,
А кони - всадников нести
На длинном жизненном пути.

ПРОМЕТЕЙ (*очнувшись, Орлу*). Лети, Орел, туда, к Зевесу!

Скажи, мол, пусть нальют вина.
А то герой, да ну их к бесу! -
Совсем замерзнет тут, хана.

ОРЕЛ. А что такое есть «хана»?

ПРОМЕТЕЙ. Тогда узнаешь,
Когда дойдешь и ты до дна.
Все в облаках витаешь,
Вот и не знаешь.

ОРЕЛ. Какую амфору нести?
С Олимпа, что ли?

ПРОМЕТЕЙ. Не расплескай на полпути,
Бери поболее.

ОРЕЛ. Большую вдруг не донесу.

ПРОМЕТЕЙ. Долбить мы можем,
Так как работать -
Все под хвостик псу!
Себя треножим. Мир тревожим.
Но ритмы держим навесу.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Прометей один все там же, на Кавказской Скале. Сидит на Камне в своей излюбленной позе, подперев кулаком подбородок.

ПРОМЕТЕЙ. А Зевс сидит все там же, на Олимпе,
Все бродит тут рогатая корова.
С ней Ионид все так же, но не в Нимбе,
Все водит мать от крова и до крова.
Сын уж герой, и Зевсу страшновато
Их стало вместе, рядом содержать.
А дело все в Гефесте,
Так куда там!
И он, что ль, глазик положил на мать -
Дельфийский ясновидец, маг, оракул,
Расчистив затемнения времен,
Недаром Зевсу указал на рану,
Царь под которой будет погребен.

Вот Зевс и ходит черною пантерой,
Корову удалил да и бычка.
Не ограничься этой полумерой,
Послал еще и по миру пока.
Вот и бредут, сбивая пядь о камни,
Такая уж начертана судьба.
Все он ее любовник давний,
А в мыслях – Ио, Ионид, борьба.
Зевеса ты все больше ненавидишь,
Но понимаешь, что такое царь.
Кого еще так, как его обидишь?
В ком возбудишь еще такую ярь?
Побойся этих близких, одиноких,
На ком предначертание сошлось.
Они бредут в раздумьях дня глубоких,
Все по дорогам ночи, знакам звезд.
Так даже Зевс тебя уж не волнует –
Заманит, разыграет, заблефует,
Потянет в окаянство, в страхи, в лес.
Когда же до Скалы-то доберутся,
Ходя кругами мистики идей?
Когда к тебе, наверх туда, вернуться,
Где ты седой, а будешь все седей?
Года идут, летят тысячелетья,
А ты все так же, в том же ранге ты.
Однако все же перекрутим плетью,
Заметим, изощрились все черты
Твои, все те мечты, великолепья
Воздушных замков Неба и Земли,
Что с детства строил, да теперь отребья
Тебя в такие дебри завели.
Отмстить желаешь – не дает сознание.
Все богово, все дядька не велит.

Не разрушай баржи, устрой катанье
Да ключ на дно, пусть Сатана хранит
От бесовских порывов и влагалищ,
Мистической распушенности вдов.
Спасайся сам, тебе ведь предлагали ж,
Но ты ведь обожаешь лишь коров.
Когда придет божественная Ио
Ко мне сюда, на острую Скалу?
Не хорошо, где лечь захочет дива, -
На камне жестко, плоско на полу.
Когда придешь, торжественная Ио,
Не призраком, не тенью звезд, а явь?
Ты только глянь, да как же тут красиво!
Стою у края – весь в обрывках снов.
Тебя зову, божественная Ио,
Идущую на поводу у сына
Дорогою, где золотая нива,
Или, спускаясь к роще в апельсинах,
С небес самих, со стороны от звезд,
Ты с Ионидом переходишь перекрест -
Калинов мост,
А значит, скоро будешь, где и я,
Корова ты рогатая моя.
Иди, иди, к одной тебе взываю!
Иди, иди, одну тебя – зову;
И тут все нас затопит.
Богов на острие не призываю
Соединить меня, Скалу, вдову,
Кукушку в апельсиновом краю –
В одну судьбу, в твою жизнь и мою.
Нельзя ходить века свои по краю,
Все ненавидеть, презирая. Вот
Ты дал Огонь, открыл дорогу к раю,

Бессмертная же фурия у всех.
Вы в мороков каких-то превратились,
Труды мои, плоды моих утех.
С Юпитера начали, с дедом бились,
Уговорили, своего добились,
И вот теперь Юпитер наш близь Сатаны.
У Зевса – внука делает, что скажут,
Ко мне направят - что ж, идет ко мне.
Глаза косынкой белою завяжут,
Чтоб черное не зреть на стороне.
Вот и идет он на такое дело,
На что бы раньше, может, потерпел, -
Уговорить меня от беспредела,
А сами возглавляют беспредел.
Мол, призрак он, что взять с него, ведь призрак
Всего в воображении моем!
Вот и гуляет наш Зевес по тризнам,
По всем кругам в квадратике твоём.
А дальше что? За дедом кто являлся?
Отец Зевеса – царь титанов Крон.
Вот Кронион так тенью и остался,
Как отпечатан смех его и стон.
Уж этот мог бы и повременить,
Его свергал Зевес тогда, его!
Побольше бы им магии вменить
За зло, коварство сына твоего.
О боги, боги! Ввергли вы меня!
Мысль завели опять в такие дебри!
Царя титанов сбросили с коня,
Не покачнулись рядом стебли вербы.
Ну, Кронион! Ну наш великий Крон!
Чтоб не забыли, свергнут был великим.
И ты сыночку передал свой сон -

Грядущий, жалкий, многоликий.
Во сны являлся вроде от Зевеса,
Что говорил – не помню, но одно
Так врезалось, как было тут оно, - повеса!
Мне говорил про женщин:
Все легли на дно.
Спускался в своих снях, в своих тенях,
Запутался, при аде и остался.
Вот интересно, как это Зевс в богах
Так быстро и так ловко разобрался?
Он Крона уже вытащил из ада.
Вот и скажи, кто Зевс. Не все подряд
Выслушивай, что боги говорят,
На то и существует мысль и ум,
Порог, какой переступить не надо.
Ну кто еще? А дальше – кто помельче,
Чего мозги такими засорять?
Я – прозорлив! Я – Прометей! Мне легче
Возможности мышленья применять.
Поэта жаль. Упавшего. С Эллады.
Да и того, на птице, двойника.
Имелись бы какие-то награды,
Обоим дал бы, живы ведь пока.
С врагов мы переходим на друзей,
Все как-то плавно, незаметен медиум.
Поставят гроб. Построят Колизей
Им под музей,
Им жить таким указано на Небе,
А у меня – на все моя Скала,
С Вулканом тут останемся навечно.
О моя Ио! Где вчера была?
Иди! И не болтай там
С каждым встречным.

Молю богов, тебя! Ползи, Змея!
Провидься хоть, а лучше взвейся явью,
Крылатая, рогатая моя!
Я голос повышаю
За муки, как мои,
За снов твоих слои,
За все тебя провозглашаю!

Появляется Ио крылатая. Опускается на Скалу прямо перед Прометеем.

ПРОМЕТЕЙ (*в радостной возбужденности*). Я знал! Я знал!

Предчувствовал тебя!

А где твой сын, что нас освободит?

ИО (*бросаясь в объятия*). Вот видишь – крылья!

Выросли, любя.

Летает и твоя коровушка, летит!

Те крылья-для Любви полета,

Рога же – для защиты лета.

ПРОМЕТЕЙ. А Ионид?

ИО. Все режутся они у Ионида.

Когда-нибудь вдвоем к тебе придем

Иль прилетим к тебе сюда, эгида.

ПРОМЕТЕЙ. За все мои страданья, потрясенья!

Вулкан! Ты видишь, я уж не один.

Вот моя Ио! Вот мое спасенье!

Уймет твой кратер,

Твой горячий дым.

ВУЛКАН (*ворчливо*). Да плюнь ты на тот дым случайный!

Молчу, молчу, Олимп мой новый, тайный.

ПРОМЕТЕЙ (*обнимая Ио*). Видала? Друг! А ведь сторонник Зевса.

Но Зевс далеко, нам тут рядом быть.

Отметь мне, Ио, рогом это место,

Я буду еще долго его чтить,

Тот след от той железной птицы,

Что мне Поэт оставил, расписался.

Ты будешь мне тысячелетья снится,
Как я с тобой тут заново рождался.
О моя Ио! К сыну улетай!
Прощай! Слова запомни,
Великие мои на всех народы:
Скала Свободы!
Скала Свободы!

Ио улетаёт. Прометей стоит на самом краю. Смотрит, как улетаёт Ио.

ПРОМЕТЕЙ. Как Призрак. Был и нету вот. Как сон.

Но жизнь реальна, на Скале отметка.
Молись, титан! На миг, на свой обет,
Благодари богов своих. Как редко,
Как оно хрупко – Счастье, и конечно.
Вот было, а вот его и уж нет,
Зато Любовь возвышенна и вечна.

ВУЛКАН. Копишь, как я. И все свое внутри,

Слова наружи; что тебе Слова!
Дорога уже звездна, посмотри!
И млечна междузвездная трава.

Прометей смотрит в Небо, где все ещё видна далекая точка – улетающая крылатая Ио, чтобы там в Небе, ходить ночами Асфодилонским лугом, крутиться вокруг столба Полярной звезды, щипать луговые травы.

Сгущается ночь. Куда в Океан Солнце садится, начинают перебегать тучи. Все страшнее, грознее, мохнатее. Молнии чертят Небо острым, круги.

ПРОМЕТЕЙ. Опять обвал времен!

Опять потоки с неба!
Опять по мне и вихри, и гроза!
За краткий Счастья миг
Вся эта мразь, слеза.
Судьба черна, просветов никаких.
И то Зевес друзей своих наслал,
Врагов моих, мучителей безмерных.

Орел и тот за амфорой слетал –
С другого края, от камней химерных.
Вернулся - те опять сюда летят,
И по плечам, по печени меня.
Лягушки падают и по камням кричат,
Упала грива рядом от коня.
Столпотворенье. Смена эр, эпох.
За краткий миг судьба пришла в движенье.
Шатается Скала у моих ног,
Дрожит Земля, меня положение
Двух полюсов под пяткою небес,
За краткий миг такая миру плата.
А все Олимп, а все на нем Зевес!
Оглух уж от последнего раската.
Все грезы, вся в смутьянах главный бес.
Вот град с кулак. Вот снег пошел, и лето
Все залепило тело и лицо.
Не знают меры эти атмосферы,
Когда сжимают Ио, как яйцо,
Комета и ее одни нули.
За что, за что шатаете Скалу?
Всевышние космические боги!
За краткий миг? За дерзкую хулу?
За сбитые в кровь ноги на дороге?
За тот глоток Свободы, что вдохнули
Все смертные там, глядя на меня?
За то, что взгляд на Небо повернули?
За то, что цепью тут стою, звеня?
О боги! Проклинаю ваши недра
И ваши лавы где-то там, внутри!
За то, что Власть у вас немилосердна,
Все на нее работай, все твори!
А жить когда, а Жизнь людей мгновенна;

Пришел – ушел, оставив лишь тире.
Слепи, топи, космическая пена!
Но помни все о смертных и добре.
Я дал Огонь им не для поражения,
А для побед во имя и навек.
Чего ж ты хочешь – рабства, униженья?
А он ведь смертный – тоже человек!
Стоит пред миром на краю Земли,
Хоть и во мгле,
Хоть и в огне, пыли, -
Глоток Любви моей,
Моих ночей и дней, –
Скала Свободы!
Скала Свободы!

ПРОМЕТЕЙ (*поворачиваясь к Вулкану*). Вулкан! Я гибну!

Глянь, как вмерзаюсь в камни.
Бессмертный статус отменен и мне.
Конь в яблоках летит к нам степью давней
И все дрожит тут, в нашей стороне.
Пророчествую. Ждут нас потрясения,
В долине где-то сад уже осенний.
Созрело все там, салютуют, ржу,
Вжимаюсь в камень, на каком сижу.
Как конь, полжизни - три тысячелетья,
Уже промчался, трон перехожу.
Прощай, Вулкан! Смерзаюсь, не ханжу
Отговорил мой Реквием бессмертный.

ВУЛКАН (*ожив*). Постой, постой! Дай я чего скажу,

Дай покурю, дай недра обозначу
И всей системой мер по рубежу
Спасу от вымерзанья всех в придачу.

ПОЭТ (*маяча в стороне*). Земной, а в небесах своих парю,

Подзвездный, целомудренный и пылкий, -

Стихи пишу, стихами говорю,
Как джина выпускаю из бутылки.

*Вулкан начинает пускать кольца, над кратером появляются первые
признаки раскаленной подземной стихии.*

ПРОМЕТЕЙ (*Поэту, сбрасывая себя мокрые одежды*)

Спасай же речь!
И все мои народы!
Скалу Любви!
Скалу Свободы!

ЭПИЛОГ

А он лежал, истерзанный, разбитый,
Средь промерзання паков – вечных льдов,
Цепями до колена перевитый,
Да еще сразу в несколько рядов.
Он мысль лелеял о своей Элладе,
Инстинктом жил – у Разума Земли,
Душой паря в первоцветущем саде,
Куда его дороги завели.
Он мир творил по своему подобию, –
Свободный, беспредельный, неземной.
Висел над дном, весь иссякая кровью,
И все же героический такой.
Не умирал, но и не жил; как студень,
Вмерзаясь телом в окаянство льда,
Все думал, что с людьми в конечном будет,
Как и кого перехлестнет беда?
- Зачем я тут, о царь богов Зевес?
Зачем один лежу, непокоренный?
Я – Прометей! А тут крутись, как бес,
Свободный я, свободною рожденный;
Зачем тут писк мышинный среди звезд?
И смерти нет, и жизнь на волосок?

«Как ты сюда? О, птичье прикасанье!»
И трепет крыл о печень, о висок.
Прижало ножку рифмой? «Хорас-сс-о».
Он потянулся, вытянулся к ней.
- Ты что! – сказал Стража, не сбежала.
- Поэтов жалко, - он ответил ей.
Рассек Скалу, возвысился над ней.
И камень сбросил, дал крылу Свободу,
И рассмеялся бог мой Прометей
Со мною вместе – Солнцу и народу!
Опять Зевес чего-то проглядел.
И скалились из-под Вулкана орды,
А он напротив, яростный, сидел -
Отверженный, вневременной, народный.
В нем жили люди, трепеты огней,
Впечатывая в медь земное имя,
А он сидел тут с бесами своими,
Цепями взыблен, с власами седыми
Никем не побежденный Прометей.
Однако люди, за Огнь благодаря,
Ничем не отвечая прежде, зря
В разверзнутую грудь ему, герою своему,
Теперь вот камни раскаленные бросали
Туда, к нему вовнутрь,
Где жизнью воскресали и тем спасали!
В тенях теней, в корпускулах свечений
Он стал Скалой, утесом – ни народ,
Ни Зевс не придают ему уже мучений,
Ни Дух Всевышний смерти не дает!
Молчит титан на той Скале у Азии
И у Европы на груди у муз.
Скала одна такая на Кавказе,
Но две вершины сплочены в Эльбрус.

Скала – Вулкан как монолит Евразии,
На камне вечность держит Прометей.
Снега вершин блистательней фантазии,
Зияющая карта всех мастей.
Снега вершин слагающие, знойны,
Чернят глаза, когда глядят в лицо.
Пусть смертные внизу всего достойны,
На пальце носят Зевсово кольцо,
А наверху все страждет Прометей
За нас таких на двух вершинах сразу.
Поэты ходят по кругам идей,
Пророчествами заклиная Разум.
Вот на Скале распятем и висит,
Пред ликом смертных, волею людей
Цепями молний, пламенем в зенит
Свободой рожденный Прометей.

Октябрь 2004 г. - май 2005 г.
г. Орел – пос. Синяевский,
Орловщина.

ПОСТСКРИПТУМ

Главная идея Человечества – это Вера в Бессмертие. По-иному, это коллективное бессознательное, архетип бессознательного по Юнгу, а по Есенину, по православному, Радуница – главный день в году поминовения усопших, это осознание Жизни предков, переходящей от поколения к поколению. К началу XXI века наукой, энтузиастами много чего открыто заново из того, что знали интуитивно в древности и что было забыто или отвергнуто.

Вот оно тут в «Свободнорожденном Прометее», в его алхимии слова. Что же тут главного – в этом Бессмертии, соединяющем интуицию с Разумом в самосовершенствовании человека? Опять-таки эти четыре стихии – Земля и Небо, Огонь и Вода. И главная из них для Жизни, для самой идеи Бессмертия – это стихия Воды. Установлено великое множество разновидностей чудодейственных вод. Выделяем одно: все живое на Земле вышло из Воды, в том числе и Человек. Установлено: все живое на земле питает Вода. Ничего на Земле не проходит бесследно; умирая, в мире все остается записанным, переходя (по Вернадскому) в биосферу Земли. И вот при определенных условиях люди видят это записанное в видениях, призраках, в сочетании минувшего с настоящим. Шекспировский «Гамлет» видел Призрак отца в призраках ада и рая; в Керах усопших – вся античная литература, вся фантастика последующих веков.

А ведь не такая это уж и фантастика. Подобрались ныне к расшифровке замковых призраков, «готики», т.н. «черного романа», восточных и античных видений. ВОДА – вот ключевое слово при этом.

Вода записывала и копила, записывает и сейчас. А люди начинают читать. При этом должны быть непременно два условия: чуток приемник (то есть человек, видящий призрак) и чтобы воедино сошлись, по крайней мере, три магнетических, космических признака, чтобы получился т.н. «дом (или замок) с привидениями».

Существует лаборатория при Академии наук, разработки отдельных энтузиастов. Призраки, даже невидимые глазу, зафиксированы самими чуткими

приборами, имеются их фотографии, обеспечивающие реальность. Смотрим, как связано это с Водой. В документальном фильме ВВС показано, как до сих пор вручную ищут подземные воды в Англии. Точно так же было и есть у нас на Руси. Берут в руку два ивовых прутика, выставляют вперед их «усами» параллельно земле – «усы» как экран и указывают течение подземных вод, просто и точно.

Такие же металлические «усы» – прутики указывают на присутствие рядом призрака, приборы фиксируют усиление магнитного поля. И все пока. При этом не сделано главного вывода, который сейчас, пожалуй, впервые делаю я. А именно: *человеческий организм на 96 процентов состоит из воды.* «Усы» – прутики указывают на близкое присутствие в виде призрака этой самой жившей некогда в виде человека – *ВОДЫ*. Согласно физическим законам, вода нигде не девается, она переходит из одного состояния в другое, уходит в биосферу земли, остается в ней и в особых случаях, при стечении обстоятельств и большой магнетической силе воли людей, возвращается к ним – в их души, пути и жилища, в их чувства и помыслы. Смотрите, даже элементарно, воды с Земли испаряются, поднимаются в тучи, строя «воздушные замки», а затем выпадают на Землю в виде дождя. Так и Керы – души умерших, покидая брненное тело, обитают где-то рядом, они среди нас – эти наши поколения, предки. На Радунуцу мы вызываем их, возвращаем к себе, не прерывая контакта. Так говорили древние, так говорил Заратустра, так начинаем говорить мы сейчас.

Такова была литература с древнейших, еще авестийских времен. Таковой она должна остаться в главном – в творчестве, следом за нами и другими. Все времена существуют слитно, все поколения соприкасаемы, живут безраздельно, проще говоря в памяти человеческой, а по-научному – в коллективном бессознательном, в архетипе бессознательного, по религиозной давности - в Радунуце праславянской, есенинской, то есть среди нас и тех, которые будут.

Вот какой главный нерв почувствовал я в «Свободнорожденном Прометее». Свобода – это даже не столько социальное, сколько признак естественного развития, магнетического существования человека, его законное право на Бес-

смертную Жизнь. Больше всех обеспечивают это право Поэты, за что часто и гибнут на плахе. Ибо – по Аристотелю, обобщившему более чем пятидесятилетний путь в искусстве всего человечества, законы «историков» (то есть властителей – практиков) и законы поэтов (то есть художников – интуитивистов, в какой-то мере и ученых) – разные, они развиваются параллельно и не должны мешать друг другу в основе основ: в Свободе, в естественном развитии человека, в притязаниях человечества на пути к своему Бессмертию, то есть вечному пребыванию в огненном космосе в разных формах и выражениях.

Об этом знал Президент Земного Шара поэт Владимир Хлебников, когда говорил о «годовых кольцах» – периодах в 365 лет назад и вперед, где у человека имеются «двойники». Кстати, мой «двойник», например, бельгийских художник Ян Брейгель – старший. «Двойники» – это и есть наши призраки, то есть видения: в прошедшем – узнаваемые, в будущем – неузнаваемые в виде людей и событий. Об этом тоже знали давно, где-то в недрах буддийской культуры.

А что же знаем мы ныне о Прометее? Кто все-таки освободит его – героя Эллады? Об Иониде нет, по-моему, таких свидетельств в анналах истории. А о ком есть? Геракл – вот кто освободит, в конце концов, Прометея – этого богатыря, подарившего людям Огонь. Значит, не боги, а Геракл – герой, человек смертный способен дать Свободу герою! И это станет одним из двенадцати бессмертных подвигов греческого Геракла. Итак, свободорожденный, прикованный и освобожденный Прометей Эсхила находится среди нас, людей, ждущих освобождения.

Так говорил Заратустра!

Так говорит Прометей!

Так говорим уже мы!

От автора.

ПРИМЕЧАНИЯ

Эта трагедия занимает особое место в творчестве Эсхила. Время ее написания неизвестно. Очевидно, трагедия составляла часть трилогии, по-видимому, за ней следовала трагедия «Освобождаемый Прометей», от которой сохранились небольшие отрывки. В списке трагедий Эсхила сохранилось название трагедии «Прометей-огненосец». Содержание ее неизвестно: это могла быть и первая часть трилогии – рассказ о похищении огня Прометеем, и последняя ее часть – установление культа Прометея в Афинах (ср. последнюю часть трилогии «Орестея» «Эвмениды», где в финале устанавливается культ Эвменид в Афинах). Действие трагедии, по-видимому, происходит в тот момент, когда Зевс только что пришел к власти, свергнув и заточив в Тартар своего отца Крона и все поколение старших богов – титанов. Прометей тоже титан, но он помогал Зевсу стать царем богов. Теперь же Зевс наказывает Прометея за похищение божественного огня и желание спасти людей от уничтожения.

Прозорливец-Прометей – «Прометей» по-гречески означает «предусмотрительный», «прозорливый». *Дети Урана* – поколение титанов и гигантов, детей Урана, к которому принадлежит и Крон. *Земля-Фемида* – Эсхил отождествляет Землю (Гею) и богиню справедливости Фемиду. *Океан* – дядя Прометея, дочь Океана Гесиона – жена Прометея. *Этна* – вулкан на о.Сицилия. В 478г. при жизни Эсхила, бывавшего на Сицилии, произошло извержение этого вулкана, представляемого мифологическим сознанием, как могила огнедышащего Тифона. *Ареи* – одно из персидских племен. *Лерна* – озеро в Арголиде. *Керхнейские струи* – источник в Арголиде. *Фермодонт (Термодонт)* – предположительно река и область на Кавказе. *Пролив Меотиды* – Керченский пролив. *Он должен быть из рода твоего* – орла, терзающего Прометея, убьет Геракл, дальний потомок Ио. *Кисфена (Кистена)* – горы в М.Азии (Вифинии). *Река Плутона* – золотоносная река; Плутон здесь отождествляется с Плутосом, богом богатства. Может быть верхнее течение Нила. *Треугольная земля* – дельта Нила. *Молосская земля* – Эпир. *Феспротия* – область северной Греции. *Энаф* – буквально «рожденный от прикосновения». *Пятьдесят сестер* – Данаиды. *Пеласг* – мифический царь Аргоса. *Из невест одна* – Гипермнестра. *Адрастия-Немесиды*. *Два тирана* – Уран и Крон, дед и отец Зевса.

«Освобожденный Прометей».

Лирическая драма в четырех действиях.

(Из предисловия).

«Прикованный Прометей» Эсхила предполагал примирение Юпитера с его жертвой в оплату за то, что Прометей предостерег Юпитера от опасности, грозившей его власти при вступлении в брак с Фетидой. Согласно этой трактовке сюжета, Фетида была дана в жены Пелею, а Прометей с соизволения Юпитера освобожден от своих оков Геркулесом...

Единственное создание воображения, сколько-нибудь похожее на Прометея, это Сатана; причем, на мой взгляд, Прометей является более поэтическим образом, чем Сатана; мы видим в нем то же мужество, величавость и упорное сопротивление всемогущей силе; но он, по-видимому, лишен пороков честолюбия, зависти, мстительности и жажды возвеличения, которые мешают нам вполне сочувствовать герою «Потерянного рая» (Мильтона). Образ Сатаны рождает в уме вредную казуистику, заставляющую нас взвешивать его поступки и его муки и оправдывать первые потому, что второе превышает всякую меру. В умах тех, кто подходит к величественному творению с религиозным чувством, это порождает нечто более худшее. Между тем Прометей является типом высшего нравственного и умственного совершенства, повинующимся самым чистым, бескорыстным побуждениям, которые ведут к самым прекрасным и самым благородным целям.

Образы, разработанные мною, во многом извлечены из области движений человеческого ума и тех внешних действий, которыми они выражаются. В современной поэзии это прием необычный, хотя Данте и Шекспир полны подобных примеров. Но греческие поэты, как писатели, знавшие решительно обо всех средствах пробуждения сочувствия в сердцах современников, пользовались этим сильным рычагом часто.

Невозможно, чтобы человек, живущий в одну эпоху с такими писателями <...>, мог добровольно утверждать, будто его язык и направление его мыслей могли не претерпеть изменения <...> Действительно, форма есть принадлежность эпохи, в которую они живут, а дух должен являться самопроизвольной вспышкой их собственного ума.

Особенный стиль, отличающий современную английскую литературу, - напряженная и выразительная фантастичность, - если его рассматривать как силу общую, не был результатом подражания какому-нибудь отдельному писателю.

Великим писателем золотого века нашей литературы мы обязаны пламенным пробуждением общественного мнения, низвергнувшем наиболее старые и наиболее притеснительные формы ортодоксальных предрассудков.

Что касается подражания, поэзия есть искусство мистическое. Она создается посредством сочетаний и изображений. Поэтические отвлечения прекрасны и новы не потому, что их составные части не имели предварительного существования в уме человека или в природе, а потому, что все в целом, будучи создано их сочетанием, дает мыслимую и прекрасную аналогию с этими источниками мысли и чувства и с современными условиями их развития; великий поэт представляет из себя образцовое создание природы, и другой поэт должен не только его изучать, но и непременно изучает <...> Поэт представляет из себя сочетание известных внутренних способностей, изменяющих природу других и известных внешних влияний, возбуждающих и поддерживающих эти способности.

Каждый человеческий ум изменяется под воздействием всех предметов природы и искусства, под воздействием всякого слова, всякого внушения, потому он позволил влиять на свое сознание; он - как зеркало, где отражаются все формы, сочетаясь в одну. Поэты так же, как философы, живописцы, ваятели и музыканты, являются в одном отношении творцами своей эпохи, в другом - ее созданиями. От такой подчиненности не могут уклониться даже высшие умы. Есть известное сходство между Гомером и Гесиодом, Эсхилом и Еврипидом.

дом, Вергилием и Горацием, Данте и Петраркой, Шекспиром и Флетчером; в каждом из них есть общая родовая черта, под господством которой образуются их личностные особенности.

Было бы ошибкой полагать, что я посвящаю мои поэтические произведения единственной цели – усилить непосредственно дух преобразований <...>. Моей задачей до сих пор было – дать возможность наиболее избранному классу читателей с поэтическим вкусом обогатить утонченное воображение идеальными красотами.

Каким бы талантом не обладал человек, он обязан им пользоваться.

Пер. К.Чемен.

Перси Биши Шелли (Там же. –С.443-449).

Перси Биши Шелли

(1792 – 1822)

Шелли родился в аристократической семье, в графстве Суссекс. Учился в Итонском колледже, в Оксфорде, где изучал языки, сочинения великих просветителей, политэкономия, химию, утопический социализм. В Оксфорде начался и его литературный путь. Жестокое решение суда о лишении Шелли прав отцовства его двух дочерей только за то, что он атеист, скрепляет сам государственный канцлер лорд Эльдон. Шелли навсегда покидает Англию и переезжает в Италию. Главные шедевры лирики созданы поэтом здесь («Изменчивость», «Ода Западному ветру», «Джен с гитарой», «Ариетта для музыки», «Островок» и др.). Стихи Шелли отличаются силой чувства, проникновенной задушевностью, особой деликатностью, тонкими нюансами. Общая тональность поэзии Шелли глубоко оптимистична: как вслед за зимой идет весна, так и век социальных бедствий и войн неизбежно сменится веком мира и процветания. С особой силой эта идея прозвучала в лирической драме «Освобожденный Прометей» (1819), написанной по мотивам известной античной трагедии «Прикованный Прометей» Эсхила.

Шелли трагически погиб в расцвете сил, когда яхту, на которой он плыл из Ливорно в Виареджио, застигла буря. Только через десять дней тело Шелли было выброшено на берег и затем предано сожжению в присутствии Байрона, журналиста Ли-Ханта и путешественника Трелони. Урна с прахом поэта была похоронена в Риме, на протестантском кладбище. На памятнике высечена надпись: «Перси Биши Шелли – сердце сердец».

* * *

«Освобожденного Прометея» Шелли начал писать вместе с «Книгой Ио-ва». На вилле Эсте первое действие «Освобожденного Прометея» было почти закончено в начале октября 1818 года. Мужество героя, спасителя рода человеческого, и его конечная победа – эта тема затрагивала самые глубокие чувства Шелли и будила в нем благороднейшие силы воображения.

Второе и третье действие лирической драмы были написаны среди развалин Тери Каракаллы, заросших в ту пору цветущими кустарниками.

«Яркое голубое небо Рима, - пишет он, - влияние пробуждающейся весны, такой могучей в этом божественном климате, и новая жизнь, которая опяняет душу, были вдохновением этой драмы». Четвертое действие было прибавлено в декабре 1819 года во Флоренции.

Иоганн Фольфганг Гете

Прометей

(Драматический отрывок 1773,

мои извлечения).

Действие первое.

Прометей

Способны ль вы вместить

Всю ширь земли и неба

В одной моей руке?

Иль разлучить меня
С самим собой?
Иль можете меня расширить,
Вложить в мои пределы мир?

Меркурий

Судьба сильна!

Прометей

Судьбы признал ты власть?

Я – тоже!

Иди! Я не служу подвластным!

* * *

Прометей

Быть их слугой?

Их небо охранять?

Нет, я сговорчивее, право!

Хотят со мною поделиться боги,

Но чем же? Мне делиться с ними нечем:

Чем я владею, то украсть они не могут.

А то, что их, пусть сами охраняют.

* * *

Эпиметей

Ты одинок!

Каким блаженством было б,

Когда бы ты, и все твои, и боги,

И свод небесный, и весь мир

Себя в единстве полном ощутили!

Прометей

Я это знаю!

Милый брат, живи,

Как можешь, но меня оставь!

Эпиметей уходит.

Вот весь мой мир, вот – все:

Я воплотил

Все сокровенные желанья

В телесных образах.

Мой дух, тысячекратно разделенный,

Един во всех и в каждом из созданий.

* * *

Прометей

Но почему же

Обитатели Олимпа

Так дерзко посягают

На мощь мою?

Я знаю сам, что с нею должен делать,

И не ступлю ни шагу

Для богов!

Для них ли я живу?

Минерва

Так мыслит мощь.

Прометей

... И разве я не исполнял работу

По воле их,

Тяжелую поденную работу,

Поверив только,

Что прошлое с грядущим в настоящем

Для них равно открыты,

Что их правление – закон,

Несокрушимая,

Стоящая веками мудрость?

Минерва

Служил ты им, чтоб заслужить свободу.

Действие второе.

Юпитер

Пусть ничтожен, но число моих рабов он умножает.

И благо им, когда во мне отца признают,

Но горе им, коль захотят царю

Не покориться!

* * *

Прометей

Взгляни, о Зевс,

На мир мой: он живет!

По своему образу слепил их,

Людей, себе подобных, -

Чтоб им страдать и плакать,

Ликовать и наслаждаться,

И презирать тебя,

Как я!

* * *

Человек

Спасибо, дорогой отец!

Скажи мне: могут жить все братья

В моем жилище?

Прометей

Нет!

Ты дом себе построил, это – твой,

Но можешь разделить его,

С кем хочешь.
Кто хочет кров иметь,
Пусть сам построит.

Уходит.

Два человека.

Первый

Ты ни одной козы
Не смеешь взять:
Они – мои.

* * *

В сиянье лунном
И в поцелуях подруги милой
Блаженством наполнилась твоя душа.

Пандора

Невыразимо!

Прометей

Что стан твой в пляске поднимало
Легко на воздух?

Пандора

Радость!

Действие третье.

Закрой, Зевс, небеса свои

Завесой туч! <...>

Кто помог

Мне одолеть в борьбе титанов

И кто меня от смерти спас,

От рабства?

Не ты ль само,

Святым огнем пылающее сердце? <...>
Мне чтить тебя? За что?
Когда ты скорбь утешил
Обремененного?
Когда ты слезы вытер
Скорбью томимого? <...>
Иль думал ты,
Что буду жизнь я ненавидеть,
В пустыню удалюсь из-за того,
Что воплотил
Не все свои мечты!
Как видишь, я творю людей
По своему подобию –
Мне родственное племя.

Пер. А. Дейча.

(Иоганн Вольфганг Гете. –Соб. соч. –т.5. –М., Худ. лит. -
1977. –С.72-89).

Перси Биши Шелли.

Освобожденный Прометей (1819).

Действие третье.

(отрывок в конце).

Пантея

О, слушай! Духи!

Голос в воздухе поющий.

Жизни жизнь! Любовью дышит

Воздух между губ твоих;

Счастлив тот, кто смех твой слышит.

Спрячь его в глазах своих;

Кто туда свой взгляд уронит,
В лабиринте их потонет.

Чадо Света! Твой покров
Светлых челнов не скрывает;
Так завесу облаков
Блеск рассвета разрывает;
И куда бы ты ни шла,
Вокруг тебя растает мгла.

Красота твоя незрима,
Только голос внятен всем,
Ты для сердца ошутима,
Но не видима никем,
Души всех с тобой, как звенья, -
Я, погибшее виденье.

Азия

Моя душа, - как лебедь сонный
И как человек замороженный,
Скользит в волнах серебряного пеня.
А ты, как ангел белоснежный,
Ладью влечешь рукою нежной,
И ветры чуть звенят, ища забвенья.
Тот звук вперед ее зовет,
И вот душа моя плывет
В реке, среди излучин длинных,
Средь гор, лесов, среди новых вод,
Среди каких-то мест пустынных.
И мне уж снится Океан,

И я плыву, за мной – туман,
И сквозь волнение,
Сквозь упоенье,
Все ярче ширится немолкнувшее пенье,
И я кружусь в звенящей мгле забвенья.
Все выше мчимся мы туда,
Где свет гармонии всегда,
Где небеса всегда прекрасны.
И нет течений, нет пути,
Но нам легко свой путь найти,
Мы чувствуем музыку подвластны,
И мы спешим. От лучших снов,
От Элизийских островов.
Ты мчишь ладью моих желаний
В иные сферы бытия, -
Туда, где смертная ладья
Еще не ведала скитаний, -
В тот светлый край, где все любовь.
Где чище волны, ветры тише.
Где землю, узренную вновь,
Соединим мы с тем, что всех предчувствий выше.
Покинув старости приют,
Где льды холодный блеск свой льют,
Мы возмужалость миновали,
И юность, ровный океан,
Где все – улыбка, все – обман
К небесно-чистому огню, -
Чтоб вечно дали голубели!
В Эдем уютной красоты,
Где вниз глядящие цветы

Струят сиянье в колыбели, -

Где мир, где места нет борьбе,

Где жизнь не будет сном докучным,

Где тени, близкие тебе,

Блуждают по морям с напевом сладкозвучным!

Пер. К.Бальмонт.

(Перси Биши Шелли. Там же. –С.518-520).

Перси Биши Шелли.

«Защита поэзии».

(Извлечения).

<...> Поэзия – ровесница человеку. Человек – это инструмент, подверженный действию различных внешних и внутренних сил, подобно тому как переменчивый ветер играет на Эоловой арфе, извлекая из нее непрестанно меняющуюся мелодию.

<...> Среди ощущений есть приятные, среди чувств – добрые, в искусстве присутствует красота, в рассуждениях – истина, а в человеческих отношениях – любовь.

<...> Способность приблизиться к прекрасному у кого-либо исключительно велика. Те, кто наделен ею в избытке, и являются поэтами; удовольствие, доставляемое их особым умением выражать воздействие на их душу природы и общества, сообщается другим и от этого как бы удваивается. Их язык состоит из живых метафор <...> На заре человеческого общества каждый автор поневоле поэт, ибо язык сам по себе является поэзией; а быть поэтом – значит, воспринимать истинное и прекрасное.

Однако поэты <...> являются не только творцами языка и музыки, танца и архитектуры, скульптуры и живописи; они – создатели законов, основатели общества, изобретатели ремесел и наставники, до некоторой степени сближающие с прекрасным и истинным.

<...> поэты являются пророками в прямом смысле слова и могут предсказывать формы будущего так же уверенно, как они предсказывают его дух. Поэт причастен к вечному, бесконечному и единому; для его замыслов не существует времени, места и множественности, <...> примерами могут быть хоры из Эсхила, книга Иова и «рай» Данте.

Слова, краски, формы, религиозные и гражданские обряды – все они являются средствами и материалом поэзии <...> В более ограниченном смысле слова поэзия – это особым образом построенное, прежде всего, ритмическая речь, порождаемая властной потребностью, которая заложена во внутренней природе человека. Она проистекает из самой природы языка; он более непосредственно выражает наши внутренние движения и чувства, способен к более разнообразным и тонким сочетаниям, чем краски, формы или движения, более гибок и лучше подчиняется той потребности, которая его создала. Ибо язык возник по воле воображения и всецело относится к области мысли, тогда как все другие материалы и средства искусства связаны друг с другом, а это воздвигает преграды между замыслом и его выражением и ограничивает его. Первый, то есть язык, является зеркалом, которое отражает, и другие – облаком застилает тот свет, что все они призваны распространять. Вот почему слава скульпторов, живописцев и музыкантов – даже тогда, когда силой таланта великие мастера этих искусств ничуть не уступают тем, кто для выражения своих мыслей избрал язык, – никогда не могла сравниться со славой поэтов в собственном смысле слова; подобно тому как два равно искусных исполнителя увлекают отнюдь не равноценные звучания из гитары и арфы.

Необходимо <...> определить разницу между речью ритмической и неритмической, ибо принятое деление на прозу и стихи непригодно для серьезного рассмотрения вопроса.

<...> переводить ее (поэзию) тщетно; пытаться перенести из одного языка творения поэтов – это все равно что бросать в тигель фиалки, чтобы найти секрет их красок и аромата. Растение должно снова взрасти из семени, иначе оно не зацветет – таково следствие вавилонского проклятия.

<...> каждый поэт неизбежно вносит в свою версификацию нечто новое по сравнению с предшественниками. Деление на поэтов и прозаиков является грубым заблуждением. Деление на философов и поэтов чересчур поспешно.

Каждый, кто совершает поворот в области мысли, столь же обязательно является поэтом и не только потому, что творит новое, или потому, что его слова вскрывают вечные соответствия сущего через образы, причастные к жизни истины, но и потому, что он пишет гармоническими и ритмическими периодами, заключающие в себе главные элементы стиха, - этого отзвука вечной музыки бытия.

Поэма - это картина жизни, изображающая то, что есть в ней истинного. Отличие повести от поэмы состоит в том, что повесть является перечнем отдельных фактов, связанных только отношениями времени, места, обстоятельств, причины и следствия; в поэме же действие подчинено неизменным началам человеческой природы, как они существуют в сознании их творца, отражающем все другие сознания. Первая представляет собой нечто частное, <...> относящееся лишь к определенному времени и к известным сочетаниям событий, которые могут никогда более не повториться; вторая есть нечто всеобщее, заключающее в себе зачатки родства с любыми мотивами или действиями, возможными для человеческой природы. Время разрушает красоту и ценность повести об отдельных событиях, если они не облечены поэтичностью, но усиливает очарование Поэзии. Недаром всякого рода конспективные изложения называют «молью» истории - они истребляют в ней поэзию. Повесть об отдельных фактах - это зеркало, которое затуманивает и искажает то, что должно быть прекрасно; поэзия - это зеркало, которое дивно преображает то, что искажено.

В младенческую пору человечества ни поэты, ни их слушатели не отдавали себе вполне отчета о том, насколько прекрасна поэзия <...>, и только позднейшие поколения могут увидеть могучие причины и следствия всей мощи и всего великолепия их слияния. Даже в новое время ни один поэт не достигал при жизни вершины своей славы; ибо присяжные, дерзающие его судить, - его,

принадлежащего всем временам, - должны быть ему равными; они должны быть изображены временем из числа мудрейших людей многих поколений.

Поэт – это соловей, который поет во тьме, услаждая свое одиночество дивными звуками; его слушатели подобны людям, замороженным мелодией незримого музыканта; они взволнованы и растроганы, сами не зная почему. Поэмы Гомера и его современников восхищали юную Грецию; они были частью того общественного порядка, который, подобно колонне, сделался опорой всей позднейшей цивилизации. Гомер воплотил в своих образах идеалы своего времени; нет сомнения, что его слушатели загорались желанием уподобиться Ахиллесу, Гектору и Одиссею; в его бессмертных творениях во всем величии и красоте предстала дружба, любовь к родине.

Среди величайших поэтов мало таких, которые выставляют свои замыслы в их неприкрытом великолепии; быть может, костюмы, обычаи и прочее являются даже необходимым добавлением, смягчающим для смертных ушей эту музыку сфер.

<...> люди ненавидят, презирают, чернят, обманывают и угнетают друг друга <...> Поэзия идет иными, божественными путями. Она пробуждает и обогащает самый ум человека, делая его вмещителем неведомых ему до этого мыслей. Поэзия приподымает завесу над скрытой красотой мира и сообщает знакомому черты незнаемого; все о чем она говорит, она воспроизводит; и образы, озаренные ее неземным светом, остаются в душе.

Любовь – вот суть всякой нравственности; любовь есть выход за пределы своего «я» и слияние с тем прекрасным, что заключено в чьих-то, не наших, мыслях, деяниях и личности.

Воображение – лучшее оружие нравственного совершенствования <...> Поэзия расширяет сферу воображения, <...> являющуюся нравственным органом человека.

Поэзия всегда оказывается современницей других искусств, способствующих счастью и совершенствованию людей.

<...> само драматическое искусство нигде не было так понятно и не осуществлялось в духе его истинной философии, как в Афинах.

В современном театре мы сняли с лица актера маску <...> Связь театральных зрелищ с улучшением или падением нравов признана всеми; другими словами, отсутствие или наличие поэзии в ее наиболее совершенной и всеобщей форме оказалось связанным с добродетелью или пороками в обычаях и поведении людей. Развращенность нравов, которую приписывают театру, начинается там, где кончается в театре Поэзия.

<...> язык и все формы языкотворчества должны не только возникать, но и поддерживаться, если поэт остается верен своей божественной природе.

Гомер и Софокл <...> Превосходство этих авторов над позднейшими состоит в наличии у них мыслей, относящихся к внутреннему миру человека, а не в отсутствии таких, которые связаны с миром внешним, их совершенство заключается в гармоническом сочетании тех и других.

Конечной целью общественного распада является уничтожение всякой способности к приятным ощущениям; в этом-то и заключено разложение. Оно начинается с воображения и интеллекта, то есть с сердцевины <...> С приближением такого времени Поэзия всегда обращается к тем способностям человека, которые угасают последними.

Отсюда изречение: «лучше входить в дом плача об умершем, чем в дом пира».

(Перси Биши Шелли. Избранные произведения. –М.: изд. «Рипол Классик». -1998. –С.708-745)

Д.С.Мережковский.

Из «Жизни Толстого и Достоевского».

(Невидимые миру слезы).

Почти тотчас по выходе из каторги, после испытанного им христианского просветления, он (Достоевский) впадает в грех, по-видимому, самой грубой

и цинической зависти: «Я очень хорошо знаю, что я пишу хуже Тургенева, но ведь не слишком же хуже, и, наконец, я надеюсь написать совсем не хуже. Зачем же я - то, с моими нуждами, беру только 100 руб., а Тургенев, у которого 2000 душ, по 400 руб.? От бедности я принужден торопиться, писать для денег, а следовательно, непременно портить». В приписке говорится, что Каткову он (Достоевский) пошлет всего 15 листов по 100 руб – 1500 руб. «Взял я у него 500 руб., да еще, послав $\frac{3}{4}$ романа, просил 200 руб. на дорогу, итого взято 700. Приеду я в Тверь без копейки, но зато в самом непродолжительном времени получу с Каткова 700 или 800 рублей. Это еще ничего. Можно обернуться». И так далее, все одно и то же. Бесконечными рядами цифр и счетов, прерываемых отчаянными мольбами о помощи, - «ради Христа, спаси меня», - пишет он однажды брату, наполнены все письма Достоевского. Это сплошной мартиролог, одно из самых великих сказаний о мучении умственного труда. Особенно тяжелыми были для него четыре года от 1865 до 1869 года, которые, может быть, стоили четыре года каторги. Так же, как перед несчастьем, судьба сначала приласкала его. Издаваемый им журнал «Время» имел успех и приносил доход, так что он уже мечтал отдохнуть от нужды, когда его постигла незаслуженная цензурная кара. «Время» было запрещено за невинную и только дурно понятую статью по вопросу о польских делах. Произошло недоразумение такое же, как во время следствия по делу Петрашевского. Замечательны эти два недоразумения, едва не погубившие Достоевского сначала смертным приговором и каторгой, затем разорением. Люди власти не сумели признать в нем союзника.

(Д.С.Мережковский. Л.Толстой и Достоевский. Вечные спутники. –М.: Республика, -1995. С.57-58).

«Алхимия человечества».

Поэзия – самая верная вестница, соратница и спутница великого народа, когда он пробуждается к борьбе за благополучные перемены во мнениях или общественном устройстве.

Перси Биши Шелли.

Один друг моей молодости, еще со студенческой скамьи, ныне доктор наук, университетский профессор, человек весьма образованный, знающий, и тот, обозрев вчерне моего «Огненосца», сказал:

- А зачем ты его написал? И к чему такая литература?

Я просто опешил. Вот от кого не ожидал-то. Сам идею «Прометея» мне подал после моего «Одиссея» («Белой Скифии») и сам же вот так излагается, мне непонятно. А потом поразмыслил и пришел к выводу, что если уж он чего-то не воспринимает, то, что спрашивать с читателя рангом пониже? И стал думать я о параллелях, вникать в алхимию слова, поворачивать поэзию к себе и людям, как квадрат, одним из углов которого является алхимия человечества.

«Портрет мистификаций».

Вот портрет Дориана Грея, висит в воздухе, как парашют, как один из губернаторов на стене, обычное плоскостное изображение, а смотрит в тебя живыми глазами, пронзаёт мистифицирует. С XVIII века, пожалуй, в моде такие портретно-литературные мистификации. Вроде бы фантастический элемент в романтизированном классицизме, как протест против догмы, заскорузлости форм, а потом и в более передовом реализме, побуждая его к движению вроде вперед, а на самом деле куда глядят. Ибо все это уже было, давно известно как в

самой практике жизни, так и в изобразительно-художественном слове. И многое начисто потом было забыто. Только отдельные личности в истории человечества – гений «боговдохновенный» (по Гофману) на стенке и остался, не провисит стенку-то, хоть пятнышко после останется. Так вот, глаза свои потом выставят, и будут демонстрировать это под другим уже именем, «плагиатом» называется, «второстепенной» литературой, «дежа вю» – уже видел, было. Дориан Грей готов к употреблению, но это так бывает в рядовой, первобытной литературе, а французская литература, сквозь эпохи, каждый раз нуждается в подпитке и обновлении, в утверждении талантов еще от античных, доантичных, даже авестийских истоков до наших с вами времен, на новом витке повторения. И что же получается с эсхилловским «Прометеем»? Нужно ли ворошить все это (или сразу все, или по отдельным частям), чтобы они сохраняли и отражали.

Так вот, кстати (любимое словцо Аристотеля), о «портретных мистификациях», а уж потом об их восприятии. Уже было сказано, что читать – это тоже работа, и читательский талант тоже талант, подвигающий творчество к созиданию. К литературным мистификациям свободно можно отнести «Песни западных славян» Мериме. менее свободно, но все же ведь говорят о роли Пушкина в судьбе «Слова о полку Игореве», оригинал которого сгорел в доме Мусиных-Пушкиных. И такой моде не один век. Как что-нибудь «хорошенькое», эпихальное создается, так свистопляска и начинается. То в авторстве шекспировских трагедий. Слава богу, первый лорд Бэкон, в отличие от другого лорда - канцлера Эльдона, не подписывал Шекспиру обвинительного приговора, как тот же Эльдон поэту Шелли, обрекая его на изгнание.

И совсем свежий факт, «крючок» такой исторический: Крюкова хотели приспособить хотя бы к соавторству шолоховского «Тихого Дона». Это, слава богу, любовные мистификации. Хошь верь, хошь не верь. Но есть сокрытые такие, когда берут и присваивают идеи, отдельные черты. Глаза, скажем, взяли, а портрет, направленный на прометеевский огонь, оставили, чтобы напоминать, что ли, о себе человечеству?

Античная драма имела благодарного зрителя. С утра семьями, со всяким скарбом – с детьми и едой, питьем – валили антики скопом в амфитеатр. День напролет сидели, смотрели спектакли, которые шли перед ними, как кинолента один за другим. Какого зрителя этого выковывало, как это личность кристаллизовало! Все понимали, наизусть текст знали по ту и эту сторону сцены. В шекспировском «Глобусе» продолжилось все это античное, всенародное общение. А что ныне? Разбили «череп» на множество черепков и утопили в крови мелко-темья, в бытовщине злодейской. Авестийское, античное, гомеровско-эсхилоское - где оно в «бурном потоке»?

Не то и впрямь он мог бы вознестись
Превыше звезд на недоступной тверди,
Мерцающих в кипучей пустоте.

(Перевод К.Бальмонта).

Так и заканчивается «Освобожденный Прометей» Шелли. Эта терция, можно сказать, самая богоборческая из всего, направленного против тирании, за свободу человека и человечества. Поэта с туманного Альбиона высоко ценили Маркс, Энгельс, называя его «гениальным пророком». Любил Шелли и его «Освобожденного Прометея» Нобель, который, как и Шлиман, открывший Трою, жил некогда в Петербурге и по молодости писал стихи, думается, не без влияния Шелли. Вероятно, Нобеля не могло не привлечь то обстоятельство, что Шелли, как и Нобель, изучал в университете химию, которой Нобель посвятил немалую, долгую жизнь. Нобель даже изобрел динамит, превративший войны в XX веке в еще более кровавые. Как и Сахаров - отец ядерной бомбы, Нобель, видимо горько плакал по этому поводу и оставил накопленное на развитие гуманной инфраструктуры человечества и, прежде всего, на химию и литературу, а уж после физику, технику и борьбу за мир к этому приспособили.

И вот Шелли в своем предисловии к «Освобожденному Прометею» кокетничает с темой, за занавесом которой защищает свой поэтический романтизм от возможных упреков в сравнении с тем же Эсхилом: «Если бы я последовал такому плану, это было не что иное, как попытка воссоздать утерянную

драму Эсхила; и если бы даже мое предпочтение к такой разработке сюжета побудило меня лелеять столь чистолобивый замысел, то одна лишь мысль о неизбежных сравнениях с высоким образцом заставила бы меня отступить. Но, откровенно говоря, я был против такой жалкой развязки, как примирение борца за человечество с его угнетателем. Горячее сочувствие, вызываемое страданиями и непоколебимой стойкостью Прометея, исчезло бы, если бы мы могли себе представить, что он отречется от своих гордых речей и оробеет перед торжествующим и коварным противником. <...> Прометей является как бы образцом нравственного и духовного совершенства, движимый самыми чистыми и бескорыстными побуждениями ради самых прекрасных и благородных целей <...>»

Много чего за этим стоит, на новом витке нужно писать по-новому; как тут не войти в сравнение с Эсхилом и избежать упреков таких маститых поэтов-современников, как Шелли, Байрон? Гете решил проще: продолжил линию Эсхила, и все, на отрывок хватило. А вот замысел Шелли куда более величественный: создать оригинальное произведение, выразить себя в нем, вменить тексту свои богоборческие мотивы и мотивации.

Вот какой романтический текст у него получился: кипит, клокочет - духи, видения, призраки, борьба, состояние, - поэма!

Прометей

О царь богов, и демонов, и духов!
Над всеми ставший, кроме одного! <...>
Моя держава - три тысячелетья
Мгновений боли, долгих, словно годы
Отчаянья, бессонницы и тьмы <...>
Ни края, ни конца! Одни мученья!
Ужели ты, всевидящее Солнце,
Не видишь их? И даже Море? <...>
Уже не пересохшими глазами,

А озаренным пыткой умом
Я вижу ужас дел твоих, тиран!
Деморгон низвергает Зевса с его небесного трона.

Сцена четвертая

Рассказ

Гения Часа.

<...> И вдруг в недоуменьи я увидел,
Что на престолах не было царей,
И люди стали равными, как духи <...>
И я не видел ни стыда, ни страха,
Ни ненависти, ни уничтоженья,
Написанных у каждого на лбу,
Как изречение над вратами ада:
«Входящие сюда надежду не имеют!» <...>
Такими же кумирами казались
Остатки учреждений и святынь
Последнего пленения земли,
Не уничтоженных, но и не ненужных.
Меняли мерзостные имена,
Но, оставаясь мрачными и злыми,
И проклятыми богом и людьми
В любом обличье, эти-то исчадья
И воплощали Зевса на земле <...>
Отныне сорвана личина, спала,
И человек опять уже свободен
От страхов, культов, глупости и злобы
И розни наций, классов и родов.
Неудержим, умен и благороден,
Он стал владыкой собственной души,

Но не бездушным, нет, а лишь свободным
От созданных в его воображенье
Тоски и чувства собственной вины, -
И только не избавился от пут
Изменчивости, Случая и Смерти».

Из атмосферы этого текста свободно могла выйти и французская поэзия середины XIX века, и наш «серебряный век» конца XIX- начала XX веков.

«Утерянные цивилизации».

Ученые-археологи недавно сделали сенсационное открытие: в регионе среднеюжного Урала, в районе Каргалы обнаружено (территория примерно 5 тысяч квадратных километров) древнейших 35 тысяч шахт! Возраст 10 тысяч лет до н.э.! Пращуры наши – кочевники, – зря сквозь камень, видели металл во глубине и добывали, плавили и опять бросали эти места. Вот тебе война и мир, борьба идеологий. В результате создан был бронзовый век, металл давал цивилизации воинственное направление. В то же время в доколумбовой Америке металл (золото ацтеков и инков) шел на поклонение власти, богам. А тут, на Урале, подпитываясь оружием, кочевники со своими стадами, ходили то с севера на юг (в Индию), то на Запад, накрывая собой Европу (гунны, готы, скифы, сарматы и т.д.), то на Восток (через Берингов пролив на север Америки, тувинцы-родственники северным индейцам). Это первый крест - плоскостной, по поверхности Земли. А еще один крест –по земной поверхности и ввысь по вертикали - в самое небо, к богам. Однако шел он от Разума Земли, представляя мир высоких идей. В этих местах (Урал-Арал-ар) пребывали арии, по гороскопу – поныне располагается Разум Земли, отсюда родом первый Спаситель мира Заратустра. Недра таинственные, магнетические, нуждаются в дальнейших исторических, археологических изысканиях. Каргала тысячелетиями определяла генотип кочевых народов, в том числе и наших непосредственных предков, определила и воинственность, в конце концов, всей европейской и мировой цивили-

зации; оказывается, без оружия мы никакой не можем делать политики, диалектику держит стрела. И вот в этом регионе найдено месторождение нефти. В любой цивилизованной стране сразу же наложили бы запрет на любой изыскательский проект, сохраняя всемирно-историческое значение археологического объекта такого уровня. А местный губернатор тут же подсчитал копейку и послал Каргалы вместе с Разумом Земли куда подальше.

Если на три-четыре тысячи лет пращуры теряли из виду эти самые шахты, то что тогда говорить о каких-то пяти-семи веках до нашей эры, то есть речь идет об античной Греции, тем более, об истоках Христианства, которому всего две тысячи лет. Многое терялось по ходу истории; даже секрет дамасской стали забыли, хотя к оружию внимание всегда было первостатейное. А что говорить о гуманитарной среде, поэзии, произведениях искусства? Но в том-то и дело, что поэзия, слово поэтическое всегда были первоосновой сущего, аккумулируя в себе весь смысл бытия. Алхимия поэтического слова, если вдуматься, просто невероятна. Со слова все всегда начиналось, поворачивалось, переворачивалось – все подходы к духу, метафизика, идеальный мир, фантастические беспределы

Заметим, чем заканчивается «Освобожденный Прометей» Шелли, что сказано о человеке, который

<...> не избавился от пут

Изменчивости, Случая и Смерти:

Не то и впрямь он мог бы вознестись

Превыше звезд на недоступной тверди,

Мерцающих в кипучей пустоте.

Казалось бы, не так давно Шелли творил и предостерегал, чтобы человек не «вознесся превыше звезд», и что же? Мало того, что Гагарин вырвался в космос, а Армстронг разгуливал по Луне, уж и на другие планеты человечеством подобраны ключи реального проникновения, разработаны межпланетные системы обследования аппаратами, рассчитаны и произведены первые вторжения. В открытый космос, во Вселенную направлен зашифрованный код Земли

(кстати, от имени землян американцами направлен голос Марии Калласс). Недавно получен ответ, на Британских островах совершена посадка внеземного сигнала, посадочные круги найдены на хлебных полях Великобритании. Речь уже предметно идет об общении с внеземной цивилизацией. Технический прогресс, связанный с военно-промышленным комплексом, по вложенным средствам и естественной отдаче от этого, значительные, общечеловеческие, прорезающие века реалии остаются «аллилуйей» человечества, уделом таинственным - избранных, посвященных, интуитивистов с божественным даром, гениев – то есть (по Гофману) «бог вдохновенных». Таких, как Эсхил, Гомер, Шекспир, Шелли, Пушкин, Лев Толстой, Достоевский, Есенин и т.д.

Да, кстати, Поэты всегда привлекали Власть, которая использовала их как адептов влияния, если уж сами властители не писали стихов (а ведь и писали втайне – Сталин, Мао Дзе Дун, Тито и др.) У Есенина в одно время, так сказать, был покровителем Троцкий, у Маяковского – Сталин, назвавший его «лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи». И ведь все плохо кончили, Пастернак один из них едва отсиделся. Таков феномен поэзии и власти. Согласно Аристотелю, Поэты живут по одним законам, подчиняясь высшим сферам, богам, а Историки (прагматики, власть) – по законам другим, более конкретным, единичным, по своим, правленческим установлениям. И это подтверждает не только Эсхил своим «Прикованным», но и Шелли, «освободивший» его. Правда, на счет «освобождения» у нас имеется свое, особое мнение. У Шелли Деморгон низвергает Зевса с небесного трона. У некоторых поэтов, даже антиков, это делает Герман. Да кто они для богов - эти земные герои? Ведь Зевс – царь богов, а Прометей в эсхиловской трактовке тоже бог – титан, из старых богов. Однако титан не может не только свергнуть царя богов Зевса, но даже от его цепей лично сам освободиться. Оказывается, внимательнее надо читать Эсхила, вникать в глубокие слои истории и философии, в алхимию слова. Не только Прометей и герои не могут дать освобождения Прометею от цепей Зевесовых, но даже Зевс. У Эсхила вопрос решается так: если сам Зевс себя освободит «от занимаемой должности», а перед тем женится на Ио –

дочери Инаха, которая родит ему сына, то он-то и сбросит Зевса с царского трона и освободит Прометея. У Эсхила на этот счет имеется опыт пяти тысяч лет, догомеровский период, все знает Эсхил.

Решился я на воссоздание «Прометея». Заметим, как названа мной вся трилогия – «Прометея», по аналогии с «Одиссеей» (жизнь Одиссея). Какой эстетический путь избрать для первой части? «Прометей – огненосец», особых трудностей не было: пошел по пути Гете; не забыт был и боговдохновенный Шелли. Ну и, конечно, своя фантазия разыгралась, опирающаяся на собственный опыт и упования, и что же? Во-первых, сразу же местом происшествия был отвергнут Индийский Кавказ. Только Лермонтова это заставило ездить по кавказским аулам в поисках следов пребывания демонических антиков. И вот пока – в первой части Прометея – огненосца решено было поместить, где поближе тут, на скале Ниобы; вместо Прометея она сама льет потоками слезы по своим загубленным детям. Все двенадцать пали жертвами детей самого Зевса: шесть сыновей – от руки сына его Аполлона, шесть дочерей – от руки дочери его Артемиды.

Вторую часть «Прикованного Прометея» Эсхила (в переводе В. Нилендера и С. Соловьева) пришлось подвергнуть литературной обработке. Поскольку вкус не позволил допустить шероховатости в стиле, сбои в ритмике, местами уточнены фразы, выражения, мысли. Думается, текст от этого хуже не стал.

С третьей частью – с «Освобожденным Прометеем» Шелли (в переводе Константина Бальмонта) дело обстоит посложнее. Суть не в переводчике, поэт переводит поэта, Бальмонт – поэт прекрасный, из «серебряного века». Скорее, дело в оригинале, в самом Шелли, которого я тоже люблю. Но Шелли недаром назвал свое произведение лирической драмой, а это – трагедия. Драма «лирическая» – это перенос всего античного полностью на себя. А «трагедия» у Эсхила состоит в том, что Прометей не может быть «освобожден» никем, кроме Зевса. Да и сам Зевс, в конце концов, не может этого сделать, цари дважды одно не решают. По одной из боговых версий Зевс все-таки освобождает Прометея. И делает это достаточно хитроумно: на палец Прометею одевает кольцо в знак

того, что цепь со скалы снята, да не совсем, существует в какой-то мере, хотя бы на пальце у Прометея. Как уже было сказано в самом конце драмы Шелли, достижения современной науки и техники обогнали даже самую смелую, фантастическую для того поэта мысль о дерзновенности человека. Так вот, надо все это учесть, скорректировать, а кто же за такое возьмется? Тоже нужен дерзкий талант. Шелли прекрасный поэт, к его тексту привыкли, он канонизирован. Но читать-то в массовом порядке ведь не читают, в Орле я нашел всего один экземпляр его текста, который имеется в областной библиотеке имени Бунина, где и предоставили его мне любезно. Думается, новый современный текст всей трагедии о Прометее оживит интерес и к Эсхилу с его «Прикованным Прометеем», и к Шелли с его «Освобожденным Прометеем». С названием пришлось по-возиться, решено остановиться на таком вот – «Свободнорожденный Прометей»; освобожденным быть Прометей пока что не может, это, скорее, канун его освобождения. Какое его качество главное? (По К.Г.Юнгу – коллективное бессознательное, архетип такой) – это высшее, божественное предназначение, стремление к свободе, которую он может обрести только со своей смертью (отсюда свобода с экзистенциальным оттенком). Но он же бог – титан, а боги бессмертны, ситуация тупиковая; или же со смертью Зевса, но тот даже не просто бог, а царь богов, тем более бессмертен. Но одна «лазеечка» есть, так сказать, уязвимое местечко – Ахиллесова пята, - это возможность смерти самого Зевса, как было предсказано, - от руки сына его и Ио – дочери Инаха, на которой Зевс женится и от которой у него родится потомство. И это, действительно, так. некогда царем богов был Юпитер – дед Зевса, отец Крона. Крон сверг отца и сел сам на трон, на место Юпитера. Затем, естественно, по проторенной дорожке пошел его сын Зевс. Взял и сверг Крона, отца, и тоже сам сел на царский трон, принадлежащий ему по праву наследства. Вот и жди очередного наследника, идущего по такому пути. Так, в отличие от Востока, в античной Греции, где испокон цари выбирались, даже подвое (один уходил на войну, другой оставался «на хозяйстве»); сменяя родово-общинные отношения, зарождается дух, идущий из стран Восходящего Солнца, - монархический тип мышления,

единовластие, по идее повышающее ответственность Власти перед народом, но это только так, по идее.

«Вперед, к детству человечества!»

Однако все-таки чем Шелли, так сказать, более «продвинуто» по сравнению с Гете? С мира внешнего само действие, драма героя, перенесена в мир внутренний, самих ощущений, при этом, воссоздавая и пересоздавая старое, следует учесть новое. Такова задача, которая стоит перед третьей частью трилогии «Свободнорожденный Прометей». Что же необходимо, прежде всего? Какие самые большие ценности для человека, человечества, кроме свободы? И как все это формируется вокруг главного для Прометея и нас – архетипа свободы!

Вот конкретика факта. Мое литературное гнездо – поселок Синяевский; тут у Абрикосова – ученого пасечника - когда-то бывал Лев Толстой; Фет родился рядом, все это тургеневский край. Этот столыпинский «отруб», скорее всего, доживает век. Ничего не жалеем: ни сил затраченных, ни земли заветной, обетованной, ни традиций.

Вот-вот Василий Ушаков (все втроем, с Козыревым Алексеем и Гопманом (по-уличному) отведут последние три коровенки на мясокомбинат. А ферм с сотнями поголовья в округе давно уже нет. И что дальше? А будут теперь крестьяне местные поджидать машиненку на Сойминовском мосту, когда привезут сюда им продукты, в том числе и молоко. И это свобода – человеку, а народу? Один Мценск, ставший агрогородом, из которого наезжают и пашут теперь эти поля, показывая, как жили прежде, может, тут и останется. Не стала тут жить молодежь, так из Мценска наезжают и пашут подбелевские, алешенские поля. Это я к слову - для потомков, которые будут летать в космос, на другие планеты, мимо Синяевского.

И еще такая неумолимая конкретика факта. Про «летающие тарелки». Что это – военные объекты, что ли, использование науки в интересах военно-

промышленного комплекса? Или же инопланетяне к нам присматриваются? А мысль неотступна: на гуманитарные науки, на алхимию слова пора поворачивать руслу денежных рек, если хотим и далее традиционно называться «землянами».

Через эту «алхимию» поэтического слова, тут в поселке Синяевском, много чего понаоткрывалось мной, в том числе и связанного с Прометеем. Древние знали обо всем, что есть и что будет, судьбу свою куда лучше нашего. Если от «Авесты» зайти, от ее 26-тысячелетнего возраста, то, по сравнению с ней, не так уж страшны за 10 тысяч лет 35 тысяч шахт Каргалы. Тогда была цивилизация номер один, она имела красный (то есть красивый) цвет, и душа у авестийцев была связана с телом, едина со светом (со – вет, вед – ведать, знать что-то особое, поднебесное), люди были бессмертны. Мы живем уж в шестой цивилизации, а застряли как бы во второй – древнеегипетской (желтый цвет), где «двойка» решает все, и все это «двойственность»: день и ночь, живые и мертвые, лед и пламень и т.д. Вот, оказывается, на каком этапе душа отделилась от тела и люди обрели смерть. Тогда-то они и были изгнаны из рая («Потерянный рай» Мильтона), где остались только безгрешные, которые стали богами, у античных греков – на Олимпе, а у скифов, наших пращуров, и еще далее, до самой «Авесты», – в Ирии, в устье Днестра, куда поставестийцы стали помещать, то есть в свой «рай», не только богов, но даже героев, из простых смертных, за особые заслуги перед народом. Вот где истоки духа, раскованного мышления! А то Эсхил как художник бьется, чтобы хоть как-то освободить своего Прометея. Два века спустя уже Гомер бьется, чтобы освободить дух своего Одиссея, стремящегося достойно быть похороненным в земле родимой Итаки, где даже ему, царю, боги в этом отказывают. Вот и совершает он свое новое путешествие в Белую Скифию, в наши сколотские места, где и узнает, что такое у скифов возможно даже для простых смертных, но героев, то есть «рай» тут для таких, которые в памяти, в инстинктах своих, в архетипе бессознательного, содержат в себе то самое – авестийское, которое было у человека на заре человечества и которое забыто начисто, а мы теперь открываем все это

заново с такими опозданием и с такими усилиями. Это архетип бессмертия, которого живые жаждут и жаждали, с самого изначала – с распада, образования смерти.

Книги таких авторов, как Эсхил и Гомер, надо уметь читать, обладать равной им интуицией, знаниями, аналитическим аппаратом, чтобы понимать, что Прометей может быть кем-то вроде Ахиллеса, этого героя, славного грека праславянского происхождения, который, будучи героем у праславян, привык к свободе, он просто авестийски свободен, архетип такой у него, знает, что ему как герою должно быть уготовано место в «раю», а в античных условиях - на Олимпе. Вместо этого он лежит на Скале, и Орел, посланный олимпийцами, долбит ему черную печень. Прометей – свободнорожденный, и не так уж важна для него неблагодарность людская, просто архетип коллективного бессознательного вопиет в нем, диктует волю небес. Оглянуться назад, в детство человечества, много чего накопили из забытого, расшифруем эхо в скрижалях веков. Чем глубже заглядываешь в недра прошлого, тем более прозрительно видятся очертания будущего.

Пост скриптум. Первый.

Да, кстати (вот привязалось это словцо Аристотеля), следует обратить внимание, как поэтически, с внутренней красотой, романтично звучат Хоры у самого Эскила в его «Прикованном Прометее».

Появляется хор Океанид на крылатой колеснице.

Парод

Хор

Сторона I.

Ты не бойся!..

С добрым чувством,

Сонмом рая звеня в эфире,

Мы примчались к этим скалам!

Мы как только не молили

Сердце старого отца!
Бурные нас провожали ветры!...
Грохот к нам железный рвался
В глубину пещер подводных...
И, услышав, я забыла
Робкий страх и стыд священный!
И к тебе скорей примчалась,
Не успев надеть сандалий,
В колеснице быстрокрылой!...

Хор

Охотно к тебе на призывный клич
Мы слетимся, Прометей!...
И, легкой ногой с колесницы скользнув
И покинув эфир –
Святую стезю, носящую птиц, –
Я сойду на эту скалистую землю.
О муках твоих
Хотим до конца мы услышать.

Постскрипtum второй.

Авестийский след

(едва не утерянное и мной).

Стал еще раз обмышлять ситуацию, перед тем как засесть за своего «Свободнорожденного Прометея». Во-первых, решено причислить произведение к жанру лирико-героической трагедии, теперь уже со всеми вытекающими отсюда последствиями. А во-вторых, еще более крайне задумался, и ключ ко всему нашелся в системе прежде накопленного. У Шелли действие происходит на Скале где-то в Индийском Кавказе. Что Шелли не знает, что ли, где Индия, а где Кавказ? Что у него «двойка», что ли, была в колледже по географии? Про

химию-симию и алхимию все знаем, говорить не приходится, с этим все в порядке, а география пусть нас вперед продвигает в смысле подтекста. Индия! – вот куда, в конце концов, спустились с обетованного севера арии – авестийцы за 26 тысяч лет своего жизненного пути. А Кавказ – это место уже их потомков – детей «Авесты», арийцев, одна из волн степняков, что некогда была разгромлена в великих степях Северного Причерноморья и остатки ее в итоге традиционного хода на юг, к Египту, укрылась в ущельях Кавказа. Это аланы, ныне осетины – регион Северной и Южной Осетии. Вот где следует искать место той самой Скалы, куда Прометей был отправлен Зевесом. Почему именно туда, а не куда-нибудь подальше или поближе к Олимпу? Вспомним аналогию с Ахиллесом – героем у греков, однако ведь праславленного происхождения, который проявлял свой героизм ради Эллады в Троянской войне, а ведь похоронен был, по его воле, на родимой праславянской земле.

Вполне вероятно, что и Зевс отправил героя – титана с глубоко затаенной мыслью: дать помереть на родине, лишь там это возможно ему и как герою, и как бессмертному богу – титану. При этом, действительно, подтверждается главное в герое Прометее – это его стремление к свободе; коллективное бессознательное как архетип свободы, которым наделили нас еще авестийцы – наши общие предки.

И следом такая параллель возникает, связанная с легендой об Иисусе Христе, которой едва за две тысячи лет. Как известно, молодой Иисус несколько лет провел в Индии, на Тибете, в Иране – у истоков раннего христианства, круга авестийских идей, откуда привез он самую главную идею, обновляющую дряхлеющий Древний Рим, утонувший в варварской роскоши и крови. Это идея – о любви к ближнему, возвращающая человечество, в конце концов, к естественной природе. Спасаящий, жизнеутверждающий смысл, – вот за это, с молчаливого согласия прокуратора Рима в этой провинции Понтия Пилата, и провел сам Понтий остаток жизни в римском застенке.

И чем Прометей не параллель с Иисусом Христом? Один принес огонь – людям, цивилизации, творчеству, слову; другой – огонь самой главной идеи,

одухотворенный любовью. Одного за то на скалу бросили, чтобы орел терзал его печень, при молчаливом равнодушии людей, которым Прометей принес огонь такой дорогой для себя ценой. А другого на крест бросили, на распяты, - и тут люди даже дальше пошли; за эти древние идеи; по обычаю римлян на арене боев гладиаторов, «палец» вниз опустили в знак смерти герою. Вот почему он, Спаситель, духовно спасает нас уже две тысячи лет, настраивая человечество на любовь, на воссоединение с прежней человеческой природой, нацеленной на бессмертие. Значит, и Прометей, давший людям огонь, в изначале тоже был Спасителем мира людей, которых Зевс с его богами – олимпийцами обрекал на уничтожение. Не такой ли оттенок смысла имеется в стремлении ныне властьпредержащих уходить в космос, оставляя Землю утопать в ее войнах, крови, роскоши и нищете, в общих наших грехах и основать где-то во Вселенной новый народ, куда после в потомстве самим и пристроиться?

Прометей был в истоках «Авесты» может быть, самым первым Спасителем мира людей, ибо был бессмертен и потому вечен, значит, он был даже ранее, древнее самого Заратустры, признанного тоже, но, очевидно после него тоже Спасителем, обновителем мира идей. И Иисус Христос своей кровью на кресте заслужил это право – быть Спасителем мира людей и идей у нас, нынешних, – всей Христианской Цивилизации.

Вот на какие мысли навел меня Шелли со своим Индийским Кавказом, куда теперь я и помещаю своего «Свободнорожденного».

Вот об этом и хотел я сказать своему другу профессору – для чего нужны Прометей каждому поколению, пока живы люди, для чего вообще нужна фундаментальная литература. Прими, мой дуг, это мое слово в защиту поэзии и человека.

От автора.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОМЕТЕЯ

(героическая трилогия)

Трагедия первая. Леонард Золотарев.

«Прометей – огненосец».

Трагедия вторая. Эсхил. «Прикованный Прометей» (отрывок).

Перевод В.Нилендера и С.Соловьева в литературной редакции Леонарда Золотарева.

Трагедия третья. Леонард Золотарев.

«Свободнорожденный Прометей».

Примечания.

Перси Биши Шелли. «Защита поэзии».

«Освобожденный Прометей» (из предисловия).

Перси Биши Шелли (из биографии).

Иоганн Вольфганг Гете. «Прометей»

(драматический отрывок).

Перси Биши Шелли. «Освобожденный Прометей»

(отрывок из лирической драмы).

Д.С.Мережковский. Из «Жизни Толстого и Достоевского»

(Невидимые миру слезы).

Леонард Золотарев. «Алхимия человечества» (послесловие).

МОИ ПЕСНОПЕНИЯ

(лирика)

Часть первая. Песни об Орле.

Высока береза, только слово выше,
Солнца горячее, огненной ланит.
Дай скажу, как лучше, что из песни вышел.
Дай скажу, что песней все во мне звенит.

Песня об Орле

Орел, Орел мой! В этом слове
Ласкает душу мне и слух –
Боянный в речевой основе –
Наш русский гений, русский дух.

Из глубины, в дожди и грозы,
Неся родную нашу речь,
Мы – соль земная, сок березы,
Нам заповедное беречь.

Припев. Все тут мое, все тут мне дорого.

А воздух, кажется, такой,
Что чуть взмахни – и ты над городом,
Летишь, как птица, над Окой.

Даря живое слово весям,
Тут, в разнотравии своем,

Мы – шум дубрав, мы – кладезь песен,
Тут мы и плачем, и поем.

Орел мой – в сердце у России,
В Москве, на гербе отчем, - свой.
Уж пятый век, а все красивей
Мой город русский, корневой.

Припев. Все тут мое, все тут мне дорого.

А воздух, кажется, такой,
Что чуть взмахни – и ты над городом,
Летишь, как птица, над Окой.

Декабрь 1996 г.,
г. Орел.

Страны света

То ли к Орлу сбегаются дороги,
То ль, разбегаясь, образуют крест.
На Юг и Север – где поныне боги,
А на Восток и Запад – Зюйд и Вест.

Где Солнце всходит, где оно садится.
С Востока – утро, а на Запад – ночь.
На Севере – Москва у нас, столица.
Наш «третий Рим», - четвертый, пятый прочь!

Кремль златоглавый, патриарх российской.
На Юге где-то Иерусалим...
Вот так тут и живем. Теперь сосиски
Давно полузабытые едим.

«Все флаги в гости», - к нам везут товары.
И под хмельком – «все флаги из гостей».
Кто там сказал, что он, Орел наш, старый?
Старинный он, и никаких гвоздей!

Нам повезет! На эти страны света
Нацелены орлиные крыла.
Орел летит! Счастливая примета,
И мы на этих крылах у Орла.

Январь 1997 г.,
г. Орел.

Эпиталама

(песня)

Все говорят, что город наш – Тургенева.
Тургеневское чудо, говорят.
И кто же мы? А гении от гения.
Как яблок, моих книжек целый сад.

Иду на подвиг! Как на смертный бой!
Эпиталаму кровью написал.
Любимая, последняя! С тобой
И умирал сто раз, и воскресал.

Не салютуют, не клеймят с экрана,
На том спасибо, братцы. А вчера
Иван сказал: зарежу вот барана
И посидим маленько у костра.

Все говорят, что город наш – Тургенева,
И он был не народный, говорят.

А мне Орел как сядет на колени,
Так вслух эпиталамы и летят.

А мой Орел как вымахнет из сада,
Так и клекочет, ищет нас, зовет.
Как высшая награда – сердце радо
Тут утонуть, в подкове вешних вод.

2 ноября 2004 г.,
г. Орел.

Червоная свеча

(песня)

От главной площади Орла –
Две улицы, как два луча,
Две волховы, сквозь город прорезаясь,

И золотые купола -
Червона золота свеча
Горит в сердцах, по двум лучам передвигаясь.

Одним лучом – с холма туда,
Вниз по бульвару, кабакам,
В храм на Песковской, в златоглавость упираюсь.

Я чту старинные года,
Красиво тут, красиво там,
Как по весне, как в тишине тревожит завязь!

Другим лучом с холма на холм,
На кафедральный шпиль, собор,

На острие его ложусь и замираю.
Здесь бой курантов и «Бристоль»,
Как изумителен обзор!
У края моря тут стою и припадаю.

На двух лучах вальс «При свечах»,
Как все в Орле на двух лучах.
Со временем никак не успокоюсь.
Роман давно бы мой зачах,
Но на устах, но на плечах
Все эта нескончаемая повесть.

Роман я с городом кручу,
А на устах... молчу, молчу...
Не до столиц нам с лоском их и блеском.
Несу червоную свечу
И не столичности хочу,
А все-таки как где-нибудь на Невском.

От главной площади Орла –
Две улицы, как два луча,
Две волховы, две волховы, две волховы.

Июнь 2002 г.

«Розовая стрелка»

На «стрелке» розовое солнце,
Неуловимо розова листва.
Как будто день, весь выпитый до донца,
К закату приберег свои слова.

И миг еще – и розовость березы
И в тень уйдет, и в вечность упадет.
Вот почему так дроги нам розы,
Кто дешево их нынче продает?

И он исчез – тот миг, все очертанья
В тенях любви собой переменив.
Лишь за Окой чуть розовели зданья,
А в окнах уже резались огни.

Сентябрь 1998 г.

«Бристоль»

(песня про жеребенка)

Как выйду за город, в степное раздолье,
В зеленое поле – просторно-то как!
Так сердце окатит Россией, любовью, -
На хлебные волны наброшу пиджак.

И вроде не Нельсон ведь, не иностранец,
И бредней чужих не приму за коня,
А веки прикрою – «летучий голландец»
По глазу, по глазу копытом в меня!

Припев: На парусе белом мне лобо качаться

Да искрой из глаз осыпать берега.

Заржет жеребенок – горластый, чертенок!

И я ему в голос, ага.

Иду на рассвете, шальной, из «бристоля»,
Мошной опустелой, пардон, не звеня,

Когда же, когда же, мое золотое,
О поле родное, накормишь меня?

Как выйду за город, в степное раздолье, -
Такой бесприютный, затисканный весь,
Так сердце окатит Россией, любовью, -
И, значит, мы живы, и, значит, мы есть.

Припев. Качайся, пиджак, на колосьях зелены х!

И ты, колыбель моя, вы – берега!

Заржет жеребенок - горластый, чертенок!

И я ему в голос, ага.

14 ноября 1998 г.

Мерин с оттопыренной губой

Были хлебные причалы,
Флот имелся свой в Орле.
Диву дашься: мерин чалый
Проплывает по земле.

По степи, как будто скачки,
Паруса издалека.
Белой кипенью от качки
Подлетают облака.

И покачивает флаги
Во зеленых берегах.
И, купцы, как из бумаги,
На бутылочных ногах.

Мимо церкви, мимо поля,
Мимо щетки конопли.
«Эй, деревня! – им глаголят. –
Ну-ка на-ка порули!

Ай заснули? Есть пенька ли
На продажу – греча, мед?»
В ноздри запах, трали-вали,
Круг над крупом пчелка вьет.

Хлеб – водой, Ока, причалы.
И на палубе одной
Этот самый мерин чалый
С оттопыренной губой.

Лето 1998 г.

Моя Орлея

Опять Орел мой – город приграничный,
Вновь до границы как рукой подать.
... Сам царь Иван к нам за печатью личной
Указом на кромку направил рать.

Мол, поищите место, чтобы крепость
Замкнула юг, Москву, ее венцы,
И пядь земли, но очень много неба
Увидели тут царские стрельцы.

Гнездо орла на «стрелке», на дубице...
С тех самых пор легенда и живет.
Как где-то тут гнездилась и гнездится
С орлом орлея, на слияньи вод.

Истокам, что в Оку века впадали,
Окрестностям из городов сел
«Орлеи» летописцы имя дали.
И только крепость (царь сказал) – «Орел»!

... Враг под Москвой! И, жизни не жалея,
Встаем тут, с юга, насмерть за нее.
Трубят веками наш Орел с Орлеей
Российское, орловское, мое!

В первопрестольной – в облике державы
Опять мой город сам себя обрел.
Российский герб – он потому двуглавый,
Что со столицей, нашею орлицей,
В союзниках и наш родной Орел!

Гляжу, как солнце виснет чечевично
И дальше западает за кромку.
Опять Орел мой – город приграничный,
Проходит грань по сердцу моему.

Гнездо на «стрелке». Вечер пламенится.
И клекот орлий где-то за Окой.
А тут – Орел, а там у нас – столица.
И много-много неба над Окой.

5 мая 1999 г.

Старый рынок

...Мы – поэты с реки, вроде как моряки.
Заштормило нас всех, закачало.

Уж не помню, когда ел я те шашлыки,
Спал под крышей, а не у причала.

Но, как только весна, только вздрогнет блесна,
Вижу – солнце в реке заиграло.
Так и рвутся стихи – раздуваю мехи,
Открываю, как рыцарь, забрало.

Я в ударах судьбы слышу голос трубы,
Я от гимнов былых задыхаюсь.
И, как старый солдат, погибая сто крат,
Со щита во весь рост поднимаюсь!

Май 1992 г.

Александровский мост

(песня)

Город-птица, а мост неподвижен.
Две реки, два моста, два крыла.
Тут взлетел, очутился в Париже
Александровский мост из Орла.

Александровский мост, Александровский мост.
Под мостами то Орлик, то Сена.
Перепутана жизнь – то француз, а то росс,
Александровский мост неизменно.

Назначаю свиданье себе у моста, -
Александровский мост, Александра.
Позабыл, в каком городе эти места,
Где вы ждете меня, Леонарда.

Александровский мост, Александровский мост.
Звезды реют в беззвучном полете.
Я в Парижу ищу злато ваших волос,
А вы тут, у моста, меня ждете.

Александровский мост, Александровский мост,
Александра со мной неизменно.
Под мостами течет солнце ваших волос, -
Славен Орлик, божественна Сена.

19 августа 2004 г.

На прекрасной голубой Оке

Художнику Олегу Маслову, -
под «Липой вековой».

(вакхическая песня)

На прекрасной голубой Оке
Мы сидим втроем, стакан в руке.
И шумит волна, хмельна,
Как в стакан глоток вина,
И сидится хорошо на реке.

Мы втроем сидим и пьем,
Говорим о дне своем,
И течет река, хмельна.
Бесконечна глубина,
Далеко еще до дна,
Обмывайся, мой книга, мой том!

Соловей на бреге том,
И ему чуть-чуть нальем.

И плывет душа, хмельна.
Далеко еще до дна,
Бесконечна глубина,
Обмывайся, моя книга, мой том!

На прекрасной голубоглазой Оке
Мы сидим втроем, стакан в руке.
И бежит волна, хмельна,
Зачерпни еще со дна,
И сидится хорошо, как в шинке.

На прекрасной голубой Оке
Мы сидим втроем, стакан в руке.
И течет Ока, хмельна,
По глотку в стакан вина.
Как сидится хорошо на реке!
И течет река, хмельна,
По глотку в стакан вина,
Как сидится хорошо на Оке!

Улица Латышских Стрелков
(песня)

Училище наше – рабочая смена,
На улице нашей Латышских Стрелков.
Мы герб вырезаем из клена отменно,
Под гербом Орла и летим высоко.

Мой русский характер горячий, не скрою!
Талант не зарюю свой, не затаю!

Славянские корни, я строю, я строю
В Орловском краю деревеньку свою.

Мы будем учиться, нам нравится это,
Мы будем влюбляться с тобой наяву.
Я вырежу солнце, я выкрашу лето
И жить в деревеньку свою позову.

Мой русский характер горячий, не скрою.
Талант не зарюю в тумане веков.
Да здравствуют руки, которыми строю,
И улица наша Латышских Стрелков!

Тургеневская улица

(песня)

По Тургеневской улице хаживал Фет,
И Лесков, сам Тургенев и Тютчев.
Бунин тут ощущал диалект,
Говорок наш великий, могучий.

Припев. Поле славы мое,

Подвиг близких людей.

Я иду по Тургеневской – сердце поет,

Шевелится словечко, злодей.

Тут родился Тургенев, великий Иван,
А в Париже такие живут.
Проявляются гении богу и нам,
Признают же потом и не тут.

Припев. Поле славы мое,
Подвиг русских людей.
Я иду по Тургеневской – сердце поет,
Шевелится словечко, злодей.

По Тургеневской вдоль за музеем музей,
Стрежень нации, отчая доля.
Собираюсь в музей, выбираю друзей,
Да покрепче каких и поболе!

21 августа 2004 г.,
пос. Синявский - г.Орел.

Лиза Калитина

(песня)

Встречу ее на Дворянском гнезде
В белом, как будто в тумане.
После по городу вижу везде –
Облики, предначертанья.

Дом деревянный, а возле него
Бедная, бедная Лиза.
Лиза Калитина из ничего,
В белых божественных ризах.

Оба мы с ней не из наших времен,
Оба мы с нею оттуда.
Кто-то тогда был в кого-то влюблен,
В нас продолжается чудо.

Лиза Калитина – вера в надеждах.
Миг за калиткой, любовь.
Дом деревянный, и в белых одеждах
Все начинается вновь.

23 августа 2004 г.,
пос.Синяевский – г.Орел.

Орловчанка

(песня)

Не спеши ко мне, не спеши
Со своей прекрасной улыбкой.
Не пиши мне письма, не пиши,
Был ошибкой тот день, был ошибкой.

Не лети со смущенной душой, -
Не француженка, не англичанка, -
Мне и так, без тебя, хорошо,
Дорогая моя орловчанка.

Не стучи каблучком, не кричи
С полохапкой персидской сирени.
По молчи у свечи, помолчи,
Прикрывая рукою колени.

Не врывайся ко мне, не греши,
Как в Японии где-то цунами.
Не пиши же письма, не пиши,
Пусть останется тайное с нами.

У Каховки, задумчив , стою.
Размышляю: а где же тачанка?
Без винтовки сражен я в бою,
Дорогая моя орловчанка.

23 августа 2004 г.,
пос. Синяевский – г.Орел.

Монастырка

В ответ А.Загородному.

(песня)

Живу в Монастырке, в старинном Орле,
Пишу свои книжки и песни.
Давно пребываю на грешной земле,
Пою свои песни, хоть тресни.

А кто ж ты такой, да кто ж ты такой?
Прозаик, певец, композитор?
Да вот мой двойник, Леонардо с клюкой,
Орел осчастливил визитом.

Подводную лодку опять изобрел.
Садится в свою «субмарину»
И водным путем посещает Орел,
Плывет, просвещает «малину».

То рифмой рисует, то ноту берет,
Кричит, беспокоя соседей.
Вот так мы и ходим в Орле тут в народ,
Как вышли из энциклопедий.

В своей Монастырке, как пес на углу,
С прохожими стой и не лайся!
А ты, Леонардо, не нужный Орлу,
В «да Винчи» к себе убирайся!

Да кто ж ты такой, да кто ж ты такой?
Артист, драматург, композитор?
Катись, Леонард, со своею клюкой
Ко всем остальным недобитым!

27 августа 2004 г.,
пос. Синяевский – г.Орел.

Качели

(песня)

Любую беду а лечи на ходу,
Такая в Орлове примета.
Качайтесь, качели, у нас в горсаду,
Какому лет двести уж где-то!

Под ручку ходили напару сюда
Дворяночки сладкие летом.
Тут пели романсы свои господа,
А бось отвечала куплетом.

Губернское братство стекает рекой,
И вся Монастырка при этом.
Качайтесь, качели, над синей Окой!
Крутись, голубая планета!

Качайтесь, качели, несите меня
Все выше и выше, до неба!
Увижу Орловщину – грохнусь с коня
На волны могучие хлеба.

Качайтесь, качайтесь, качайтесь все!
Несите по небу, качели!
На чертовом вместе летим колесе,
А вы бы чего бы хотели?

22 августа 2004 г.,

пос. Синявский – г.Орел.

Русичи

(здравный гост)

Ко мы такие? А гений от гения.
Кто мы такие в Орловском краю?
Отпрыски русские, дети Тургенева,
В каждом из вас я себя узнаю.

Русские – русские, белые – белые,
Чистые снега, гремучая смесь.
Я – коренной, ничего не поделаю,
Русич - всемирно отзывчивый весь.

Все тут свои, а плесну-ка вам в кружку.
Всех зазываю поднять по одной –
В хатку мою, мою деревушку,
Где я способен тряхнуть стариной.

Русичи-русичи, души красивые,
Русский язык бесконечно родной.
Вот как пошел, как пошел, как пошел по России...
Все бы отдал, чтоб вернулся домой.

Кто мы такие? А гений от гения.
Кто мы такие в Орловском краю?
Русский язык мой, дети Тургенева,
В каждом из вас я себя узнаю.

3 ноября 2004 г.,
г.Орел.

Михаил-Архангел

От жизни современной сатаня,
Все бы крушить нам, все бы непокой.
Но вот стоишь, от радости немея,
Вот Михаил-Архангел пред тобой.

Под куполами тянет к высоте,
В созвучья неба, певчие скрижали.
И через шпиль приводят к Красоте,
В гармонии святые вертикали.

В гееннах адских сгинут злые сны,
Враги помрут, перебесятся бесы...
Ходите в храмы, граждане страны, -
Вот где с подковки убирают стрессы!

Лето 1997 г.,
г.Орел.

Зеленые глаза

(песня)

Своими я зелеными глазами
Гляжу на мира всяческий окрас.
Себе погоду делаем мы сами,
И что погода делает из нас?

Припев. Стареем мы, сполна дается сдача.
Виски белеют, как примета лет.
Не покидай меня, моя удача,
Не выцветай ты, мой зеленый цвет.

Своими я зелеными глазами
Всю жизнь гляжу на наш двадцатый век.
Себе погоду делаем мы сами,
И что с того – она не человек.

Припев. Стареем мы, сполна дается сдача.
Сказал словечко молодой сосед.
Не покидай меня, моя удача,
Не выцветай ты, мой зеленый цвет.

Мы все уйдем, уходим понемногу.
Да не спешите ж нас толкать туда!
Проходит день за днем – и слава богу,
Приходит ночь – и это не беда.

Припев. Своими я зелеными глазами
Всю жизнь гляжу на прожиганье дней.
Не покидай меня, мой лед и пламень,
Не выпадай, зеленый, из огней!

Осень 1997 г.,
г. Орел.

Лох – несс

(песня)

Мелькнет и исчезнет удача твоя,
Как спинка Лох-несс, как морская змея.
Мелькнет и исчезнет на озере том,
А тайна останется. Дело не в том.

А дело, а дело совсем ведь не в том,
Что кто-то кого-то ударил кнутом.
Не в том, что на место какое-то сел,
А в том, что Лох-несс от уши пожалел.

Подводная лодка или батискаф,
Пусть «белые пятна» останутся, граф.
Пусть чуда морские в озерах живут,
Пусть тайны мирские зовут и зовут.

Осень 1991 г.,

г.Орел.

О Русская земля!

(песня)

В небе, в небе – широкие крылья!
В синем, в синем – глаза-угли!
Я – орел, птица – царь, орлы мы
Над серединной Русской земли.

О Русская земля! ты уже до холма.
Пяди, мать, не жалеешь сама.
Низко летим, нету мочи –
Стали дороги короче.

А ведь до Крыма вели -- уводили.
А ведь до Крыма была крома.
Но с пятак уже мы, как и были.
Над пятаком и грома, грома.

О Русская земля! Ты уже до холма.
Пяди, мать, не жалеешь сама.
Низко легим, нету мочи --
Стали дороги короче.

Взвейся! Чтоб в небе Орла удержало.
Взъярься! Чтоб солнце Орлят нарожало.
Чтобы нас боги несли и несли
Над просторами русской земли!

21 февраля 1999 г.,
г. Орел.

Часть вторая. Орловские города и веси.

Песни из мешка

Припаду губами, поцелую землю.
Возвращаюсь, сени, к вам издалека.
В переметной сумке режу саблей зелье,
Высыпаю с зельем песни из мешка.

Это все из сердца, это все моленя,
Силы поднебесные нас к себе влекут.
Как же я люблю их, Русь, твои коренья, -
Конь зеленогривый, розовый маршрут!

Сам коня веду я в поводу.
Дай в подпору песню заведу,
Пусть моя порода пламенится,

Русь на этих песнях коренится,
Мать моя - степная кобылица!
Из мешка – под сердце, прямо в лица!

Омега фиолетовая глаз

Алмаз (Л.М.З.) – это камень и мой.

В своих песнопеньях – за Русь постою,
Свои песнопенья – пою.
Алмаз стокаратный – на сто расколю
И людям иду раздаю.

Алмаз стокаратный – бегущий поток
Я сквозь фиолетовость глаз разглядел.
Когда заалеет на лоне Восток,
Алмаз стокаратный останется бел.

Он бел, мой алмаз, мой великий кристалл,
Как чистая-чистая, белая Русь.
В алмаз стокаратный, как только устал,

Так я многократно ложусь.
Попробуй собрать те караты в алмаз,
Вернется ль назад фиолетовость глаз?

Ключ камергера

(песня о Спасском-Лутовиново)

Ключ камергера, ключ камергера,
Самый хранимый из спасских ключей.
Крепость орловская, новая эра,
Ключ камергера – свой и ничей.

А ведь когда-то сидели мы в «баньке»,
Были желанны Тургеневу, всем.
Что-то случилось... Да перестаньте!
Все уповать на финансовый тлен.

Все пролетит мимо русского гения:
Замки, ворота, монархи и трон.
Только останется ключик к Тургеневу,
Ключ родниковый, малиновый звон.

Утро туманное по лугу стелется,
Утро седое до самых висков.
Да перестаньте же! Даже не верится,
Ключ камергера со скрипом веков.

8 ноября 2004 г.,
пос. Синяевский.

Артист

Меня вы принимали за артиста –
Любимого, родного, своего.
Еще не пел, а просто шел со свистом
И улыбался, больше ничего.

Приехал я под Питер, в Комарово,
Попал на кухню. Да не в глаз, а в бровь.
Увидели, сказали: «Это ж Вова!
Артист!» И в душах вспыхнула любовь.

А я не Вова! С первого-го взгляда.
Я – Леонард! И не из ВТО.
Артистов дом был тоже где-то рядом,
Но приняла меня как от него.

И я запел! писатели тогда
Меня сажали на любое место.
Все пело, плыло, как сейчас, всегда.
Мне Карева казалась, как невеста.

Гомер не пропадал на Соловках,
Шекспир не пал в Синявинских болотах...
Вы – питерцы! Вы просто ох и ах!
Вы – ленинградцы! Это значит что-то...

И я пою! Возможно, и артист.
Поэт сказал, перебирая песни:
- Тут посидел? К Ахматовой садись!
Ты у своих, ты тут с друзьями вместе!

А сам ведь тоже был из Соловков.
И подмигнул, передавая опыт:
- Ходи, артист, по лезвию веков.
На кухне спел? И дальше, парень, топай!

Апрель 1972 – 21 сентября 2004 г.,
пос. Комарово – пос. Синяевский.

Городок

Белым лебедушкам

(новосильская лирическая)

На откосе вечернем, над Зушей
Степь хазарскую видишь, Восток.
Все поет и поет, только слушай
Новосильский княжий городок.

Здесь лебедушки песнь хороводят,
А над речкой летают стрижи.
В поле девичьи запахи бродят,
Цвет волос поспевающей ржи.

Приголубь, приласкай, как родного,
Обогрей на дорожку чуток,
Чтобы вернуться когда-нибудь снова
В этот славный княжий городок.

Пусть в росе, как и прежде, сняют
Матеолами вежи веков.
И ревнуют, и все выясняют
Ароматы французских духов.

На откосе вечернем, над Зушей
Пой, лебедушка! Падай, листок!
Новосильские влюбчи вы души,
Люб России святой уголок!
Есть в России святой уголок!

* * *

Переборет и нас эта тихая жизнь,
Перевесит судьба, перевеет.
Перегонят года, перебесят стрижи,
Одолеет трава, одолеет.

6 ноября 2004 г.

г.Орел – г.Новосиль.

Два дуба

(песня)

Ой, два брата, два могучих дуба,
Нет могучей по равнине русской!
Ой, два чуда, два зеленых чуба
Перевиты эхом, цветомузыкой.

Как один – тургеневский, ядреный,
В Спасском, в слове, повезло колоссу.
А другой – толстовский, чуть зеленый,
С неба, что ль, свалился к Абрикосу?

С молодости был тот самый случай.
Вот дубы схлестнись из-за рябины.
- Дураки! – блеснула им из тучи
Вдовая Аринушка, Арина.

Ой, да не вещуй судьбе несгодушку!
Не пророчь, не накликай воочию!
Как пошла вдова в свою породушку,
Решето до ягодок охочее.

Отчего миазмами да кручами
В стороне от счастья вызвончаемся?
Отчего, дубы, чубами жгучими,
На плече челомкаясь, качаемся?

Ой, да два могучих, одиноких,
Нет могучей по равнине русской?
Отчего у нас, таких широких,
Долюшки-то, долюшки-то узки?

19 декабря 2004 г.,

Спасское – Лутовиново,

Абрикосово – Синяевский.

Ламбада

(песня)

Как выйду из дому, из милого сада,
Пойду по степям, ~~на зенит~~,
А дома в святом уголочке лампада
Тихонько со мной говорит.

Лампадка, лампада – оттуда, из сада,
~~Ладони~~ родительских ласк.
Танцуй, Аргентина! Мне много не надо, -
Гитара, гармошка и сакс!

В огонь превращайся, лампадка, лампада!
Лампаду ламбадой верши!
Сыпь листья из сада нам, матушка – лада,
Сокровища русской души!

Где нас не носила коррида, ~~эста~~ ада,
Глаз женских блистательный блеск!
Танцуй, Аргентина! Дай жару, ламбада!
Гитара, гармошка и секс!

23 февраля 2005 г.,
г.Орел

Малоархангельск.

На стратегическом направлении /

Только сейчас и понял,
Что было тогда, какой ад.
В железной пурге
Семь месяцев
Насмерть стоял Малоархангельск,
На Орловско-Курской дуге, -
Как Одесса и Сталинград!

Семь месяцев шли
Семь километров –
До Глазуновки и Поньрей!
До сих пор вымывает кости большого веса.
Но в том-то вся суть и печаль,
Что в свое время не сделала дела пресса –
Про Малоархангельск сказав невзначай.

Штрафники погибали тут, гибли,
Штрафбаты, Армия Рокоссовского, -
И просто так, лишние люди, эхо гражданской войны,
Тут обагрят поля,
Не считаны тыщи.
До сих пор на той самой кровянице
Хлеб рождает земля,
Все пропавших без вести ищем.

Не одни города – герои
Одолели беду, говорят.
А Ельня? А Мга? Вот и Малоархангельск,
С юга обороняя Москву,
Почти семь месяцев
Стоял и не пал –
На самом ходу, на стратегическом направлении, -
Как Одесса и Сталинград!
Мал золотник, да дорог, удал.
Как перемесили его кровь и металл!
Весь народ городок защищал,
Подвиг на всю Россию!
Вот и сейчас с юга Москву замыкает!
Малых подвигов не бывает!
Ноябрь – 2004 г.,
г.Орел – г.Малоархангельск.

Степная песня

В когорте малых городов,
Быть может, и не самый малый,
Он весь из парков и садов,
На стеллах павшим звезды алы.

В когорте малых городов,
Быть может, и не самый малый,
Он весь из парков и садов,
На стеллах павшим звезды алы.

Мы тут живем, на видном месте,
Как раз меж Курском и Орлом,
Где ключ Оки, родные песни
И синий-синий окоем.

Припев. А степь – а степь,
А степь – а степь,
А степь широкая.
А по степи кресты да колея.
А ключ – Ока, а небо синеокое,
Глубинка русская моя.

Мое высокое раздолье.
Плесни из кружки, и течет
Одна река – на Черноморье,
Другая – до Каспийских вод.

Как назвала Екатерина,
Так и стоим мы на своем.
Малоархангельск – слово длинно,
Но кратко – на сердце моем.

Припев. А степь – а степь,
А степь – а степь,
А степь широкая.

А по степи кресты да колея.
А ключ – Ока, а небо синеокое,
Глубинка русская моя.

Он крепко сшит и ладно скроен,
Георгиевский кавалер.
Как у Москвы, святой Егорий
Венчает наш духовный герб.

Мы у архангелов в чести.
Как Феникс, встаем из пепла...
Любимый город мой, расти!
Да будет нам с тобою светло!

Припев. А степь – а степь,
А степь широкая.
А по степи кресты да колея.
А ключ – Ока, а небо синеокое,
Глубинка русская моя.
Судьба моя, душа моя глубокая!
Россия – родина моя.
Судьбы моя, душа моя глубокая,
Святая Родина моя

12 сентября 1996 г.,
г.Малоархангельск.

Ключ – колодец

(песня)

В тихом городке Малоархангельске
Я иду, а подо мной журчит.
Под моими окнами, как праздники,
Голоса, как в серебрах ключи.

Кто их, родниковые, повесил, -
Знак скрипучий, мерный звон цепей?
Кто колодец тут накуролесил
Посредине улицы моей?

Это водосвятие к народу
Вынесено с нашего двора.
В знак того, что пали за свободу
На войне три дедовых орла.

Бьет вода живая – льет, не уставая,
Значит, живы! Господи, живем!
Дедово наследство – это помню с детства.
Дедушкино, родовое пьем.

А копал ту жилу дед с Ивани,
Доставал до чрева самого.
Про подлюдку услышал нарани,
Задохнулся – это ж про него!

Это ж он, засыпанный в колодце,
Из Ивани голос подает!
После дед мой только и берется
Скалывать на сруб намерзший лед.

Вот водопровод в Малоархангельске,
Но с утра все светится, журчит,
И на нашей улице, как праздники,
Серебрами звякают ключи.

Бьет вода живая,
Льет, не устывая.
Значит, живы! Господи, живем!
Доброе наследство это помню с детства,
Нашенское, родовое пьем.
Доброе наследство, это помню с детства,
Дедушкино, родовое пьем.

Бислан

(песня)

Припев: Ты – мой двойник, ночью приснился,
Силой всевышней во мне пробужден,
Тот человек, который родился
Или который будет рожден.

Иду, иду я – по своей державе.
Иду, иду – балладный человек.
Встречаю всех, спросить любого в праве,
А чем, а чем ты осчастливил век?

Любой – сидящий на высоком месте,
Любой – судьбою сброшен в самый низ,
Несешь в себе какие флаги, песни,
И как они в тебе переплелись?

Вот почему, когда Бислан назвали
И страшен был детей последний всхлип,
Как будто изнутри гнездо взорвали,
И там орел, учитель мой, погиб!

Припев: Ты – мой двойник, ночью приснился,
Силой всевышней во мне пробужден,
Тот человек, который родился
Или который будет рожден.

7 ноября 2004 г.,

г.Орел.

Календарь

«Что вкушать в посты и праздники», -

Я повесил календарь.

Вот какие безобразники –

Все едят, в любую рань.

Все и пьют в любое время,

За день все перегорит.

Календарь мой пьет со всеми

И со всеми говорит.

Пашет, пишет, врет ужасно,

Напоминает, будь здоров!

Лишь растительное масло

Разрешая на Покров.

На поселке нынче праздник,

Все – на Жановой горе.

Вот какой он безобразник –

Красный день в календаре!

14 октября 2004 г.,

пос. Синяевский.

Песенка о Мухе

Сварил я борщ, конечно, мировой!

Таких у нас не едывали сроду.

Хотел позвать, чтоб Вася Лановой

И-спил со мной, пошел, не зная броду,

По стопочке, по маленькой под борщ.

И позабыл про Васю Ланового.

Поплыл, плыву – такая в миске мощь!

Добраться бы до берега крутого.

О Лановом напомнила мне муха:

Упала в рюмку не в мою – в его.

Я вилкой вон: «А ну вали, старуха!»

И что еще? А больше ничего.

На стол легла та подлая, та Муха.

И кверху лапки, и а ну крутить.

И слышу я маленечко, в пол-уха,

Она давай мне воду тут мутить.

Запела в голос тонко, без изъяна.

Ну как Надежда Кадышева, - чё?

«Эх, напилася я пьяна, напилася я пьяна!

Одну налил, ну поднеси еще!»

Вот так сидели с Мухой мы, балдели.
И пропасть пропадала в окнах, жуть.
А в душу одиночества глядели,
Хотелось спеть для них хоть что-нибудь.

9 октября 2004 г.

Дольче вита

(песня)

Дольче вита, дольче вита,
Сладкая, сладкая жизнь.
Петь чего-то хочется,
Каблучки колотятся,
Песенка хоть падай, хоть ложись.

Только, только, толюшко,
Дольча моя, долюшка.
Три-четыре, молодая жизнь!

Сладка вита, сладка вита,
Дольчая, дольчая жизнь.
Денежку мы сыщем,
Все с себя просвищем,
Песенка хоть падай, хоть ложись!

Дольче вита, дольче вита,
Сладкая, сладкая жизнь.
И при том, при этом
Денежка с портретом,
Песенка попробуй отвяжись!

Дольча моя, долечка,
Жить еще нам сколечко?
Столечко, столечко и еще подстолечка,
Песенка попробуй отвяжись.

Петь чего-то хочется,
Каблучки колотятся,
Песенка попробуй отвяжись!
Песенка попробуй отвяжись!
Песенка попробуй отвяжись!

21 сентября 2004 г.,
г.Орел.

Зеленя
(песня)

«Зеленя» – слово, введенное в оборот речи Тургеневым.

Снеговье обоймет, и с зеленых полей
Понесет меня к Солнцу, в заветные дали.
Я иду, я иду – ветер злее и злей,
Мы горластей еще не видали!

Норовит под кожанку, в теплушку залезть –
Застудить, опрокинуть, закинуть в курганы.
Обопруся о дуб, - уж такие мы есть,
Переждем, перебесятся старые раны.

Те поля уж не пашут, а те зеленя
Уж, наверно, последние, – экое дело!
Бурьяны, бурьяны ободрали меня,
Когда шел, где, бывалыча, греча кипела.

Привезут из-за моря, и горюшко с плеч.
Перемелют – и крышка, без всякой мороки.
Променяют на хлеб нашу русскую речь
Да еще и чужие подсунут пороки.

Ветер рвет кожанок со плеча моего.
Посижу у костра, пошаманю на тризне.
Натерпелись за жизнь, навидались всего
Зеленя, зеленя, зеленя по Отчизне!

Лето 2003 г.,
пос. Синяевский.

Адамант

(Золотой треугольник)

Спасское-Лутовиново и Никольское-Вяземское -
Издавна всем известный «комплот»,
Где Лев Толстой и Тургенев не княжески –
Так, по простому, ходили в народ.

Есть и еще тут местечечко скромное,
Где Абрикосов и сам Лев Толстой,
Сидя под дубом, вкушали скоромное,
Пили из кружки душистый настой.

Этот поселок не с пенышка толика –
Недра язычества, чувство вины.
Нет у страны без него треугольника,
Как без народа нет и страны.

Мистика берега, тайны магнитные
Слово сюда притянуло, талант.
Вот почему в языке мы элитные,
Речь первородна, любой – адамант!

Может, поболее города – стольника
Перлы могуч отсюда видны.
Нет, адамант, без тебя треугольника!
Без первородного нет и страны!

14 октября 2004 г.,
пос. Синяевский.

Адамант – по старинному, с греческого алмаз.

Прощание с Синяевским

(песня)

Дорога меня на горку вела,
Любила меня, вольнодумка!
Глубокая осень, а тут расцвела
Ромашка белая, сурепка мала
И даже почтовая сумка.

А там золотые метелки березы,
Иной на макушках их климат.
Прощай, мой Синяевский! Скоро морозы
Тебя полюбовно обнимут.

Прощай, моя хата! И Юра с Иваном!
И лес – пустячок, Арёновский.
Туманы с обманом, грибки по полянам.
Дожить до того бы Перова.

Высокоместо. Будь Наполеон тут,
Ареной бы стало все сквозь.
«Билайн» мой до самой Москвы пронесен –
До лобного места, до звезд.

Но все это частности, так, миражи...
Мы спим, нас давно уже нет.
Чуть в сторону – Африка, зарубежи,
На стенке зеленый портрет.

Кресты по крестам. Но про это – молчок!
Не торкай, почтовая сумка!
Глубокая осень, а тут паучок.
Дорога вела, в паутину брала,
Любила ж меня, вольнодумка!

16 октября 2004 г.,

пос. Синяевский – г. Орел.

Песня о погибшей Яблоне

(которая, засохнув, дала мне в осенние холода
написать «Прометей»)

Яблоня у самого крыльца,
У воды серебряной, где трубка,
Самая красивая с лица,
Самая непьющая, голубка.

Что случилось? Почему засохла?
Обожгло мне душеньку тогда.
Мать вздохнула: «Где-то что-то сдохло,
Все Чернобыль, все беды сюда».

Припев: Яблонька милая, яблонька белая!
Как ты, бывало, цвела!
Что с красотой ты, кормилица, сделала,
Как же ты сад подвела!

С сыном пилили мы
Яблоньку летом,
Утром туманным, седым.
Знали, что осенью скажет при этом
Розовым телом своим.

Вечер впрозись! И мороз по коже!
В русской печке жаркие дрова.
Прометей живет со мною тоже,
Прометеем пишутся слова.

Это вжату он принес Огонь
Для тебя, садовый мой кумир!
Яблонька, любимая, с ладонь
Пепла, а жары – на целый мир!

12 октября 2004 г.,

г.сс. Синяевский.

Священная ко́чова

(деревенская баллада)

Вел коровенку на мясо сдавать,
Последнюю-то в округе.
Двадцать пять километров шагать,
Узел висел на подпруге.

Вот уж с пятнадцать, наверно, прошел
С тихой коровой Василий.
Это еще ничего, хорошо,
Старые оба, но в силе.

В силе пока что корова и он –
Тянутся по дороге.
И размышляют о жизненном всем,
Ну и, конечно, о Боге.

«Что ж ты, милый-то, нас позабыл,
Тут за сироток оставил.
Ближе к быку я когда-то водил,
Счастья себе не составил.

Вот и на пальце колечко, кольцо,
Женушка в темной могиле.
С молодцу все было заподлицо...
Топай же, топай, Василий!

Шлепай и ты, коровенка моя.
Пыль разгребая копытом.
Не обижайся на наши края,
В валенке неподшитом.

Ела соломку, бурьян, а вчерась
Мук не хватило на резку!
Всех воспоила и вот дождалась
Этой дороги в отместку.

Кустик крапивный. Кустище еще.
Был же когда-то поселок.
Глянул бы этот товарищ Хрущев,
Главный тогда идеолог.

Вот куда Райку водил я к быку.
Сам ночевать оставался.
С другом, бывалыча, по черепку,
Больше, ни-ни, зарекался.

Нукося, дай-ка сюда узелок!
Друга бывшего помянем.
Так, значит, где у нас тут Восток?
Ликом к восточному встанем.

Не осуждай за такое меня,
Друг же ведь был закадычный.
Ну со здоровьищем вас и коня,
Третья уж будет нам лишней.

Конь я когда-то ить был вороной!
С гривой в ворота не влазил.
Где же тут дверь-то... еще по одной, -
И никаких безобразий.

Коля, мой друг! Пригласил ты меня!
Я со своею бутылкой.
Ах ты ушел? Ну помянем коня...
Вместе с сенокосилкой.

Вон она за бурьянами стоит,
Как ее бросили, Коля.
А говорили, что делает вид –
Городу, области, полю.

Выпьем же, братцы, от малокровья!
Не оставляй, Коля, зло,
Пей до дна, пей! И еще за здоровье,
Только б не подвело.

Месяц ущербный. Но – ведро. Хоть вешай
Там на рожочек ведро.
Вот рассиялся! Во тьме-то кромешной.
«Ой, мороз! Ой, мо-ор-о...»

С тем и присядем. Нет в ногах правды,
Нет ее, видно, нигде.
Коля, мы дома и очень вам рады!
Где тут заглашничек, где?

Ты бы позвал быка моей Райке,
Чтоб он за ней приглядел».
«Хи-хихи», – подмигнул он хозяйке,
Даже ладошкой задел.

Хлопнул и Колю, дружка, по плечу,
Булькнул еще из бутылки.
Влил бы и Райке. «Пойду поищу,
Где тут ведро для горилки?»

А мы повесим его на рожок,
Не пожалеем ведра.
Ну и давай, мой последний дружок,
Эту, еще одну, на посошок,
Да и в дорогу пора.

Ноченька что-то шатает меня,
Пьяненько месяц косится.
Что ли, остаться тут, все же родня,
Да с утраца покоситься?

Значит, последняя... чует мой нос...
Это... за косовицу...
Царство небесное, и за колхоз,
Было куда обратиться.

Нынче крапива кругом да луна,
А за луной и мороз.
Вот и стоит коровенка одна,
Братцы! на целый колхоз.

Жалко мне Райку, ить любит меня,
Тоже была чернобровой!..»
И повернул дядя Вася коня
Вместе с своею коровой.

Звезды мигали ей даже и днем,
Райке той, Раечке вдовой.
Шел он небесным, молочным путем
Вслед за священной коровой.

14 октября 2004 г., на Покров,
пос. Синяевский.

Матица

Стоит на юру обветренном хата,
Какая-то одинокая.
Одиночества в ней многовато,
Дума глубокая.

- Что, Кузьминишна-то, невесела? –
Говорят ей друзья по цеху. –
Пригорюнилась, нос повесила...
А Кузьминишне не до смеху.

Лет сто, а может, и двести
Держалась, и не было слому
Этой хате, этому дому
С Родиной вместе.

Бывало, как напряжение какое,
Где-нибудь небо вот-вот расколется,
Так хозяйка в магазин, само собой,
Да на потолок солицы.

Сегодня мешочек, завтра мешок.
Пока есть, неизвестно, что будет.
Вон уж спички потащили люди,
В Никарагуа – красный цветок,

Бухать начали с самолетов...
Асвечера Кузьминишна помолиться забыла.
Господи! То Никарагуа просит мыла,
То Палестина еще чего-то.

Где же выдохнуть тебе-то, -
Трогает она матицу, -
Когда я еле-еле?
На что сила тратится
Каждое лето!

Зимой ссорятся и дерутся,
А летом воюют.
Так соседи, едва переночуют,
С утра первыми в магазин прутся.

- Что, Кузьминишна, как осиротела? -
Говорят они ей потом, в знак сближения. -
- Ночью, - говорит, - матица треснула, хата села.
И опять напряжение.

Так и живу, хлеб-соль жую.
Хата с краю,
Солью хлеб посыпаю...

Милые вы мои! Городские, селянские!
Мать ты моя, матица!
Палестины-то христианские
На таких святятся.

Песни про «Аэрофлот»

* * *

Ушла в небытие, куда-то там в Парижи,
Умчал тебя «Аэрофлот» – и что?
Да понял я, что нет с тобой нас ближе,
Но ты ушла туда, к Жак-Ив Кусто.

Мы ссорились с тобой тут и мирились,
Жизнь превращали в крепкие слова.
Когда же позвонишь, когда, скажи на милость?
Хоть слово скажешь, долетев едва.

На крыльях мифов, пахнувших престижем,
Уходят наши женщины туда.
За счастьем, миражом каким-то рыжим,
Чтоб кануть там, в чужие города.

Мы ссорились с тобой тут и мирились,
Жизнь превращали в жуткие слова.
Чего молчишь, чего, скажи на милость?
Хоть слово молви, долетев едва.

* * *

С утра звонки – такая свистопляска!
И все тебе, и все к тебе народ.
А главное – наш кот любимый Васька
Большой привет тебе передает.

Вот и сейчас сидит передо мною
И напевает песню про тебя.
И называет милою, родною,
И даже чуть кусается, любя.

Восьмое марта нынче, женский праздник,
Все и звонят по-прежнему тебе.
А тут как перст, плюс кот наш – безобразник,
Такой дуздец, ничего себе.

Но вот звонок – особый уж, оттуда!
И высверкнул мурлыки жаркий глаз.
- Оделась легковато я, простуда!
Холодновато что-то тут без вас.

* * *

Погас зеленый, колдовской у Васьки,
Зато мой вспыхнул, стенки голубя.
«Послать ей шубку»... - Ну-ка, Васька, слазька,
Снимай, браток, последнее с себя.

«Куда пошлешь, - в тот мир, к тебе, вели же!
Где те твои местечки, адреса?»
И понял я, что нет нас в мире ближе!
Сгинела отчужденья полоса!

Мы ссорились с тобой тут и мирились,
Жизнь превращали в лишние слова.
И вот звонок – зачем, скажи на милость,
Звонишь не сразу, прилетев едва?

И все-таки, и все-таки, и все же
Жизнь такова, везде она не мед.
Неси, эфир, туда свое и божье!
Вези шубейку ей, «Аэрофлот»!

* * *

Что плохо тут, там хорошо пока.
Так одиноко нам в томленьях адских,
Не съела б окончательно тоска
В превратностях и без того дурацких.

Однако душу мы не продаем,
На блага не меняем наших женщин.
Ты понял, кот, про что мы тут поем, -
Ученый мой, любимый, Вась ка вещей?

И вот оттуда, как на парашоте,
Презентик сбросил нам «Аэрофлот».
Винишка передали, футы-нуты,
«Мадам Клико» рекой, гляди, течет.

Уходят наши женщины в Парижи, -
В чужие, голубые города.
За счастьем, миражом каким-то рыжим,
Где рай земной, шампанское – вода.

8 Марта 2005 г.,
г.Орел,
Россия.

Акведук

Сорок веселых сорок

(Балада про Нарышкинскую каплю воды)

Воды в Нарышкино поверху, близко.

Пальчиком чуть поведи,

И из-под камня, из-под обелиска

Брызнет фонтанчик, поди.

Сорок дворов, как и сорок фонтанов,

Сорок веселых сорок.

Вот растрещались, талдычат с курганов

С Запада и на Восток.

Так и живем мы в засушливом крае,

Пруд переходим уж вброд.

Только в Нарышкино, мир удивляя,

Пышно ракита цветет.

Свой акведук хоть от Древнего Рима

Строй, а водицу веди.

Тут недалече – в Орел или мимо,

В книжные дебри, поди.

Сорок фонтанов жары добавляют,

Сорок веселых сорок.

Вот и ходи тут из ближнего рая,

Шапку клади на порог.

Капнуло с неба на плечи, в рубашку,

Аж захватило мне дух.

Вот и веди древнерусскую фляжку

Горлышком под акведук.

Воды Нарышкино – доблесть России,

Край волхованных болот.

Если бы каждый по капле Мессии,

Так бы не жаждал народ!

18 декабря 2004 г.,

г.Орел

Баллады про стаканы

По-орловски – стаканы́.

Еще жив Пушкин, пушкинская эра.
Уж начинает солнышко сиять.
Писательскую лавку в День Гомера
В Санкт-Петербурге решено создать.

Смирдин собрал. Огромен самовар,
Стаканов триста сдвинуто к нему.
С кого начнем? Кому дан божий дар?
Естественно, известно всем – кому.

Кому, кому? А речь Крылову – первым.
Естественно, литературный дед.
Кому опять же?! Но планида – стерва
С Жуковским выставляет свой портрет.

И только третьим Пушкин влил в стакан...
Так с той поры и лавочка ведется.
В президиуме кто? Какой-нибудь банан,
Кому из самоварчика и льется.

Литинститут, а тож не дураки.
Придумана ж такая атмосфера:
Тот – академик, те – литчердаки
И стаканы́ огромного размера.

А Пушкин что ж? А премия на что?
Она, родная, пушкинской зовется.

А там Есенин ходит без пальто

И ждет, когда фортуна улыбнется.

30 ноября 2004 г.,

пос. Синяевский – г. Орел.

Гимн Орлу

Крылатой птицей над Окой летящий

Орел наш – город славы боевой.

Уж пятый век, как друг твой настоящий,

Он задушевно говорит с тобой.

Припев: Боянный, среднерусский, синеокий –

В музейный город едет вся страна.

Пусть мелки воды – берега высоки,

И все нам имена, все имена.

Первый салют Орлу – мы победили!

Первый салют – и всегда победим!

Улицы – розы, улицы – крылья,

Город любимый, Отечества дым!

Столица близко, слышатся куранты,

Кремлем – красавцем искренне горжусь.

Тут мелки воды – глубоки таланты,

Могучая тургеневская Русь!

Припев: Боянный, среднерусский, синеокий –

Гербовный город знает вся страна.

Пусть м л воды – велики дороги,

Овеянная славой сторона.

Первый салют Орлу – мы победили!

Первый салют – и всегда победим!

Улицы – розы, улицы – крылья,

Город любимый, Отечества дым!

Улицы – розы, улицы – крылья,
В небе России к Солнцу летим!
В гербе России к Счастью летим!

19 декабря 2004 г.,
г.Орел.

Песня о России

(гимн)

Россия великая, Русь изначальная,
Ширь евразийская, вещей полет,
Тебе, моя Родина, песнь величальная,
Тебе мое сердце поет и поет.

Припев. Свято храни себя, Родина славная!
Всех собирай под двуглавым орлом!
Мудрость народная, сила державная,
Стой навека, наш отеческий дом!

Прошли мы сквозь грозные годы, ненастья.
А столько дорог нам пройти предстоит.
Но к солнцу, но к миру, свободе и счастью
Нас чистое, смелое сердце стремится.

Припев. Свято храни себя, Родина славная!
Всех собирай под двуглавым орлом!
Мудрость народная, сила державная,
Стой навека, наш отеческий дом!

Сияй, золотись куполами любимая!
Россия могучая, матушка Русь!
Моя неделимая, неодолимая,
Гордился тобой всегда и горжусь.

Припев. Свято храни себя, Родина славная!
Всех собирай под двуглавым орлом!
Мудрость народная, сила державная,
Стой навека, наш отеческий дом!
5 августа 2002 г.,
г.Орел.

**Слово Матери,
сказанное у ее гроба**

Марии Герасимовне – моей матери.

Так и стояла, все горя пия,
Противу этой стихии.
Имя библейское, Матерь – моя,
Богова дочка Мария.

Мать, не стони! Не надрывай мне душу.
Она и так истерзана страной.
В последний раз твой тихий голос слышу,
Не уходи, побудь еще со мной.
21 октября 2004 г.,
г.Малоархангельск.

Мои песнопения

(лирика)

Часть первая. Песни об Орле.

Песня об Орле	1
Страны света	2
Эпиталама (песня)	3
Червоная свеча (песня)	4
Розовая стрелка	5
«Бристоль» (песня про жеребенка)	6
Мерин с оттопыренной губой	7
Моя Орлея	8
Старый рынок	9
Александровский мост (песня)	10
На прекрасной голубой Оке (вакхическая песня)	11
Улица Латышких Стрелков (песня)	12
Тургеневская улица (песня)	13
Лиза Калитина (песня)	14
Орловчанка (песня)	15
Монастырка (песня)	16
Качели (песня)	17
Русичи (заздравный тост)	18
Михаил-Архангел	19
Зеленые глаза (песня)	20
Лох-несс (песня)	21
О Русская земля! (песня)	21
Часть вторая. <u>Орловские города и веси</u>	22
Песни из мешка	22
Омега фиолетовая глаз (песня)	23
Ключ камергера (песня о Спасском-Лутовиново)	23
Артист	24
Городок (новосильская лирическая)	26
Два дуба	27
Ламбада	28
Малоархангельск (на стратегическом направлении)	29

Степная песня	30
Ключ-колодец	33
Бислан (песня)	34
Календарь	35
Песенка о Мухе	36
Дольче вита (песня)	37
Зеленя (песня)	38
Адамант (Золотой треугольник)	39
Прощание с Синяевским (песня)	40
Песня о погибшей Яблоне	41
Священная корова (деревенская баллада)	42
Матица	47
Песни об Аэропорте	49
Акведук	51
Баллада про стаканы	52
Гимн Орлу	53
Песня о России	54
Слово о Матери	55

БЕЛЫЙ ОРЕЛ

(песни об Орле)

(А'капельно-авторский концерт)

Сторона А. Мужчина и женщина. Оркестр Поля Мориа.

Белый Орел.

Утро туманное.

Песня об Орле.

Страны света (стихи).

Мелодия. Романтическая гитара. Эпиталама.

Червоная свеча.

Старый рынок (стихи).

Александровский мост.

На прекрасной голубой Оке (вакхическая песня).

Мелодия. Романтическая гитара.

Тургеневская улица.

Лиза Калитина.

Орловчанка.

Монастырка.

Качели.

Русичи (задравный тост).

Русские народные песни. Очи черные.

Ночка темная.

Романтическая гитара. «Цыганочка» («Моя Орлея»)

Сторона В. Романтическая гитара. «Цыганочка»

(«Моя Орлея», продолжение).

Утро туманное.

Белый Орел.

Романтическая гитара. Михаил-Архангел (стихи).

О Русская земля!

Мелодия. Романтическая гитара («Лопата»). Песни из мешка (стихи)

Ключ камергера.

Городок (новосильская лирическая).

В тихом городке.

Мелодия. Бислан.

Зеленя.

Адамант (Песня о Золотом треугольнике).

Прощание с Синяевским.

Баллада про стаканы.

Русские народные песни.

Пролечу, прозвеню...

Ой, мороз, мороз!..

Белый Орел.

Утро туманное.

ISBN 5-89991-003-X

ББК 83.3

(2 = РУС)

6

3 80

Автор:

Леонард Михайлович Золотарев.

**«Прометея (героическая трилогия).
Мои песнопения (лирика)».**

Ответственный редактор: Осмоловский Олег Николаевич –
доктор филологических наук, профессор.

Технический редактор: Ветров Николай Владимирович.

Корректурa автора.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии Территориального органа
Федеральной службы государственной статистики
по Орловской области.
(пер. Воскресенский, 24, индекс 302001)

Подписано к печати: 25.07.2005г.
Формат 60x84 1/6. Печать офсетная.
Усл.п.л. 30. Заказ №72.
Тираж 500 экз.

